

ЗМЕЙ

8-7-1-1-8



ВАЛЕРИЙ СТАРСКИЙ

Что может быть сильнее и коварней случайности? Пожалуй, разве что только цепь случайностей, а это и вовсе штука опасная. Вот ты боевой пловец, через кровь и пот почти достиг совершенства, случайность и ты в инвалидной коляске и вся привычная жизнь, будто ластиком стерлась. Хочешь уйти из жизни, даже не пробуй, тебя ведь ожидает следующая, вуаля, и ты уже в засекреченном бункере, доброволец подопытный, вместе с лабораторными крысами. Казалось бы, ну все, хватит, а нет, цепь есть цепь, недели — неси. И здравствуй, Новый Мир Стикс! Сможет ли Михайл Войнов с обездвиженными ногами, по прозвищу Змей, разорвать эту цепь и стать палачом мессией в этом мире, это знает только Стикс и возможно Пифия с мыса бакенов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Удача, дева переменчивая, вот она с тобой и вроде бы уже по привычке держать красавицу под руку, или за какое другое место, а нет. Знай, друг, товарищ, господин. Облом Обломище и вся его похоронная команда всегда где-то рядом и не стоит расслабляться.

Ночь начала очередной спецоперации выдалась даже лучше прогнозируемой. Шторма в южных морях бывают такие, будто находишься в гигантском миксере. Настоящий кайф для прирожденного война или валькирии.

Вертушку трясло и болтало на пределе отказа техники. Внутри, в темноте, периодически озаряемой вспышками молний, в полном боевом оснащении довольно скалились боевые пловцы, как же, впереди почти джакузи, теплые воды Персидского залива, это тебе не Балтика.

Замигал оранжевый плафон. Тут же из распахнувшейся двери пилотской, вынырнул, как черт из табакерки выпускающий, и на всю силу своей Иерихонской трубы заорал, сотрясая пространство:

— Подобрались, Перуновы отродья! Пошли! Пошли!

И они пошли, выстрелив собою в бушующую бездну.

Одному с позывным Оружейник не повезло, на глубине его встретила скала. Братя по оружию и крови не бросили, а зря. Он бы предпочел выстрел.

Глава первая Мишень под землей

Санкт-Петербург Адмиралтейство, кабинет последнего морского министра Российской империи Ивана Григоровича.

Как и положено, в кабинете высокого морского чина пахло хорошим табаком и под стать отменным ромом. Компания в таком-то месте собралась необычная. Несколько высших офицеров ВМФ России и столько же в гражданском, в приличных костюмах, при галстуках. И не вооруженным глазом было заметно, свою одежду сидевшие напротив офицеров носить не умели, не сидело цивильное на них и все тут. Этим ребятам скорей подошла бы привычная для них одежда: джинсы, кроссовки, свитер — универсальная одежда для молодых ученых. Вошел Адмирал. Все встали. Адмирал на ходу жестом указал садиться:

— Предлагаю без официоза, времени нет, совсем нет. Сергей Павлович, докладывай.

Внушительный, явно боевой офицер, в чине капитана первого ранга кивнул и доложил:

— Объект 02342 завершен и готов к испытанию, планируем ко дню Морской Пехоты 27 ноября. Осталось утвердить вахтенного на автономку.

— Кандидаты?

Батин Сергей Павлович, которого все звали Батя, уверенно выложил на стол дело.

Адмирал удивленно:

— Один?

— Так точно, Виктор Викторович, один. Ручаюсь за него, блестящий боевой офицер, капитан третьего ранга, специалист по стрелковому вооружению, — с небольшой заминкой дополнив, — лучший специалист, допуск по секретности полный. Присутствующие офицеры с кандидатурой соискателя согласны, с научным отделом Минатома, — Батя кивнул на сидевших напротив гражданских, — так же все согласовано.

— Оружейник? — хмуро смотря в глаза спросил Адмирал.

— Так точно, — ответил Батин, скрипнул зубами.

— Не скрепи зубами, не скрепи. Черт морской. Как он?

— Держится.

Адмиралу, вдруг, вспомнилось, когда его в первый раз жизнь столкнула с Оружейником. Они тогда болтались в Атлантическом, как же, совместные учения с НАТО. По окончании, к ним на флагман тогда напросилась целая топа натовских офицеров, мол, отметить успешное окончание. “Ага, отметить, жалом поводить, нос свой хитрый лисий куда не следует сунуть”.

Суть да дело, за столом зацепились за стрелковое оружие, мол, все у русских хорошо, а вот снайперское оснащение — дерьмо. Ведь провокация чистой воды и повелся же. Итальянцы тогда быстро все организовали, демонстративно две бутылки из-под шампанского за борт, с катера подняли снайперку и спеца, ведь подготовились же заразы. Бутылки, покачиваясь золотыми головками, уже прилично отнесло течением. Надо сказать, стрелять с палубы, то еще искусство, качка меткости не прибавляет. Стрелок метился долго, выстрел, второй, попал. Все кричат, хлопают в ладоши. А вот и подход. Один из офицеров нагло так с поддевкой:

— Если из ваших кто-то с пяти выстрелов попадет — с нас ящик лучшего шампанского.

Адмирала опять улыбнуло, досконально все вспомнилось: тепло, чайки кричат, пахнет океаном и слащаво-ехидные лица партнеров.

— Батин, что делать будем? — оказалось, Батя уже подсуетился.

К нему по палубе чеканным шагом подошел спецназовец со снайперской винтовкой за плечами, и доложил по всей форме.

— Ладно-ладно сынок, можешь вот ту, золотоглавую подстрелить?

— Есть. — Ответил лейтенант и выстрелил навскидку, без всякой подготовки. — Боже мой, и попал.

— Разрешите идти?

— Идите.

Надо было видеть, как корежило в улыбках натовских засранцев. А ящик тогда они все же выставили, хоть это по-честному...

А теперь, вот, личное дело: “Войнов Михаил Валентинович. Эх, Михаил. Не повезло тебе Миша”.

— Добро, утверждаю, — хлопнул рукой по папке «Виктор Викторович».

Когда Адмирал отбыл, Батя присев, перевел дух:

— Получилось.

Красногорск "ЗЦВКГ им. А.А. Вишневого" Минобороны России.

Тихая, ясная ночь, про такую обычно говорят звездная. Длинный переход между корпусами, у огромного панорамного окна с видом на заснеженные деревья и ночное небо одиноко притулилась инвалидная коляска, в ней мужчина лет тридцати. Лицо волевое, даже скорей суровое, с легкой щетиной, его можно было бы назвать привлекательным или даже красивым, если бы не характерная больничная бледность и неутешительное клеймо параплегии[1].

Когда маешься несколько лет по госпиталям, рано или поздно приходит время подводить итог, а он, этот итог, был, мягко говоря не утешительный. Все, что ниже двенадцатого ребра уже не при делах, окончательно и бесповоротно, и даже в высшей инстанции обжалованию не подлежит.

Пять лет, целых пять лет он терпел, не давая себе слабину. Меж операций и реабилитаций, Оружейник, со свойственным спецназовцу неистовством, до рвотных позывов тренировал, истязал и истязал, то, что двигалось и жило еще в его теле. Так или иначе, его неистовое желание встать на ноги ни к чему не привило, разве что он научился самостоятельно испражняться и еще кое каким другим суровым хитростям спинальников.

Врачи очень хвалили и утверждали, что он уникал — за столь короткий срок столько всего достиг. Хотя Миху эта похвала не очень-то бодрила, она скорей даже злила.

Жизнь же, за этими многострадальными стенами шла, бежала своим чередом. Теплые ливни сменялись холодными белыми мухами и по кругу, и по кругу. Вначале, перестала в его палате появляться жена, следом, по очереди реальная жизнь, будто кислотой вытравива друзей и знакомых, а потом и знакомых-знакомых, а родственников у Михаила и вовсе не было, какие родичи могут быть у Ораниенбаумской сироты. А в один из дней и телефон предал, умолк и похоже навсегда, будто ему безвозвратно его электронный язык вырезали. Тот, кого когда-то называли Оружейником ни кого не осуждал у всех своя жизнь, и для того чтобы выжить нужно движение, обездвиженные, первыми сходят с дистанции благополучия, он же теперь тормоз, и на фиг никому не нужен в таком-то стремительном мире. Колясочник провел пальцами по влажному стеклу и тихо сказал:

— Битва проиграна, что ж, нужно дернуть за это, жаль из гостей только звезды, — ладонь война прижалась к стеклу, где мерцали мириады звезд.

— Сколько же я не пробовал серьезный алкоголь? — столько не живут, — заключил

Михаил.

Сидящий в коляске вынул из-за пазухи граненый, как же без него, ритуал как-никак и два флакона с медицинским спиртом, подгон от белых ангелов. Девчонок сестричек он всегда защищал, даже теперь. К сожалению похотливых имбецилов, считавших себя в праве по любому поводу, всегда и везде предлагать свои поношенные причиндалы, как какое-то благо, всегда в достатке. Его еще уважали и старались не идти супротив отмороженного спецназовца, на лице которого, нет-нет да и проявлялась, в моменты раздражения, маска бешеного, не сломленного берсерка. Настоящий хищник, даже с перебитым позвоночником остается опасным.

Михаил открыл, вылил огненное пойло в граненый. Полюбовался жидкостью в стакане. Сделал несколько подготовительных вдохов-выдохов. Задержал дыхание на половине выдоха, выпил, затем медленно вдохнул носом, выдохнул, еще немного подышал ноздрями, пока не перестало жечь в пищеводе.

— Хорошо-то как. Расслабило и успокоило знатно.

Оружейник долго смотрел на звезды, а звезды смотрели на него. Почему-то он больше всего с детства любил смотреть на Большую и Малую медведицы, нравились они ему и все тут, опять же кто в России не любит медведей — символ как-никак.

— Привет, Медведи, куда идете?

— Домой, — ответили медведи, — и тебе пора, — и продолжили свой извечный путь.

— Верно, похоже, и мне пора. Светало. Миха вынул длинный железный штырь, лично заточенный втихаря о кафель, и хотел было вогнать успокоитель в грудину, как оглушительно заголосил телефон.

— Привет солдат, — рявкнул до боли знакомый голос.

— Здравия желаю, товарищ капитан первого ранга, — как можно бодрее ответил Миха.

— Как ты?

— Безделье подчистую сожрало, даже ногтей не оставило, Батя.

— Представляю, у меня тут рядом, в Сосновом Бору, стрелковый клуб образовался, хороший тир и все такое. Приглашаю, пожжём боезапас маленько, пусть люди полюбуются на заоблачную вышину. Покажешь свой класс желторотым птенцам. Да и дело у меня к тебе есть, рассчитываю и не только я. Оружейник, если честно ты позарез нужен. Хватит там прохлаждаться, да сестричек щупать, делом нужно заниматься.

— Да я...

Его бесцеремонно прервали:

— Отставить плачь Ярославны! Все ты можешь. Призвание и навыки не пропить и не потерять, это уже в крови. Надеюсь, наши эскулапы еще не всю кровь из тебя выпили.

— Да нет, этого добра еще навалом осталось, Батя.

— Вот и я говорю. Ну не томи. Устрою как в Хилтоне.

— Согласен, — сквозь сжатые зубы выдавил Оружейник, едва сдерживаясь.

По суровому лицу Михи текли слезы, беззвучно, как и подобает снайперу.

В Пулковое его встречал сам Батя, увидев, прищурился, приглядываясь, заявил:

— Зато руки, как нужно прокачал.

— Здорово, Бать!

— Здорово, Оружейник! — обнялись, как смогли.

— На Ваську к тебе заглянем? Жена, друзья? — Оружейник отрицательно покачал головой.

— Все ластиком стерлись.

Трешку на Васильевском острове он давно приобрел, да вот обжить как-то не сподобился, что там, на обои смотреть что ли.

— Понял, — буркнул понятливый Полковник.

До Соснового Бора доехали быстро, остановились только в Ораниенбауме, Оружейник попросил переехать железнодорожный переезд тот, что у Железнодорожного вокзала и проехаться по Угольной стенке, всласть подышать родным воздухом Рамбова да на Финский с Кронштадтом полюбоваться. На пограничном посту в Лебяжье их машину даже не тормознули, здесь знали машины Бати.

Тир под вывеской "Мишень" откровенно разочаровал. Да, чистенько, в фойе на ресепшене девочка красивая, да, все функционально, современное антирикошетное покрытие, отличная освещенность, оружейное разнообразие, двадцати пяти метровая галерея. Есть стрелковые столы, упоры с оптикой отслеживания выстрела. Поднялись на второй этаж — пятидесяти метровая галерея. Но все это как-то по-граждански, да и непривычной суеты у стрелкового барьера было чрезмерно много. В тире сразу находилось несколько молодежных компаний. Двое парней видимо вдохновившись реконструкцией Великой Отечественной, бессмысленно жгли боеприпас из ПШШ.

На крайней дорожке задорно смеялось несколько ярких девушек, вызывающе одетых, явно не для тира, по всему забавлялись «Девяносто второй Береттой». Инструктор, слегка седой мужчина, похоже, потерял контроль, скорей всего сейчас больше думающий не о калибре 9X19 и 15 патронах в магазине «Беретты», а о выставленных напоказ параметрах 90X60X90. Нет, нарушений стрелкового кодекса Оружейник не заметил, просто армейская привычка — вторая натура и хаоса не терпела, но сказать что-либо он не осмелился.

Они опять спустились на первый этаж и проследовали через ресепшен влево и попали, в непонятно куда ведущий, узкий, низкий коридор, будто вырубленный в массиве бетона. Заканчивающийся узкой, подозрительно добротной, стальной дверью, ведущей: то ли в бывшую щитовую, то ли в подсобку уборщика. Жёлто-грязный, обшарпанный напольный кафель с прорехами. По центру две древние спортивные лавки, а по периметру старые, проржавевшего цвета упадка и запустенья шкафчики с номерами, нанесёнными, когда-то видимо белой краской. Батя не смущаясь заскрипел створками одного из раритетных шкафчиков, на удивление, достав оттуда два добротных стакана и на первый взгляд настоящий «Бакарди».

— За встречу по капле, за наших. Не против?

— Давай. Морские демоны при встрече за всегда Ромом своих поминают, — осипшим голосом обмолвился Миха.

Полковник помолчал, скрипнул зубами, слегка вдарил кулаком в плечо бывшего своего подчиненного:

— Все будет путем, Оружейник. — Разлили, не чокаясь накатили. — Здесь поговорим? — Оружейник кивнул.

— Что скажешь про объект?

— Батя, без обид, тир хороший и это пистолетный тир. Настоящие игрушки здесь пользоваться — баловство одно. Сотка нужна, хотя бы. Кто ты здесь, Батя?

Капитан первого ранга пожал плечами:

— Никто, рядовой член клуба. Тимур Вячеславович директор «Мишени», сосед мой, дружим.

— Ясно, темнишь ты Батя. Сидим в какой-то бичарне, с дверью, на которую пластид тратить жаль, думаю и килограмма мало будет.

Батя заулыбался:

— Глаз алмаз — моя школа. С дверью, согласен, упущение, исправим, завтра же закамуфлируем под щитовую, «осторожно убьет» и все такое.

— На, вот, подпиши о неразглашении.

Оружейник прямо на подлокотнике инвалидной коляски, не читая, подмахнул. Батя довольный, встал, поставив свой бокал на скамейку, подлил собеседнику, подмигнул:

— Теперь можно и серьезно поговорить. Ты прав в своих выводах, тир — это лишь прикрытие. Прежде чем предложить тебе службу, от которой ты вряд ли откажешься, небольшая предыстория, что бы тебе понять, что тут и как тут.

Когда-то коллективы атомных станций СССР активно соревновались между собой, бокс, биатлон, тяжелая атлетика, стендовая стрельба и еще много чего и уж поверь мне, это были настоящие баталии, кровь и пот, по телевизору такого не покажут. И в 1990 году ЛАЭС стала, фактически чемпионом СССР. Такие результаты были достигнуты благодаря СТК «Нейтрон», тир — это тоже «Нейтрон» кстати, стрелок Владимир Гончаров — пятикратный чемпион Европы, воспитанник этого тира. К середине девяностых все здесь ушло под нож по примеру всей страны.

Извини увлекся, возвращаюсь по делу. С 1979 по 1981 на ЛАЭС вводили в эксплуатацию третий и четвертый энергоблоки, стройка была грандиозной, в это же время начал строиться и «Нейтрон» тогда еще здесь не было тира, а была огороженная и с хорошей охраной воинская часть 02342 и, якобы, отстойник цементовозов для работы на ЛАЭС. На самом деле, здесь строили секретный объект, с таким же кодовым именем 02342. Суть проста, на глубине триста метров из стали и бетона создавали кокон, с внутренним объемом, сравнимым с будущими перспективными субмаринами, для обкатки новых технологий и систем. В три смены работали лучшие специалисты, а потом, когда уже тир здесь стоял, втихаря, вахтовым методом работали, а 1991 году 02342 и вовсе заморозили — законсервировав.

В стране бардак, предатели правят страной, да ты и сам все знаешь. И только года три назад в одной из неназываемых лабораторий Минатома произошел, как утверждает руководитель, настоящий прорыв в будущее. Вот тогда о подземной субмарине вспомнили. Там, и Батя указал пальцем вниз, все уже готово. Испытания начнутся двадцать седьмого ноября, объекту предстоит год автономки. Нужен бессменный вахтенный.

— Я? — спросил с надрывом Михаил.

— Ты.

— Батя... ты... — горло задрало, сдавило, Миха не смог сдержать слезы, Батя обнял своего фактически сына, и лучшего, как он считал, война. Участливо протянул стакан с ромом. — Ты меня просто спас, опять спас, Батя.

— На, плотни бальзаму и не думай, что будет просто, отстреливать придется много, но ты это любишь.

— Как отстреливать? Зачем? — удивился, враз успокоившийся Оружейник.

— Да все просто, в виду появления прорывных технологий, решено было предельно засекретить объект, в лучших традициях отцов и дедов. Полноценный экипаж это больше ста человек. Так?

— Так, — согласился Оружейник.

— Кто ж на такое пойдет, при такой-то секретности, и где взять столько толковых людей с нужным доступом, да еще довести их до какого-то приемлемого уровня слаженности. Думали, думали и наконец, решение пришло, получилось не стандартно, и по моему мнению по-военному изящно. Совместить концепцию подводной лодки и стрелковой галереи — еще тот симбиоз. На первый взгляд идея кажется безумной. Но только на первый. Стрелок в этой идее центральная фигура, а его работа на галерее, в загерметизированном коконе, станет едва ли не большим раздражителем для регенерации воздуха, чем жизнедеятельность сотни человек. С атомной силовой установкой оказалось еще проще, все данные вывели на пультах во вне, где-то на территории ЛАЭС за тобой только визуальное наблюдение. Как тебе?

— Фантастика! — восторженно ответил Оружейник.

— Вот и я говорю. Правда к твоим обязанностям есть небольшое, но хлопотное обременение, винюсь, и сам до последнего не знал. Испытательница у тебя будет на попечении, маленькая блондинка, красивая и главное, молчунья.

Батя заржал, люди так не смеются, этак только лошади могут, ну а Батя, Батя исключение какое-то из рода человеческого.

— Дааа... вахтенный капитан, Видел бы ты свое перекошенное лицо, будто касторку с ромом перепутал. Да не трясись ты так, сейчас покажу тебе красавицу четырехлапую. — Батя опять заскрипел ржавыми створками уже углового ящика и достал клетку, поставив ее на лавки. — Знакомься, твоя подопечная.

В клетке сидела странная, бедная крыса, большая, белая с нехарактерными, ломаными мазками серого цвета, больше смахивающего на камуфляж. Почему странная и бедная, да по тому что, выглядел этот зверек, от вживленных датчиков и пупырышек выведенных антенн, как инопланетянин.

К клетке крепилась двусторонняя, прозрачная табличка из оргстекла, где на вложенной разлинованной, белой картонке было написано: Лабораторная крыса «Тигра», слово «Лабораторная» было жирно перечеркнуто, сверху подписано «Судовая», а снизу, той же рукой выписано: “Принята на полное довольствие, в качестве Юнги. Кормить, Любить, Жаловать, по возможности воспитывать”. В верхнем правом углу этого мини паспорта, красовалось: “Утверждаю, капитан первого ранга БФ Батин, и подпись”.

— На такую подругу я согласен, — заявил Оружейник. — Мы с тобой одной крови, Тигра. Оба мы подопытные — обратился он, смотря на крысу.

Та, встала на задние лапы, заводила головой из стороны в сторону, принюхиваясь к запаху человека смотрящего на нее, звонко пискнув, типа ответила.

— Ну, вот и познакомились, хорошо. Пора отправляться к месту службы, берем мелкую и вперед.

Батя подошел к чугунной, выдавшей вида, обшарпанной батарее и повернул по часовой стрелке заглушку. Противоположная стена, вместе со шкафчиками совершенно без шума вдавилась и ушла вниз, открывая доступ к большому грузовому лифту фирмы «OTIS» блестящему, как... Все знают как что.

— Как всегда, шифруемся? — съязвил Оружейник.

— Здесь ты прав, впрочем, это никогда не помешает, лучше перебдеть, опять же и служивым поспокойнее.

Лифт ухнул вниз.

— Знаешь, и тебе наверное, как стрелку, будет приятно узнать, что за твое вынужденное

отсутствие многое произошло, отрадно, что в положительную сторону. Наконец, и до снайперских комплексов руки у государства дошли. А после известных событий на Востоке и пиратских атак у берегов Африки, эта работа и вовсе сейчас в приоритете. У тебя там, — и Батя указал большим пальцем вниз, — будет много из нового, вот и протестируешь всласть.

— Согласен, такое приятно слышать. А сколько туда? — оружейник повторил жест своего командира.

— Ствол шахты триста метров, защита в такой слой железобетона, считаю, ее и прямым попаданием Американского «Пискипера[2]» не поколебать.

Оружейник уважительно присвистнул. Лифт остановился, вышли, вернее, Капитан первого ранга вышел, Оружейник выкатился. Тут же механизмы опустили стальную плиту, закрыв возврат к лифту. Автоматически включился тусклый свет. Небольшой серый тамбур из шершавого бетона одна из стен сплошной метал по центру люк-дверь, по принципу входа в банковское хранилище, рядом кодовый электронный замок.

— Слышь, Батя, раньше я такое только в кино видел, впечатляет.

— Да я и сам мелко трясусь каждый раз, когда сюда спускаюсь, боюсь когда-нибудь окончательно здесь мумифицироваться. Представляешь, три ошибки и все, в подобном случае нас из этого склепа даже горноспасатели, с лучшим горнопроходческим комплексом, никогда не достанут.

— Батя, ты уж, пожалуйста, код там свой не перепутай, а то я от любопытства быстрее кончусь, чем от удушья, да и Юнгу жалко.

Батя тряхнул слегка клеткой в левой руке:

— Юнга, это конечно да, ей, бедняге, еще столько всего сделать нужно, ты уж там получше пригляди за девочкой.

Капитан первого ранга набрал код и отошел, что-то громко щелкнуло, наверно запорный механизм, крышка дернулась и медленно, буквально по сантиметрам стала открываться, шипя, как змея рассерженная, видимо не любила всяких там пускать в свою сокровищницу.

— Заметь, Войнов, здесь не развернуться, узковато да? Архитектор, да и строители, те, что строили, не зря хлеб Оборонки жрут. Все продумали, черти головастые. Воздуха тут мало, почти нет, через час спичка тухнет. А если взрывом эту махину брать — укрыться негде, и сколько тонн пластида потребуется, думаю, даже создатель этой бронированной твердыни не знает. Только представь, вход двухметровой толщины, стальная плита, по самое не могу утопленная в крепчайший железобетон, а сам внутренний кокон, по моей инфе, толщиной более двадцати метров, того же железобетона. Правда, жесть? Сам каждый раз сглатываю, когда задумаюсь об этом.

— Согласен, это уже точно на уровне наших дедов, есть чем гордиться. Слышь, Батя, я тут тебе идею с подработкой подкидываю, забирай сюда золотой запас страны под охрану, здесь, пожалуй, безопаснее будет, чем в Гохране.

Батя ухмыльнулся:

— Идея неплоха. Только тут и так с ценностями по самое горло. Даже если представить, сколько может стоить эта вся прорывная хрень, что здесь размещена, затылок чесаться начинает. Ладно, двинули!

Сначала прошел Батин, потом коляска, а следом сам оружейник питоном вполз:

— Ни хренасе, — вырвалось из уст Оружейника, и было от чего. Они оказались на деревянной полукруглой платформе, собранной из массивного лиственного бруса, а вокруг

огромная рукотворная пещера. По периметру, как лепестки ромашки, располагались подсобные помещения мастерских, а стеблем выступала штольня, обряженная в железобетонные кольца, вполне себе метрополитеновского размера, окончание терялось где-то в темноте, освещение платформы было не достаточное, чтобы увидеть ее окончание. У самой платформы, на рельсах, стояла пристрельная радиоуправляемая тележка (дрезина) с разнообразными ростовыми и не только мишенями.

— Давай, Миха, включи освещение стрелковой галереи! — и полковник протянул пульт, пояснив: — большая зеленая.

Оружейник нажал, от вида убегающих вспышек света аж дыхание сперло.

— Ух, двести, — едва ли не выкрикнул Оружейник.

— Ни глаз у тебя Миха, а форменный лазерный дальномер, все верно — двести метров. Надеюсь, хватит.

Батин с удовольствием наблюдал за сияющим лицом боевого товарища. Оружейник, похоже, говорить не мог, но жестом у горла показал, что очень хватит, даже с избытком.

— Пристрелочная тележка управляется вот этим, — и полковник слегка нажал небольшой джойстик на пульте и не маленькая дрезина, почти бесшумно, тихо засвистев электрическим приводом, со скоростью болида ринулась к дальней отметке. На большом табло над (штольней) замигали цифры, отсчитывающие расстояние удаления. — Тут же на пульте можно заранее задать удаление. — И полковник показал как.

Оружейник повторился:

— Охренеть. Ну, погнали дальше смотреть твою вотчину.

Здесь оказалось и в правду больше, чем, на что он рассчитывал, о чем мечтал. Станочная, с его любимыми Торносами,[3] слесарная, кузня, закалочная, материальная, где казалось, находилось все от акульей кожи и железного дерева, до булата в слитках.

А Полковник продолжал и продолжал экскурсию по современной пещере Али-бабы. Остановившись у одной явно бронированной двери со знаком «Осторожно радиация», указал:

— Заметь, у комплекса автономка полная, и не только энергия, вода, канализация — все продумано, как на последних подлодках. Причем яйцеголовые от Атома, здесь поставили свой какой-то последний агрегат, и раз в год будут навещать к тебе с инспекцией. Хотя все данные они и так снимают. Так что, за этой дверью вотчина не наша, сюда даже не суйся. Ну, вот и жилой бокс. Тут все, как обещал, даже тренажерный зал с небольшим бассейном есть, и зал процедурный. Процедурный — это скорей медицинский бокс, с лампами там всякими, подземелье все-таки это тебе придется посещать ежедневно. До начала эксперимента, каждый день к тебе будут спускать два уборщика и врач. Не обессудь — устав. Знаю, ты с людьми не очень сходишься, поэтому потерпи и выявляй, чего здесь еще не хватает. Не против?

Оружейник понимая согласился, кивнув.

— Согласен значит с работой?

— На все сто Батя, и спасибо тебе, не подведу.

— Ну и ладушки. Тогда двинули в Оружейку. Думаю, я тебя еще удивлю.

— Куда уж больше, я и так как пацан десятилетний впервые попавший в Центральный Детский Мир на Лубянке.

— Пожелания, просьбы есть?

— Есть командир.

— Давай!

— Как я понимаю, у нас на поверхности есть пошивочный цех по спецуре?

— Да, шьем. Даже мешки под песок для стрелков, подсумки, разгрузки, горки. Ассортимент большой. Тебе что-то нужно?

— Да нужно пару-тройку комбезов из перфорированной парусины. Пусть девчата сошьют на меня, и еще хороший скотч, все. Мокасины и усилители я и сам сошью. Батя, как ты посмотришь, если я буду передвигаться по-пластунски? Знаешь, как осточертела коляска, если честно, я ее боюсь даже больше Деда Мороза в детстве.

— Ты боялся Деда Мороза? — Капитан первого ранга улыбнулся.

— Здесь нет ничего необычного, Батя, просто логика. Посуди сам. Огромный дед, в руках дубина с навершием, за плечами мешок. Живёт где-то в глубоком лесу, носит парик и бороду с усами из свалывшейся ваты. Видимо, не хочет, чтоб его истинное лицо видели. Никто не знает, где именно этот гражданин живёт, и есть ли у него паспорт. А добрые люди не ведут подобный образ жизни. Остановить его не может ни милиция, ни полиция, и даже ПВО ничего с ним сделать не может. Приходит, когда хочет, обычно ночью, странно же. Дарит сомнительные, ненужные подарки и оставляет записки, бросающие в дрожь, типа: «Слушайся маму и папу, я слежу за тобой всегда и везде». Жуть получается, и в туалете после этого не расслабишься, кто же любит, когда за ним подглядывают?!

Батин весь этот монолог ржал как умалишённый, утирая слезы:

— Понял, тебя Оружейник, на елку не приглашаем. А на счет передвижений, делай как тебе удобней и запомни: — здесь, — и полковник развел руки, — место твоей ответственности, ты здесь царь, бог и охрана в одном лице, если конечно не считать Юнгу, без твоего ведома, сюда только со свинцом в голове могут войти, даже я. Берешь объект под охрану.

— Через час, Батя, объект будет под охраной, я уж постараюсь.

— Вечером принесу документы на подпись.

Полковник посмотрел и сморщился, — “не хочет уходить отсюда” — прочитал Оружейник.

— Слушай, мне уже давно бежать нужно, оружейку сам посмотри. Думаю, тебе будет приятно и удивительно. В общем, ты в неплохой норе. У всех телефонов в бункере есть экстренные списки, там и мой на всякий. Нужно будет что-то, звони. Комбезы сегодня же закажу. Твой размеры я еще помню. Все, бывай брат, — и полковник стремительно пошел к лифту.

Двери лифта распахнулись, полковник обернулся и еще успел сказать:

— Боезапас не жалея, жги сколько душе угодно, из чего угодно...

Все, он остался в так нужном ему Раю, один.

[1] Паралич обеих конечностей.

[2] Миротворец — американская тяжёлая межконтинентальная баллистическая ракета шахтного базирования.

[3] Высокоточные Швейцарские станки.

Глава вторая Шизофрения, или еще какая Хрень

Впервые, с той трагичной для него ночи в Персидском заливе он чувствовал себя как-то уравновешенно, спокойно. Девять дней он уже здесь и ему нравится. Вчера, наконец, ушли Атомщики и спецы по установке регенерации воздуха. Долго по очереди жали руку, желая удачного эксперимента и личного здоровья, мило и как-то виновато улыбаясь. Оружейнику они нравились, эти научники в белом, эти люди из какого-то другого мира. Приятно было с ними общаться: тактичные, обходительные даже застенчивые в чем-то, и в тоже время, темпераментно увлеченные своим делом, хорошие, непостижимо умные люди.

“Все, один. Целый год одиночества. Мечта сбылась”, - кто бы знал, как он устал от людей.

Следующим утром он проснулся рано, давненько он так не высыпался, прошедшей ночью он не срывался в пропасть, его ни пытали, ни казнили, ни умерщвляли различными предметами, кошмары-вороги почему-то покинули свой пост.

— Я люблю тебя Бункер! — громко крикнул Оружейник, не боясь, что кому-то помешает. — Красота! — потянулся, сполз на пол, извернувшись, натянул высокие овчинные чуни, закрепив их к голени скотчем, следом широкие кожаные наколенники и налокотники, сделанные им самим из сыромятины, более похожие на средневековые поножи и наручи. Ну, вроде как удобно, проделав несколько упражнений в таком снаряженном состоянии, ужом двинул в туалет, а следом в душ, там конечно пришлось разоблачиться. Вернувшись в спальню, тестер прорывных технологий, надел один из парусиновых комбезов, добротного изготовления для него пошивочный цехом полковника, а поверх всю свою амуницию, которую в шутку называл латы полоза, тщательно закрепив ее скотчем, дабы ничего не выбилось при движении по-пластунски. Добрался до платформы, привычно, доступными физическими упражнениями притязал себя примерно с час, следом уже привычно туалет и душ. По быстрому добрался до столовой, глотнул поливитамины, сделал себе кофе, разбавил баночным молоком, открыл ветчины, добавил к этому пару галет. Умял в свое удовольствие. Рядом Тигра с удовольствием наминала ветчину.

Он лежал на платформе, было удобно и тепло, пахло свежеструганой лиственницей и оружейным маслом. Он уже перетащил сюда, как говорится, поближе к сердцу, и снайперскую винтовку «Корд» и одноименный пулемет и даже пару Стечкины, периодически перебирая их до последнего винтика и обратно любовно нанося смазку, по ходу замечая изъяны массового производства, обдумывая пути исправления и улучшения изделия. Это нехитрое занятие, казалось бы, монотонное занятие, всегда помогало ему, даже в очень сложных ситуациях достичь какой-то внутренней гармонии — будто молитва. Повод понервничать сейчас был. Ожидание, когда же начнется это действие, из-за которого он здесь как речной рак, проверяющий качество воды, расшатывало. О том, что проект может сорваться, думать даже не хотелось. Для него теперешнего, почему-то уверовавшего, что у него в этой подземной субмарине все получится, и он еще раз будет полезным Родине и сам как-то по кубикам соберётся.

Что он знал о запуске, по правде сказать, немного — собственно ничего. Должен прозвучать тревожный сигнал, и загореться вон тот на своде красный плафон, следом продувка, предупредили, будет шумно, затем герметизация, включение всех систем, все. Да, еще красный плафон должен стать зеленым, явный признак штатно работающих систем —

автоматика. Оружейник засмеялся над собой, сотрясаясь, уткнувшись лбом в брус. Что может знать речной рак о водоканале и его работе, будучи хорошим, наглядным биодатчиком пригодности подаваемой городу воды.

Вспыхнул красный плафон, заголосила сирена. Все его естество привычно отреагировало, адреналин, будто вскипел в крови, он на одних руках подскочил, сработали вбитые годами боевые рефлексy. Подсознание, почему-то до сих пор, не хотело признавать, что ног, можно сказать нет, и он кулем повалился на платформу.

— Полоз не может прыгать и бегать он должен ползать, — сквозь плотно сжатые челюсти прошипел Оружейник.

Зашумело, будто лес под сильным ветром.

— Продувка мать его! Держись Тигра!

Он вынужден был вжаться, прихватив одной рукой крупнокалиберную винтовку, стоящую на сошке, второй, клетку с Юнгой, ее потащило по платформе, не говоря уже о мелочевке: патронах, магазинах, цинках, которых просто, как сухие листья снесло к бордюру.

— Вот дают. Бляха! У них там точно что-то пошло не так. Нагнетаемый воздух, был какой угодно, но только не для дыхания, он был какой-то плотный, словно насыщенный прогорклым маслом вперемешку с серной кислотой. Оружейник даже закашлялся от сильного кислого привкуса во руту.

— Эй! Эй! Подопытные человек и крыса, Мать вашу, заявляют протест! — он кричал, ругался все тщетно. Хотя сомнений не было, здесь должны быть и камеры и микрофоны и они должны были его слышать, ну или видеть. До экстренных телефонов он дополз быстро, они не работали, облом со связью его почему-то не удивил. И тут он увидел это. Было, от чего перестать орать и пытаться привлечь к себе внимание, чего уж там, когда от двери с “жизнеутверждающим” знаком «Радиация», буквально ползло какое-то золотое свечение со вспыхивающими, кратковременными то тут, то там искорками. Из уст вырвалось только вот это:

— Мдя, Пиз...ц однако.

Спокойно дожидаться этого искрящегося и будто живого смога, выучка не позволила. Миха схватил клетку с Тигрой и перевалился через бордюр платформы. Удар о бетонные шпалы пришелся на ноги, он ничего не почувствовал и шустро пополз к самому удаленному месту от реактора. Юнга не смотря на юный возраст, стойко перенесла встряску и кувырки. Вцепившись намертво в прутки клетки, в стиле дам, впервые пришедших покорять крутые Американские горки, ну там, ошалелые глаза и вздыбленные волосы, в нашем случае — конечно шерсть.

— Матрос не ссать, — орал Оружейник. — Мы еще покочевряжимся, морскую пехоту просто так не возьмешь, едрена вошь.

Ползти и держать в одной руке клетку, оказалось то еще занятие, обхохочешься. Подобное мазохистское бегство тоже когда-нибудь приходит к завершению. Вот и все, конец пути. Тут тебе и тупик, и самый крайний стенд для стрельбы. Проверил. Штаны на месте, тапочки тоже остались с хозяином, клетка с юнгой присутствует. Надо же, оказалось, экстренная эвакуация прошла штатно, и без потерь. Ну вот и оно, его место, рядом с мишенями, что ж символично.

Необъяснимая золотистая хрень остановилась примерно на ста восьмидесяти метрах. Похоже, чуток поживем еще. Беспокоила голова, гудела как пивной котел в самый

ответственный момент. “Плевать, потерпим”. Пришлось ломать мишени, благо они деревянные, и сооружать что-то наподобие гнезда-лежанки. Прошел час, два и еще и еще, он все ждал. Тишина, только юнга иногда нервно попискивает. Воздух видимо не нравится, или голова как у меня «бо-бо», уже и не голова вовсе, а барабан в руках отморозка, вообразившим себя Яном Пейсом из «Deer Purple».

— Люди, где вы? Умереть от мигрени, да меня в чистилище не пустят. Скажут: — “Пшел отсюда, халявщик”. А в ответ все та же тишина. Никто не бежал, не спасал, не укутывал в одеяло. Где спецы, где яйцеголовые, где на худой конец пожарные. Гнетущее затишье удручало. Одно хорошо, воздух вроде, как бы очистился, больше не смердело разбитыми аккумуляторами.

Оружейник подвинул к себе клетку с Тигрой:

— Знаешь что, Юнга, в виду нештатной ситуации на борту, держать и дальше тебя под арестом считаю постыдным. Если уж и придется нам погибать, всяко свободным это сподручней делать.

Оружейник открыл клетку. Тигра медленно выбралась, явно ей это понравилось, и тут же отправилась обследовать, что тут да как.

“Эй, куда?” — про себя обратившись к Тигре, Оружейник сожалел, что убежит и возможно навсегда. И тут его накрыло или наехало непонятно что: безудержная радость от движения, от простора, удовлетворение, перед глазами полный хаос, зрение и обоняние в одном. Импульсам скакали черно-белые, очень контрастные картинки с какими-то неоновыми, цветастыми выделениями не мыслимых запахов, несущих ему ворох чуждой информации. Головокружение, его замутило и выбросило в реальность. Придя в себя, Оружейник тряхнул головой и шумно выдохнул:

— Я видел ее глазами, я чувствовал, я видел запахи, как она. Пи...ц! Да я волшебник тудыт-тую! Удивительно.

Слишком много всего необъяснимого за неполный день. И Что-то подсказывало, что это еще не все.

— Не, умирать не хочу. Да ни за что, с такими-то талантами. Теперь мы с Тигрой хоть в цирк, хоть в медвежатники, или еще куда, везде эксклюзивны.

Пошарил по карманам, где-то была пара-тройка галет, очень уж нужно, заодно и ревизия. И правда, нашлось пяток галет, запаянных в целлофан, складной швейцарский нож, скотч, магнитоное огниво — памятная вещь, вкуче с не убиваемой привычкой таскать всюду, и конечно еще одна, уже давно часть Оружейника, его кровный брат — нож голубой стали в ножнах, привыкший к его левому предплечью, носящий имя «Аристократ». Все.

— Не густо, что ж пробуем, — он представил Тигру, посмотрел на галеты, откусил и постарался все это передать. Опять накрыло и тут же отпустило. Через несколько секунд Тигра прыгнула ему на грудь, он протянул галету. И без контакта было понятно зверь голодный, пока уминали по-братски сильно урезанную пайку, Оружейник попытался подвести итог:

— И так, что мы имеем? А имеем мы, сильную головную боль, результат, скорей всего — отравления, вызванного интоксикацией органов дыхания. Гипоксии явно нет, головокружения, рвотных позывов тоже, аппетит присутствует, сознание не терял, пульс, давление норма. С момента казуса часов пять точно прошло, значит не все так плохо и отек легких мне уж точно не грозит.

Сняв одежду, он осмотрел себя. Несколько детских ссадин, пару уже более серьезных

царапин на ладонях, результат спурта по-пластунски, да еще огромный синяк на бедре, если это можно еще так называть. Остальное в норме, по-настоящему беспокоит лишь головная боль! Нужно конечно медикаменты, но как к ним пробраться. Остается лишь перевести дух и хорошенько поразмыслить о случившемся, пока Юнга его долю доминирует.

Итак, произошло что-то явно выходящее, даже за рамки чрезвычайного. Доводы, для подобного вывода, слишком весомы. И их, пожалуй, с избытком:

Воздух с поверхности.

Отсутствие связи.

Необъяснимое физическое явление в пределах Реактора.

Полное бездействие ответственных служб и лиц. Что ж попробуем разобрать по отдельности.

Воздух.

Версии: диверсия на воздухозаборнике — нет, не состоятельно, подопытный жив, что угодно только не диверсия; авария на химическом предприятии — это бы да, но в этом, до приторности ухоженном городке, подобного производства не имеется, даже в проектах. Кто ж будет загрязнять самый экологически чистый город на Северо-западе. А если кто-нибудь из состоятельных, что и замутит, Атомщики костями лягут, но напрочь изничтожат подобное, причем, вместе с зачинщиками, эти парни еще те выдумщики. Нет, это тоже отмечаем. А если смещение пластов, типа землетрясения нарушивших воздуховоды с проникновением пластовых газов — нет, это тоже бред. Кажется и с воздухом "разобрались", все понятно, что ни хрена не понятно.

Связь.

Связи нет, и объяснений этому тоже нет. Без сомнений эта составляющая проектировалась и осуществлялась военными спецами. Зная не понаслышке об этой сфере и людях, которые в ней работают, плюс современные технологи, случившееся ни в какие ворота не лезет. Необъяснимо. Получается со связью тоже "разобрались". Все веселее, блин.

Реактор.

И вовсе запредельная хрень. Явно какое-то не встречаемое ранее физическое явление. Что можно сказать. У двери в реактор золотистый смог более насыщен, далее по мере удаления блекнет что ли. Смотрится очень необычно, и отсюда понятно устрашающе, а вот моя хваленая интуиция как-то сомлела, глядя на переливчатую красоту, опасности не чувствует, ощущения какие-то младенческо-утробные, первозданно теплые, даже можно сказать добрые. Оружейник тряхнул головой, ну бред же, морок.

Очередные "разобрались". Удручает.

И, наконец, бездействие.

Полдня прошло, если не больше, а с большой земли молчание, и это сильнее всего напрягает. На таком объекте помимо видео, аудио комплексов отслеживания должна быть туева куча датчиков, которые все это время должны где-то мигать, пищать, показывать что-то запредельное. И где реакция, тихо и успокоено, как на погосте. Нет, на поверхности что-то не так, очень не так. Да и полковник должен был, в крайнем случае пробиться, этот человек за своих и ядерную войну в состоянии развязать. — Где ты Батя? — похоже и с последним "разобрались" что-то как-то не радостно. Нужно по любому выбираться на поверхность, альтернативы нет.

— Задрала, сука! — Выругался Михаил, обхватив голову руками. Головная боль, похоже, еще усилилась. Здесь я долго не протяну. Покемарить бы, часок другой, да как с такой

головоломкой заснешь. Все что нужно, там, и Оружейник, вздохнув, посмотрел на хорошо освещенную платформу.

Платформа была в порядке, выглядела все так же ярко, но не она приковала его внимание. За границей золотого смога, будто подсвеченная искрами от бенгальского огня, сидела, спокойно намываясь Тигра. Вот же палубная шустра. Увидев, что на нее обратили внимание, плутовка подпрыгнула, пискнула и припустила к платформе. Остановилась, посмотрела на Оружейника, пару раз лизнула шкурку и опять припустила к платформе. Мол: — “что сидишь, ждешь, увалень”. Активация связи с удаляющейся Тригрой на этот раз прошла очень уж просто, и даже как-то обыденно и мгновенно что ли, и главной без того навала чуждой его виду информации.

Оружейник хорошо видел глазами Тигры: мелькающие шпалы, блестящую ленту рельсы, на ней свои отпечатки, и следы других людей, и он почему-то точно знал, что увидев этих строителей, ни важно через год или через десять он точно скажет, чьи они. Получается, разум постепенно подстраивается как-то сам, пропуская или преобразовывая только то, что понятно. Хотелось бы думать, что это именно мозг HOMO SAPIENS продуцирует подобный фильтр, а не RATTUS. И что тут думать, Тигра умная, и чуйка у нее явно на порядки лучше развита, не полезет она в опасное место. Вон как беззаботно себя ведет.

Ну что тут поделывать, не по уставу инициатива, но этакую отчаянную смелось и своевременность, надо поощрять. Звание «матроса», Тигра уж точно заслужила.

Тихо запев Высоцкого:

- “Корабли постоят и ложатся на курс”, - он вполз в этот золотой густой свет, закрыл глаза, вдохнул, медленно выдохнул. Ни чего не произошло. Нет, ни так. Произошло, раскаленный железный обруч боли, медленно, но верно сжимающий виски, рассыпался в миг. Оружейник аж застонал, от прохладного облегчения.

— Люблю тебя, золотой! И тебя, Тигра! — крикнул он, и в среднем темпе пополз, к столь желанной платформе.

Первое, что он сделал, взобравшись на платформу — это дополз до телефонов. Они не изменили ранее принятому решению, молчали, как партизаны в гестапо. Это обстоятельство уже не воспринималось, как конец концов, он решил, если через три дня за ним и Тригрой не придут, будет прекращать этот хренопроект с полным всплытием, с побиванием морд всех противных этому, если таковые объявятся. Но это все потом, а сегодня еще было нужно, посетить медблок, обработать раны, празднично, до отвала накормить команду, помыться и спать, спать, спать. Оружейник улыбнулся, а чуйка правильно подсказывала — “не верь глазам, не верь инстинктам”.

— Давненько так сладко не спал, — заявил Михаил, проснувшись, зевая и потягиваясь.

Посмотрев на свои руки, он окончательно проснулся, от удивления закашлявшись. Глаза видели, а сознание отторгало, отрицало. Пискляво крича игрушечным, злым клоуном-фокусником, за тридцать три доллара — “Иллюзии! Иллюзии!” От вчерашних ссадин на руках, и достаточно глубокой царапины на ребре правой ладони ни осталось и следа.

— Как это может быть? Зеленка была, а вещественных доказательств борьбы за выживание нет, совсем нет. Святые угодники, как же это?

До медбокса добрался, даже не осознал как, еще там и вот уже здесь, в царстве таблеточных блистеров. На скорую руку произвел раствор из лимонной кислоты на водной основе и спирта, смыл мазки зеленки напрочь. Кожа чистая, давешние повреждения пропали, исчезли, рассосались, будто их и не было вовсе. Оружейник какое-то время

несколько туповато разглядывал кисти рук, пробовал на ощупь и так и сяк растягивал, тер места, где явно день назад были повреждения, результат оставался тем же, поразительным. Хорошо, он разоблачился, на правом бедре еще вчера был огромный синяк, теперь его не было.

Когда до него, наконец, дошло и отрицать очевидное, не было ни какой возможности, он и слова ни сказав, отправился за своей постелью, окончательно потеряв хоть какую-то возможность объяснить реальность. На зубах, по примеру бобров, припер тяжеленный, огромный, двуспальный матрас с постелью прямо к двери, ведущей к реактору. Там же он обнаружил и Юнгу как говорится, дрыхнувшую без задних ног. “Вот же животиная, раньше его нашла лучшее место”. Тигра не проснулась ни от его шумного переезда, ни даже от того, что ее взяли в руки. Тигра лишь щелочкой приоткрыла один глаз, тут же закрыв, попытавшись, свернуться в руках Оружейника еще поудобней. На теле зверька не было даже признаков каких-то инородных включений. Как Тигра умудрилась избавиться от технологического наследия подопытной, у Оружейника даже версий не было.

А жизнь то каким-то невообразимым образом налаживается. Со стороны его какое-то расслабленно-юродивое лицо и этот пугающий смех, можно было бы принять за помутнение сознания. Да ему сейчас, как говорит молодежь — все было по баробану. Над его постелью, как издевательство зиял знак «Внимание Радиация» каким-то совершенно волшебством образом, нежданно, негаданно возродившим надежду, став для него — «Внимание Регенерация».

Через пару дней его перестало волновать, что там случилось на поверхности, у него, наконец, появилась цель.

Все эти дни они спали и жрали именно жрали, другим словом то, что с ними обоими происходило, было не назвать. Он не знал, как у Тигры, а у него аппетит проснулся не то что бы дикий, скорей даже пугающий, подчиняясь будто зову, он словно кот, вынюхивающий валерьянку на пару с крыской, рыскал от столовой до медбокса, от медбокса до мастерской. Подчиняясь этой проснувшейся тяге, поглощая то препараты с кальцием в удручающих количествах, то мелкую стружку бронзы или оружейной стали, вольфрам, жечь, алюминий он даже один свой нож из дамаска сточил, все шло в дело. Уже с любопытством поглядывая, на материалы что еще не пробовал. И что характерно, он уже сейчас по вкусу мог отличить бронзу от латуни или свинец от олова.

В какой-то момент он перестал опасаться этой своей тяги. Наоборот, он стал прислушиваться к запросам организма. Еще бы тут не прислушаешься, результаты были, и какие. На третий день с тела пропали все наколки, сделанные еще в юности, следом подчистую рассосались шрамы на теле, а их у него за время службы накопилось предостаточно, даже с избытком. Хронической усталости, пришедшей на плечах травмы, он так же больше не ощущал, вернулось то ощущение из далекого прошлого, когда тело как бы само настаивало: “Давай, давай, нагружай, нагружай!”. И он со знанием дела нагружал, подтягиваясь до изнеможения, отжимаясь до дрожи в плечах, с каждым днем все больше и больше, все больше и больше. Жизнь превратилась в какой-то дичайший спурт из физических истязаний и поглощении всего и вся. Заметив как-то, что он больше уже не читает названия потребляемых медикаментов. Зачем? В какой-то момент он по наитию знал, что вот это цветастенькое, именно оно самое то, что нужно и скорей всего подобную интуицию, как инфекцию, он подхватил от Тигры. Были и еще изменения, те которые находишь на уровне — немислимое. С каждым днем, проведенным в этом благодатном

золотом смоге, они прогрессировали... Крыса заметно подросла, да что там заметно, вдвое. Что-то подозрительно это.

Глава третья Монстры, жемчуг, два ствола

Оружие он любил всегда, сколько себя помнил. Будучи еще мальчишкой, убегая на исторические реконструкции отыгрывать в основном сына полка. Еще, будучи мальчиком, он старался соответствовать, досконально изучая оружие Великой Отечественной. В свои десять лет он уже наизусть мог рассказать обо всех параметрах ППС — 43 (пистолет пулемета Судаева) от патрона до компенсатора или о ППШ — 41 (пистолет пулемет Шпагина), что приятно забавляло и удивляло устроителей и вообще многих взрослых. А в одиннадцать Михаил уже мог произвести копию из металла. От чего имел не продолжительные проблемы с органами правопорядка, угодив, по ходатайству тех же правоохранителей, в Нахимовское училище. Позже, еще большей страстью Михаила стало избавлять оружие от корявых признаков массового производства, тюнинговать и переделывать под владельца, конечно, насколько это позволяла конструкция. Так он и получил свою кличку «Оружейник», а избранные счастливицы — личное оружие, вышедшее из под рук настоящего мастера.

А теперь, за все это сумасшедшее время он даже в оружейную не заглянул, не говоря уже — «о пострелять».

Видимо время пришло исправлять ошибку, и он заглянул. Батя не обманул, он и вправду получил удовольствие. Впервые Тигра почему-то не решилась зайти в этот бокс, осталась у раскрытой двери. Вдоль стен тянулись заполненные оружейные стойки, приятно пахло новым оружием в смазке, снайперки под различные задачи, несколько пулеметов, в том числе крупнокалиберных, штурмовые винтовки, автоматы под пистолетный патрон, сами пистолеты, коих было и вовсе запредельное количество. Тут же на стеллажах патронный склад, нет, ни так — СКЛАД, явно на полк хватит.

— Ну, Батя, ты дал! — взгляд его задержался, на малютке непривычной формы, он слышал про «ПП 2000», тульских оружейников, но держать в руках еще не доводилось, потянулся, взял, и тут же отдернул руку.

— Вот же б...ь, да что со мной здесь происходит? — за какое-то жалкое мгновение он понял все, об этом пистолете-пулемете, какие есть дефекты, как их исправить. Ладно бы только это.

За последнее время чего только не случилось, поэтому удивляться до обмороков он уже не мог, как говорится, по привычке к чудесам, Петрушка. “Может я и ходить здесь смогу”, - закралась малодушная мыслишка, чем черт не шутит, нужно попробовать:

“Хватит валяться на скамье, вставай, Муромец”, - он попал в какое-то беспроглядное марево, в голове шумело, сердце, казалось, бьется как колокол громко «Бум-Бум» и все громче и громче, будто отсчитывая последнее время, в виски, будто спицы воткнули. Оружейник понял, надо убираться отсюда, он представил себя в полный рост стоящим по центру оружейной, и тут его будто кто-то сзади «наградил» ударом биты по голове, во всяком случае, ощущение, и искры в глазах были на загляденье правдоподобными.

И его выкинуло в большой мир, он стоял на полу посреди оружейки на своих ногах, кровь каплями капала на кафедру. Ноги пруттики подкосились, и он завалился набок, падать он умел, уже давно, можно сказать профи по этому делу. Удар об пол был не сильный, а вот сознание покинуло его сразу. Очнулся весь в крови.

Плевать на кровь, плевать на боль. В голове же Оружейник прокручивал раз за разом, он

стоял всего секунду, но на своих ногах, руки ноги от возбуждения тряслись: “Стоп! Что? Как? Почему? Боль в ногах и они трясутся. Этого же не может быть, ни при каких условиях” — так ему совсем недавно честно, как военному сказала одна светила хирургии. А нет. Михаил чувствовал свои нижние конечности, они неистово болели и чесались. “О, какое это блаженство, какое же это невероятное блаженство чувствовать боль своих ног”.

— Боль, здравствуй, сестра ты моя милая, сколько я тебя ждал.

Оружейник со всей осторожностью, легонько попробовал согнуть колено, это скорей всего выглядело подергиваньем, но получилось же.

— И это не Бред, и не глюки. А если и так пусть, оно мне очень нравится.

И только тут Михали понял, как он устал, рядом нарезала круги радостная Тигра, видимо как-то переборола свои страхи и сумела войти в Оружейку. Или что-то хочет до него донести, он уже привычно подключился к “Крысиному миру” и его поглотила волна обожания и веселья. Оружейник, ни смотря, ни на что, решил все же заползти сначала в столовку, как-никак праздник. Теперь передвигаться стало сподручней, удавалось при перевалке понемножку, через боль сгибать ноги, помогая телу, да и навыки, полученные в спецназе, привычно включились, сколько он оттренировался на полигонах, а полученное, в армии, как говорил Батя: не потеряешь, не пропьешь.

В столовой, без сожаления нарушил устав, раскрыл неприкосновенный запас, взял коньяк и «Кагор», вяленое мясо, твердый сыр, икру, масло, несколько пачек галет, в консервах печень трески. Следом по протоколу был душ и пир на весь подземный мир.

Причины оторванной попойки, с нижним брейк-дансом, и ораньем морских бравых песен, определили сразу три: принятие Тигры в матросы, а это уже не мало, магию-шмагию золотого тумана и конечно — исцеление. Оружейник еще помнил, как начинали: как радовалась Тигра повышению, как они потрошили, уплетая на скорость вкусные деликатесы, как он пил то «Кагор», то коньяк. После того как он дал Тигре еще одно прозвище, секретное прозвище «Белая Горячка», он ничего не помнил. Вырубил.

Проснулся, голова не болела, а вчера он переживал, как же без рассола — напиток завтрашнего дня. Нет, не понадобилось, однако, очень силен золотой смог. Тут вмешалось другое, давно забытое, нестерпимо захотелось в туалет. Во как, побудка и опять очередная радость, теперь и запруды в штанах похоже упраздняются, если вдруг забыл сходить по часам, ну как у него вчера. Вырубился, и ничего не помнит, перебрал. Юнга, тьфу ты, матрос, отказался пить с офицером — не по молодости мудрое решение, так что все пошло Оружейнику досталось. До гальюна дополз быстро, мочевого пузырь подгонял. А там, среди гордых никелированных писсуаров и беде решил совершить, раз уж так, подвиг. Минут десять Оружейник настойчиво заползал на стену, опираясь на толчок, пытаюсь поставить себя вертикально, как ракету на стартовой площадке. С десятков срывов и вот, наконец, получилось. Ширинку, он еще помнил, как расстёгивать. Под свой гомерический хохот обделал все, что можно и нельзя, но зато вертикально, самое большое счастье, после, конечно, вчерашнего. Остаток дня он потратил на уборку и не только гальюна, походу, обдумывая, что с ним произошло там, в Оружейной, явно телепортация и надо бы повременить с этим, опасным занятием, лучше на кончике иголки дозировать чем ложками и мозги в всмятку. Еще он подумал о том, что нужно готовиться к завершению проекта этой хренотени 02342. Еще утром на глаза попался электронный календарь над стрелковой галереей, его будто что-то торкнуло, он даже удивился, как быстро пролетело время. Надо же — тридцать первое декабря, эта магическая для Россиян дата, как-то даже встряхнула

его:

— Новый Год же, чтоб его! — будто глаза оторвались у слепого котенка. — Хорошо, сегодня же прекращаем скрываться, нужно посмотреть, что же там на большой земле, что с цивилизацией.

То, что там, на поверхности все очень плохо он уже не сомневался. Новый Год на носу и никто не чешется, ни одного сигнала с поверхности. Батя обычно в преддверии, на правах личного снеговика Деда Мороза поздравлял всех, как он говорил, ближайших, и тут главное, чтоб не повторно, иначе печень до курантов может не выдержать. Оружейник хоть и не любил Новый Год, Батю же боготворил, поэтому приходилось терпеть. С Батей что-то случилось, и эта мысль стала решающей в желании прекратить этот сомнительный проект Минатома и ВМФ. Хотя, как сказать, здесь, похоже, все что угодно вылечить можно, да и получить много непонятного и необъяснимого. Для него и вовсе без экивоков всяких этот бункер теперь настоящее сакральное место.

Идти туда по любому нужно, если что отойдем обратно, на зимние квартиры желательно с Батей.

— Так, матрос Тигра, объявляю подготовку к всплытию. — Он посмотрел на часы, было четырнадцать по Москве. Всплытие назначаю на шестнадцать ноль-ноль.

Что там нищим готовиться, только подпоясаться, как говаривал "любимый" воспитатель в детском доме. С преодолимыми сложностями, Оружейнику удалось-таки донести до Тиргы — следовать на поверхность нужно немного отстав от него, а выдвигаться в разведку только по приказу. Сначала он думал ползти на поверхность невооруженным, однако поразмыслив, решил не рисковать, ведь он теперь не только отвечает за свою жизнь, но еще и за жизнь Тигры которой, он, как, ни крути обязан. Да что там наверху он даже не знал, всяко с оружием поспокойнее.

Раз так, выбор пал на пистолет-пулемет «ПП 2000» недавно юзанный. Под его случай, как ему показалось — это был лучший вариант, небольшой вес, всего полтора килограмма, за счет корпуса, выполненного из хорошего не убиваемого пластика отличная плотность стрельбы и великолепная останавливающая способность, во многом из-за патрона 9X19 повышенной бронебойной мощности. Взяв два ПП 2000, решив не тратить время на усовершенствования, до выхода оставалось не так много времени, а сделать еще нужно многое. Теперь, сколько брать патронов, как известно, если что — много их не бывает. Беру дополнительно на каждый ствол по три снаряженных рожка и того общий боекомплект двести сорок патронов, должно хватить при любом раскладе. Оружейник быстро снарядил восемь магазинов, двумя сразу оснастив автоматы, остатки магазинов рассовал в выбранный армейский пояс с подсумками, развернув их на спину. Примерно час провозился с кожей и ремнями, сшивая для себя крепления за плечами для автоматов, получилось грубо и коряво. — Ничего, — заверил себе Оружейник. Вскорости, переделаю эту сбрую, будет, как положено, удобно и красиво, а красиво в его случае это значит очень функционально.

Осмотрев себя, остался доволен. Все, что может выбиться во время движения еще более плотно, чем обычно, прихвачено скотчем. За плечами в удобных кобурах, разместились две смертоносные малютки, поверх плоский рюкзак. В нем несколько армейских пайков, баллон с водой, туго свернутое верблюжье одеяло, бухта веревки, бинокль, баллистол [1], аптечка и конечно дозиметр на всякий, мысли разные не хорошие в голову лезли.

— Так, попрыгали, — заявил Оружейник, лихо несколько раз отжавшись.

Тигра похоже уже и без контакта понимает человеческую речь, рядовой несколько раз

потешно подпрыгнула, да еще такую мордочку хитрющую состроила.

Оружейник улыбнулся:

— Хорошо, когда в группе есть свой доморощенный клоун, а тут даже серьезней, целая Белая Горячка, рожицы строит, и умнеет зараза ни по дням, а по часам. Все, двинули!

Для праформы в тысячный раз попробовал телефоны. Связь привычно отсутствовала, уже даже гудков не было. Что ж он набрал код, дверь послушно, медленно открылась, все исправно, лифт поднявший их наверх тоже. В стилизованной раздевалке было сухо, тепло и темно, а вот запах отвратный. Нашел выключатель, щёлкнув несколько раз удостоверился, электричество отсутствует. Послушал тишину, волнительно как-то.

“Почему так тихо? Новый год отменили что ли. По идее, здесь должны были уже ураганить по полной. Странно все это очень”. Достал дозиметр, проверил, нет, все нормально, фон обычный. Постучался к Тигре осмотрел комнату ее глазами, как оказалось, видела она в темноте чуть хуже чем днем, — “Здорово, намного лучше, чем с прибором ночного видения”. Тигра тоже в свойственной ей манере предупреждала об опасности, причем опасность была везде. Вышел из контакта и удивился, он видел в темноте похуже, конечно, чем Тигра, но на уровне хорошего ночного прибора. Значит, что получается: каким-то образом через контакт еще и способности перенимаются.

— Круто, многое ты даешь золотой смог, но что нас ждет впереди, кому многое дают, чаще всего и нагружают по полной, не думаю что в нашем случае как-то по другому...

В том же ящике, из которого когда-то Батя доставал «Бакарди» и сейчас стояло несколько бутылок, там же он отыскал ключ от входной двери. Осторожно подполз, прижался ухом к прохладному металлу. Где-то, буквально рядом нет-нет да раздавались равномерные удары. Глухое «Бум-Бум» перерыв и опять «Бум-Бум».

Смазав балистолом петли, хотел тихонько открыть, как в рукав с ключом вцепилась Тигра, пытаясь оттянуть руку.

От Тригры прям таки приходили сигналы об опасности, на грани паники. Мельком подумалось, крыса сильно прогрессирует в интеллекте. “Отставить панику”, - надавил Оружейник, Тигра от такого посылы даже как-то сжалась. На очередной Бум он вставил ключ, на два других поворачивал ключ, еще на один слегка приоткрыл дверь, получилось отлично, бесшумно. Обратился к Тигре:

“Выходи медленно, вдоль стены, осторожно, скрытно, смотри, нюхай”. — Тигра подчинилась.

И он увидел длинный коридор ее глазами, заканчивался завалом. На самом повороте, в одну из вертикально воткнувшихся бетонных плит, к ним спиной, монотонно, как заведенный механизм, раз за разом лбом билось нечто ужасное. Он даже в кошмарах такого не видел: образина, в каких-то сальных, грязных, даже не в остатках одежды, а именно драных лоскутах вокруг бычьей шеи, и что-то там еще болталось на сильно вросшем, пояском, кожаном ремне.

Голова большая, с морщинистой, пупырчатой кожей, ниже затылочного выступа какое-то отвратное образование, формой напоминающий небольшой дуриан[2]. Само тело будто резиновое, мерзкое, серо-коричневое, в грязи и засохшей крови, увитое жгутами мышц, широченные покатые плечи, мощные, чрезмерно длинные руки, нет не руки, а ужасающие лапищи с загнутыми десятисантиметровыми когтями. Оружейник еще обратил внимание на глубокие дугообразные выщерблины по всему коридору, а уж на запирающей бетонной плите и вовсе все исполосовано.

“Неужели этот урод устроил подобное?”

Монстр бился и бился, будто пытался пройти сквозь бетон. Ударится, два раза постоит и паять «Бум-Бум». Более страшной картины он себе и представить не мог. Все изменилось мгновенно. Люто завизжав монстр словно взорвался, став шинковать бетонную плиту, треск, пыль, искры, разлетающиеся куски бетона. За поворотом видимо было еще немного пространства, которого он с Тигрой не видели, на пару мгновений позже беснование подержала вторая тварь. Подобный тяжелый рок дуэтом, кривой подшивочной иглой, на живую к памяти кошмаром пришился. Мэрлин Мэнсен в сравнении просто пятилетняя школьница отличница, не посидеть бы. Оружейник едва сдержался, чтоб самому не заорать. За какое-то мгновение Тигра юркнула назад, прикрылась дверь, щелкнул замок.

— Фух, — перевел дух оружейник, откинувшись навзничь, ему показалось, что все это время он и вовсе не дышал.

И отпять тягучая тишина и «Бум-Бум», впечатляюще вгоняет в дрожь. Тщательно ощупал штаны. Надо же сухой, а ты как Тигра, он посмотрел на будто застывшую крысу с увеличенными, круглыми глазами.

— Что, сходила по большому? Правильно, что уж тут, случай самый тот, подходящий, я и сам удивлен, что с моими подштанниками все в порядке.

С десятков минут он обдумывал тактику предстоящего, это его успокоило. Первый его не волновал, он был в самой уязвимой позиции, спиной. Вот второй это да, по быстроте наносимых ударов скорость этих тварей он уже примерно представлял, на все про все, у него не больше трех секунд, а то и того меньше, до секунды на первого вместе с выходом, остальное на второго.

“Так, со вторым, угол коридора должен за нас сыграть, какое-то время этот союзник сожрет у твари”, - рассуждал Оружейник. Скорей всего, с подобным, гориллообразным телосложением, для скорейшего прохождения до цели, тварь должна прыгнуть на стену, а затем оттолкнувшись атаковать: “Это самый короткий и логичный путь до цели, то есть до меня, буду готов к этому”.

Они с Тигрой переждали еще один взрыв ярости тварей, Оружейник под шумок хлопнул соточку «Бакарди», чтоб привести себя в чувство, проверил оружие, осторожно отрыл замок. И когда вновь повторилось размеренное «Бум-Бум», держа оружие, подполз боком, приподнялся слегка, плечом дотронулся до двери, взяв на изготовку медленно вдохнул, выдохнул, пошел...

Дуэт скорострельных трелей был короток, он еще не ударился правым плечом об пол коридора, а с первой тварью было все кончено, монстр даже не дернулся, еще бы, за пол секунды в затылок влетело с десятков бронебойных шершней. Вторая тварь поступила как он и планировал, первой короткой очередью он поймал ее уже на стене, это лишь ее слегка задержало, хотя голова твари прилично дернулась. Остальной боезапас ушел в невероятно огромную, разинутую пасть. Тварь издохла в воздухе, а он вовремя успел перевалиться. Там, где только что находилась его голова, ударили когти, на сантиметры раскрошив бетон.

Как только Тигра сообщила в своей манере, наградив его кратковременным восхищением, радостью, гордостью целый будоражащий коктейль из эмоций. — Как бы тоже так научиться бросаться эмоциями, было бы здорово.

— Ищи выход, Тигра! — и Оружейник погладил свою боевую подругу. Его же сейчас полностью поглотит процесс познания: “Что же это такое, что за пришельцы”. Находиться рядом с этими образинами, пусть и мертвыми — дело не из приятных. Твари килограммов

под двести, та что была убита первой когда-то была человеком, была несколько меньше второй твари, кое-что у нее от НОМО еще осталось, в основном вещи: ошейник из тряпья, вросший поясной ремень, так же с остатками одежды, на одной из лап, на большом пальце кольцо напалок с огромным рубином. Самого кольца уже почти не проглядывалось, лишь грани рубина поблескивали. Кожа твари твердая, ороговевшая. Как бы не было противно, нужно постараться найти уязвимые места этой твари. Попробовал разрезать «Аристократом», при всем своем великолепии, нож из голубой стали оставил на бочине твари лишь незначительную царапину. Пришлось методом “тыка” определять уязвимые места, их нашлось на удивление не так и мало как думалось с первого взгляда. Это глаза, ушные раковины, носовые отверстия, нижняя часть челюсти, подмышки, паховая область и странный нарост ниже затылочного выступа, клинок вошел туда на всю длину, без какого-либо сопротивления. Похоже, самое слабое место монстра. Массивные челюсти разжать не удалось, любимый нож не хотелось портить. Пока Оружейник пытался препарировать монстра, Тигра обследовала завал и уже сигналила, с долей сомнения о возможном проходе, сетуя на то, что большой — это большой. Сама-то она уже побывала на лестнице, ведущей на второй этаж. Проход к тиру на первом и выходу наружу, даже для нее был отрезан.

Осмотр второй твари принес еще немного информации, удалось рассмотреть пасть твари, хоть она и была порядком разворочена: челюсть мощная, уж точно не слабей тигриной, а вот строение зубов напомнило Оружейнику прибрежных скватиновых акул, с фрагментами проступающего второго ряда.

— Бррр, — Оружейника передёрнуло, поосторожней нужно с этой поганью, не заметишь, как в миг руку отхватит, с такими то "зубками".

[1] Многоцелевое масло, уход за оружием, уход за металлом, уход за кожей, уход за деревом, обладает антибактериальным, дезинфицирующим средством, способствует заживлению ран. Запахом не отпугивает зверя.

[2] Очень полезный и смертельно опасный Фрукт — род растений семейства Мальвовые. Обладает неимоверно отвратительным запахом. В сочетании с алкоголем, опасен для жизни.

Глава Четвертая Темный

Где-то с час он расчищал проход от обломков. Тигра словно с моторчиком в одном месте, металась туда-сюда указывая, какой обломок тянуть, высвободить, а какой ни в коем случае пока не трогать. Этаким полезности от Тигры он ни как ни ожидал. Не раз, ловя себя на мысли, что вряд ли без нее он бы нашел этот проход.

— Молодец, матрос! — несколько раз подхвалил он Тигру. И она маленькая подруга и помощница в этом царстве одиночества, расстаралась по полной, не побоялась и обследовала второй этаж, доложив, что там тихо и безопасно и есть выход на крышу.

— Умница ты моя, настоящий разведчик, только не рискуй так больше, ты очень нужна стае.

Тигра пискнула, укутала Оружейника облаками обожания и любви, куснув при этом слегка за мочку уха, и умчалась куда там, по своим делам.

Открывшийся лаз шел под пролет лестницы на второй этаж. Обследовав завал из горы строительного мусора, высвободил какое-то покрывало, он сложил туда оружие и часть вещей из рюкзака, свернул, завязал веревкой, получилась своеобразная торба, привязал и к ней и к рюкзаку по десятиметровому фалу. В щель кое-как удалось протиснуться, дальше — легче, до пролета он добрался без осложнений, там уже можно было размяться, пространства хватало, подтянув вещи он решил: все, пора устраивать привал, силы были на исходе, плотнув воды Оружейник с Тигрой завернувшись в теплое верблюжье одеяло. Не смотря на, казалось бы, смертельную усталость Змей ещё долго не мог заснуть, вслушиваясь и вслушиваясь в гробовую тишину, все возвращаясь и возвращаясь к пережитому бою, наконец, его сморило и его уволокли знакомые земные кошмары, вдруг ставшие детскими безобидными, почти добрыми, страшилками.

Оружейник проснулся, тепло и даже комфортно, если бы не старая подруга — змея подколотная.

— Опять ты, сука приставучая, — тихо выругался Оружейник. Именно та, уже забытая головная боль, вернулась, пока еще едва ощутимыми спазмами, какой силы она может достигнуть, он знал, и доводить до такого не хотелось, очень уж неприятными были воспоминания. Думаю, нашей терпелки хватит примерно часа так на два, ну три, если припрет, и надо отходить под прикрытие золотого.

Посмотрел на часы, свет от командирских слега ослепил, Оружейник усмехнулся:

— Совсем, получается, перешел на ночное зрение.

Захотелось присвистнуть, выучка не позволила, подарок Бати показывал час ночи, получается, продрых больше шести часов. Происходящее как-то совсем выбило тебя из колеи, Михаил. В деталях вспомнился бой с монстрами: “Страшные противники, если что осечки не простят, хорошо, что взял пару игрушек. Да, и с Новым Годом тебя, Войнов Михаил Валентинович. Тигру нужно поздравить”. Посмотрел по сторонам, Тигры нигде не было, подключился. Привычная волна обожания, но не к его персоне, а к кому-то другому, удивила. А посыл крыски и вовсе не для него предназначался, как и в первый раз, какой-то хаус из образов и запахов и все это вместе в одном клубке, но общее он почему-то уловил — это предупреждение об опасности. Сверху зашуршало, Оружейник посмотрел. По лестничному пролету с огромным отрицательным углом, нарушая закон притяжения, будто на прогулке, странно подергивая лапами, семенила Тигра, а впереди нее полз небольшой

комочек тени. Оружейник тряхнул головой, может это морок или он еще спит, ущипнул, легонько ударился затылком о бетонную плиту:

— Черт больно же. — Все приемы использовал, а нет, чудо альпинисты не пропали, они поступили по-другому. Первой на него спрыгнула Тигра, следом крошечная тень. Маленькая Тень оказалась материальна, грамм десять — пятнадцать не больше, определил Оружейник.

— Кто это? — Хрипло спросил Оружейник.

Крыса усердно намывая Тень, как уж у нее это получалось он не знал, ответила:

— Родился, родился, новый, новый, новый, стая, стая, растет, растет, растет, хорошо, хорошо, хорошо, безопасно, безопасно, безопасно.

Что и удалось выдать из себя Оружейнику так это:

— Ты полна сюрпризов Тигра. И когда только успела, видимо в эксперимент попала, будучи уже с прибылью.

Крысенок казался существом из кого-то потустороннего мира милый, невероятно красивый с яркими, ясными голубыми глазками и шерстью из клубящейся тьмы. Не удержался, погладил, при этом отметив, если такое няшное существо попало бы в давешнее женское общество, то со стопроцентной вероятностью было бы затискано «до смерти».

Что ж, все непонятки с продолжительностью беременности у крыс, количеству приплода, возможностями новорожденного в первые часы своей жизни — ползать по вертикали, не говоря уже о шерсти, вновь придется списать на Золотой Смог. Оружейник даже не сомневался, этот мелкий еще ему ой как пригодится.

— Быть тебе Тенью, юнга.

Тигра подпрыгнула, заносилась по кругу, буквально оглушив его радостью и обожанием, и очень длинным и запутанным образным посланием. Пришлось постараться и перевести этот повторяющийся массив, эту крысиную криптографию, увы, ничего внятного не получилось.

Хотя Оружейник из этого всё равно что-то вынес: то, что Тигра рада за своего отпрыска, и вроде как «Тень» хорошее имя, и еще, какие-то невидимые когти, они были везде в образе, видимо что-то важное из послания, но совершенно непонятное. И что его дёрнуло, он не знал, не иначе, как жажда первопроходца.

— Тигра, покажи невидимые когти, — нашелся Оружейник. “Ещё бы понять, что это”.

Тигра послушно появилась на его груди. У Оружейника аж дыханье перехватило от стремительности и... Тигра сидела на задних лапах, вытянувшись, задрав голову вверх, шикарные усы слегка пошевеливались — подумалось, — “нервничает, будто солдат на осмотре оружия”.

Оружия, пока в понимании человека не было, но что-то заслуживающее внимание было, а что, возможно это когда-нибудь и будет оружием. На согнутых передних лапах, чёрные коготки Тигры заканчивались, почти не различимыми, тонкими, прозрачными продолжениями не больше пяти миллиметров, он попробовал потрогать, не понятное образование тут же дымкой развоплотилось, исчезло. Оружейник отдернул руку и засмеялся, почти как дети в цирке, наивно и искреннее, большой ни большой, а фокусы все любят. Что его дернуло, не ясно, в последнее время интуиция и подсознание все больше и больше вмешивались в жизнь, Оружейник подхватил из мусора рядом кусок проволоки, за которую еще держались несколько крошечных фрагментов бетона.

— Уничтожь!

Дальше, как в сказке: Тигра хвостиком махнула, и проволока распалась. Правда, в

нашем случае Тигра махнула лапкой. Какое-то время он очарованно рассматривал срез, он был идеальным — будто лазером срезано. Оружейник приподнялся, провел ладонью по наклонной, там, где давеча путешествовали Крыски, на ощупь определил цепочки узких врезов, — “ага, теперь понятно как они передвигались по вертикали”.

— Слушай мою команду по боевой группе, — обратился Оружейник к Тигре. — Мелкого Юнгу беречь, как зеницу ока, холить, лелеять, усиленно кормить, по всей строгости военного времени воспитывать и обучать. Матрос Тигра, как кормящая солдатка переводится на двойное довольствие. Тигре не разрешается вступать в боевые действия до отдельного приказа по боевой группе. Так же матросу Тигре, за усердие к службе, присваивается очередное воинское звание «старший матрос».

Тигра пискнув, будто поняла, встала столбиком. Оружейник улыбнулся, мелкий спал рядом на теплом одеяле, свернувшись калачиком, напоминая темный уголек, ровно пылающий черным огнем, оторваться от созерцания этой невиданной красоты не было никаких сил, сидел бы и смотрел, смотрел, хорошо.

Делом нужно было заниматься, одернул себя Оружейник. Дозарядил боезапас в автоматах, жестко промассировал ноги, через боль сделал несколько упражнений.

Пока Тигра кормила мелкого в соответствии с приказом, оружейник рассматривал путь, который нужно проделать. Пролететь на лестницу между несущей стеной и самой лестницей, очень уж узко можно застрять, с его-то ногами, это пока не его путь. Получается, рассматриваем только левую сторону. Упавшая плита, видимо верхнее перекрытие крыши-пристройки смяла перила, выдавив их наружу, придавив, всей массой и только на пяти метрах появляется просвет, в который можно протиснуться. Оружейник не сомневался: эти сваренные на совесть перила частью отломаны, частью лишь погнуты, должны его выдержать, по ним на руках он поднимется на нужную высоту, а там уж перевалится как-нибудь, будем надеяться, что все пройдет штатно, иного пути нет.

Открыл банку тушенки, приказал Тигре насыщаться, взяв в зубы плетенку, полез вверх. Сложности не было — это почти не отличалось от прохождения крокодила на любой полосе препятствий, уже на самом верху на нужной высоте пришлось, конечно, посопеть, немного переваливаясь, наконец и это получилось. Отлежавшись немного, он полез наверх, вся лестница была посечена когтями лап тварей, характерные следы при быстром передвижении. — “Сколько же их здесь было?”

Пугающей тишиной, и болью режущего света двух ламп накаливания встретил его второй этаж. Дурак, нечего смотреть на яркий свет. Освещение досталось лишь стрелковой галерее, а лестничная площадка и лестница как наверх, так и на крышу здания находилась под властью мрака. Хотя теперь даже полное отсутствие света больше не могло доставить ему дискомфорт. Он увидел и широкую двухстворчатую, настежь распахнутую железную дверь — выход на крышу, и даже кусочек звездного неба, озадачившего сразу, раньше таких звезд он ни когда не видел, таких ярких, больших, куда уж там Сириусу. Да и температура тут где-то градусов двадцать и это при настежь открытых ставнях на крышу, где январь и если даже небывалая оттепель, все равно не клеится. Загадки, загадки только множатся, а ответов пока нет, совсем нет.

Опасности он не чувствовал, да и горького запаха живых тварей он не ощущал. Тигра, и вовсе вела себя спокойно, занимаясь Юнгой. Оружейник осматриваясь, снял рюкзак и привалил его к стене, решив обследовать вначале галерею, а потом уже отдать обзор ландшафта. Оружейник не любил за своей спиной оставлять непонятки, а здесь их было в

достатке, да хотя бы наличие света.

— Что ж двинули.

Пугали, давили различия, совсем недавно, здесь звучали живые голоса, смех, играла ненавязчивая музыка, полно молодых красивых людей, теперь же в этом месте, как в большом склепе, одни лишь признаки смерти и могильная тишина.

У крайней стены стрелковой галереи был организован лагерь, два блока по пять двухъярусных армейских кроватей, рядом, одинокий массивный круглый стол, если не считать стульями оружейные ящики, чуть поодаль у левой стены была оборудована кухня четырехкомфорочная плита с духовкой, ряд пятидесятилитровых газовых баллонов к ней. На самой стене стеллажи с коробками, коробочками, коробушками с сублимированными продуктами и консервами. Отдельно огромные запасы вина натасканные, похоже, из магазинов разной ценовой категории, дорогие вина соседствуют с откровенной бормотухой. С противоположной стороны была обустроена мини мастерская: два верстака, один с массивными тесками и струбцинами, рядом напольный трубогиб, много разного инструмента. Пару баллонов с Аргоном, сварочный аппарат и множество материала: нержавейка, дюраль в трубах и прутках. Жилую зону как бы отгораживали сейф, морозильная камера и два торговых автомата. С дистанции в пятьдесят метров все там смотрелось целостно и чисто даже электрооборудование работало, подмигивая зелеными диодными огоньками, создавая впечатление, что люди там были и покинули это место, вот только что. Странно.

Зато здесь, на месте его нахождения все говорило о серьезном бое, всюду стреляные гильзы разных калибров, выбоины, выбитые куски бетона — работа крупнокалиберного пулемета. По пулевым отметинам он определил позиции стреляющих, одна группа стрелков вела огонь с лестницы на крышу, крупнокалиберный пулемет отстреливал именно оттуда; вторая группа линией стояли в метрах двадцати от жилой зоны, так же как и первая, ведя огонь фактически в упор.

Осмотрев следы от когтей тварей, тянувшиеся по всей длине лестницы последней лестничной площадки и стены, на повороте ему стало ясно, на стрелков неслась целая лавина тварей снизу. Оружейник понюхал один из валяющихся патронов, по остаточному запаху пороха определил: бой произошел не более как три, четыре дня назад. Обследовав поле боя, он пришел к ужасающим выводам: — “Видимо тварей было много, очень много, обороняющимся пришлось взорвать вход, а следом всю пристройку, скорей всего было предварительное минирование. По всему, шансов выжить не было, поэтому пришлось идти на такие крайние меры”.

Трудно себе представить, что может противостоять плотности огня двух десятков человек с автоматическим вооружением в таком то помещении. Возможно, среди нападавших были твари, куда более опасные, что те, с которыми они встретились там, внизу. В подтверждение этого предположения, он наткнулся буквально тут же, разорванный пополам «Печенег» говорил о многом. Страшнейшим стал последующий вывод, всех людей, да и сраженных тварей тоже, всех подчистую схарчили, даже кровавая юшка с бетона была слизана.

Под угнетающим впечатлением дополз до жилой зоны. Источник энергии определился сразу, у стены рядком стояло несколько гелевых аккумуляторов и кое-какое оборудование, для солнечных батарей, скорей всего смонтированных на крыше. Приличный немецкий сейф удивил, и что здесь можно хранить, его явно зачем-то сюда приволокли. Тоже Загадка.

Большая морозильная камера, рядом большой вакуумный упаковщик, тоже не понятно, а вот два торговых автомата ударили под дых, да еще, как выжить бы. Казалось бы, что такого: вездесущие шоколадные батончики и кофейный аппарат, если не считать четверть картофельного мешка мелочи рядом. Эта страшная картина до белых губ напугала Войнова. Эти два, пять, рубль — без всякого уважения рассыпанные вокруг. Наконец, он осознал масштаб катастрофы. Его будто силы покинули, истекли куда то в бетон, он лежал, уткнувшись в холодный пол. Рядом жалобно попискивала Тигра, чувствуя мучительное опустошение человека. Оружейника лихорадило, это и вправду конец.

Государства, которому он служил, больше нет, нет, нет, — он завыл, как умирающий зверь.

Положение спас юнга. Когда к твоей щеке прикасаются нежные лапки мелкого, жалобно и плаксиво попискивающего, это даже не соломинка, а целое бревно. Тут еще Тигра свалив что-то со стола громыхая, упираясь, со всем усердием тащила в его сторону. Это оказался отличный снаряженный тактический пояс, и какой тяжеленный, удивительно, как только доперла, вот дает, настоящий трофейщик.

— Ну спасибо, старший матрос, — искренне обратился он к Тигре и потянулся к девяносто второй Беретте, — великолепный мощный пистолет, пригодится как оружие последнего шанса. Тигра перепрыгнув руку, заскребла по притороченной фляге, посмотрела на Оружейника и опять усердно заскребла по металлу.

— Что, хочешь, чтоб я это выпил? — он ощутил толику уверенность, пришедшую от Тигры, узрев черную картинку, а вместо солнца фляга с лучами и множество маленьких человечков внизу.

Оружейник достал из подсумка фляжку, открутил пробку, принялся:

— Да это Беленькая. Во как, солнечная настойка, живая вода значит. Ну да, многие от Калининграда до Шикотана также считают. Давай за них за всех, пусть побольше в живых останется. — Выдохнул, лихо глотнул, аж передернуло, скривился. — Ух, и зараза! — пойло оказалось отвратным. — Это все, что угодно, только не водка и даже не первач.

Однако, после ощущений, будто пришлось откусать самогона на дерьме Попугая, по телу ощутимо прокатилась волна тепла, попутно сметая, смывая, как по волшебству, ставшими уже привычные боли не хуже золотого смога там в низу. — “Вот же и вправду живая вода”. А Тигра то в сложившихся условиях становится не заменимой.

— Давай подруга.

Оружейник отлил немного драгоценной жидкости в колпачок, Тигра не стала жеманиться, полакала, Оружейник налил еще, Тигра отказалась, а он получил посыл:

“Ощущение опасности!” — теперь он стал явно различать свои эмоции, и пришедшие от Тигры, они будто толкались.

— Спасибо, Тигра, предупредила, — теперь он даже не сомневался, что так оно и есть. — То что могу, то что могу, — повторял и повторял он, оплачивая и оплачивая, вынимая и вынимая из автомата, как ему казалось сладкие батончики с наибольшим содержанием орехов.

Тигра не сразу распробовала, столь своеобразно пахнущую пищу, долго шевелила усами, принявываясь, а когда это произошло, накинулась, будто голодающий вегетарианец на арахис, а следом с таким же рвением без всяких там распознаваний вгрызся Тень. Грызнет и бежит к Оружейнику, будто, приглашая:

— Ну что же ты, Большой, отстаешь, вкусно, питательно, давай а?! — пискнет и снова

бежит к оставленному батончику.

Цирк, да и только. Пришлось взять и себе эту непонятную хрень. И только после того, как Большой куснул вкусняшку, этот мелкий борец за справедливость, наконец, успокоился. Пока Оружейник употреблял так любившийся его команде батончик, запивая это недоразумение настоящим горячим кофе, он усмотрел кое-что интересное, и теперь и ещё одной загадкой стало меньше. Зачем здесь такой сейф? Вся жилая зона была буквально окружена камерами, а вся паутина проводов от камер на своде в конечном итоге жгутом сводилась за заднюю стенку сейфа.

“Ба, да здесь все держали под контролем, скорей и сейчас сервер картинку фиксирует. Ключи от этого богатыря я вряд ли обнаружу, они скорей всего где-нибудь в куче дерьма, далеко за пределами этого места. Вся надежда на Тигру и на ее Когти на крайний притащу сюда Корд, и попробую универсальный ключ крупного калибра. Это конечно все интересно, даже очень, а информация из сейфа, просто жизненно важна, если конечно ее еще удастся снять и все же все это подождет. Здесь худо-бедно все осмотрено, а вот отрытая дверь на крышу напрягает. Твари ушли отсюда через выход на крышу, другого пути отсюда после взрыва попросту нет и надо бы в первую очередь определить, смогут ли они вернуться, да и осмотреться не помешает, еще ночное небо просто таки манит”.

Оружейник посмотрел на часы, командирские показывали три часа ночи. Осмотр двухстворчатой железной двери порадовал, она была в порядке, даже более того. Массивные створки по всем правилам открывалась наружу, изнутри приварена самопальная, кованая щеколда с квадратным запирающим пальцем, скорей всего продукт не нашего времени, раньше такие вещи делали солидно и на века. Крыша плоская, совсем рядом с выходом высокий, кирпичный, ограждающий парапет весь посечен когтями тварей. Уходили они здесь.

Оружейник подполз, подтянулся, глянул, не хило, метров пятнадцать будет, внизу большая клумба, развороченная, будто на ней бульдозер порезвился. С этим понятно, зато округу он не узнал совершенно, ранее здесь были здания, гаражи, высокие деревья, которые кое-где росли почти вплотную к Тиру и все это он хорошо помнил, теперь вокруг был пустырь, до самого Копорского шоссе, заросший луговой травой, а со стороны Копорской губы, лес был вырублен и вовсе километра на полтора, хорошую они тут себе устроили стрелковую позицию. Оружейник перевернулся на спину.

В отличии от всего остального, ночное небо было, понятное дело, грандиозней и, конечно, бесконечно красивей. И так же бесконечно необъяснимо, до дрожи в коленках. Звезды он хорошо читал, причем в любом месте земного шара, эти знания вбивалось в подкорку, еще с Нахимовского. Ну, и как это можно объяснить, понять, сегодня первое января, третьи лунные сутки, фаза Луны растущая, процент освещенности восемь-девять процентов, и все это наличествует в виде тонкого серебряного серпа. Все остальное же не наше, чуждое ни одного знакомого созвездия. На этом странности не закончились, от наблюдательности и знаний они только множились. По-моему сейчас зима, похоже, луна с этим согласна, однако задул предрассветный утренний бриз, теплый, градусов так восемнадцать, откровенно пахнет летом и несколько сверчков где-то недалеко, во всю наяправляют свои извечные рулады. Обозримый горизонт так же подкинул озабоченности. Сосновый Бор проглядывался отчетливо, и ни одного огонька, ЛАЭС видно не было кроме огромной трубы, и до боли знакомого золотого отсвета. Приморска, свет которого с этого места должен был виден отчётливо, не было. Оружейник взгляделся в сторону Питера —

ничего, свинцовая мгла. Сестрорецк, Кронштадт, Ораниенбаум, Петродворец их свет тоже всегда хорошо виден, на худой конец маяки Толбухин, Полосатый, Пьяный, кораблей на рейде, нет, ничего нет, ни блестянки, ни искорки. Оружейник присел.

“А может и к лучшему, это явно не земля, и там у них все штатно, Батя живой”...Вздыхнул, погрузил с минуту, достал флягу с Живой Водой, посмотрел на звезды, поднял флягу к ночному небу.

— Где Вы там, бывай Сергей Павлович, бывайте Медведи, вспоминайте меня, и я Вас буду, — глотнул, закусил рукавом.

Глава пятая Потрошители

Глоток найденного Тигрой пойла, принес с собой уже привычную теплоту, эйфорию и избавление от всех негативов. Не забыл Оружейник и Тигру на этот раз, и она не отказалась.

Радуется, одного собутыльника я уже нашел. Пей, пей моя Белая Горячка за наших, и за ваших где-то там, Оружейник кивнул на небо. Чужие звезды холодно молчали.

Не смотря на свою ядовитую натуру и отвратный вкус, живая вода Вещь! Интересно, сколько бы это пойло могло стоять на земле, явно дороже любых Dom Perignon или Macallan. Да я и не знал что стану олигархом!

Дальнейший осмотр плоской крыши многого не дал. Это вначале он так думал. Несколько снайперских оборудованных огневых позиций, мешки с песком, удобные лежаки. С десятков канистр с бензином, стоявших рядом. Панели солнечных батарей на торце здания, есть механический подъемник с гусаксом на нем обычная малярная люлька, скорей всего вход выход.

А что неплохой форпост, пятнадцать метров чистой отвесной бетонной стены без окон или каких других конструкций облегчающих проникновение, зацепиться совершенно не за что, вход выход только через подъемник. Тварям даже с учетом их скоростных возможности и ловкости не забраться слишком большой вес нажрала, адовы дети. Неплохая крепость получается. Когда-то было здесь одно слабое место, теперь его нет, завалено напрочь.

Оружейник, отвлекся, засмотрелся на своих питомцев. Тигра с мелким нарежали круги по парапету наверно решили изобразить электроны и протоны в ускорителе, двигались они уж очень неестественно быстро, мелкий и вовсе отрывался по полной успевая еще выделять различные кувырки: то перепрыгивая Тигру вдоль и поперек, то проскальзывая под ней. Нужно было парня назвать «Бозон Хикса» — такого хрен поймает.

— Тигра, Тень! — позвал улыбающийся Оружейник. — Уходим.

Вроде все, ничего не пропустил, и все же нечто удерживало его. Что-то здесь было не так, что-то он упускал, важное.

Питомцы уже скрылись за дверью. Оружейник постарался прислушаться к себе, пытаюсь понять, что же его беспокоит. И, наконец, осознал, тонкий тревожный запах. Запах смерти идущий от люльки. Человек в обычной жизни почти не пользуется своим обонянием, за тысячи лет эволюции, отвык. Так и он, еще в полной мере не научился пользоваться своим новым инструментом, — обострившимся здесь обонянием. Хотя у Оружейника были большие сомнения, что приобретенную способность можно было обозначать в человеческих терминах, это явно было что-то большее. Он вернулся к подъемнику, подтянув, развернув гусакс вместе с люлькой, опустил ее на крышу. Дотронулся до основания, и его едва не стошнило от ужаса, страха и ненависти, впитавшихся в эту конструкцию металла и дерева.

Здесь забили множество людей, именно людей, он буквально слышал какой-то перезвон потусторонних колокольчиков, стоны, приглушенные предсмертные крики, проклятья. Видел, будто многократно переписанное видео, эту люльку, заполненную дергающимися людьми, трупами и кровь, кровь, кровь. Когда пришел в себя, неистово захотелось в душ, смыть с себя эти страшные ощущения — будто грязь.

Закрыв створки, щелкнув задвижкой Войнов наконец ощутил какое-то, уже порядком забытое, ощущение некой незначительной, но все же защищенности.

“Может я в Аду? Узнать бы это поточней”. Надежда что-то прояснить, возможно,

находилась в сейфе, ведь не зря вокруг столько камер понатыкано.

Первое, что он сделал, добравшись до жилой зоны — открыл морозильник, ледяные капли подтвердили подозрения. Огромная холодильная камера была забита человеческими органами в вакуумных упаковках. Он отскочил, будто его током шибануло, даже смотреть на этот агрегат стало мерзко, крышка хлопнула, закрывшись. Отдышался. С этим отвратным хранилищем он пока не знал что делать. А вот причастный вакуумный упаковщик, получив очередь, отлетел, фонтанируя своими пластиковыми частями.

— Суки! Нелюди! Кем бы вы небыли, найду и прибыль всех на хрен.

Желание отдохнуть развеялось, тут расслабишься, как же. Что-то нервы ни к черту, вначале эти твари, теперь и того хуже. Если этот мир не преисподняя, то филиал уж точно!

Таким заведенным он себя давненько не чувствовал, да что там давненько — никогда. Ход времени для него был потерян, в каком-то иступлении он неутомимо перетаскал почти половину деревянных армейских ящиков наверх на крышу, скидывая их за парапет, матрасы, все туда, все, что может гореть. Перевернув морозильную камеру, он дрожащими руками складывал страшные, мёрзлые упаковки в армейские одеяла над каждой повторяя и повторяя: “Мсть, Мсть”. Перетаскав все наверх и за бордюр, Михали отобрал несколько канистр наименее заполненных добавил в каждую машинного масла, взболтал, не закрывая крышек сбросил на своеобразный погребальный холм. Подождал немного, сделал небольшой запальный факел из тряпицы и куска деревяшки, поджег.

— Гори все Пламенем, — бросил запальник, понимая, что поступает иррационально, скорей всего этот погребальный костер может быть для него опасен, здесь он явно выдавал свое присутствие, но поделаться с собой ничего не мог, он обязан придать это огню, а там что будет, то и будет. Внизу ухнуло. Загорелось знатно. Через полчаса туда же отправились куски морозильной камеры и вакуумного упаковщика.

Сейф, не смотря на свою солидность, не без стараний и, конечно, не без труда, при помощи горелки, аргона и плазменной дуги, вскрылся, будто консервная банка, армейским ножом. Дверь еще немного подержалась и отвалилась, громынув об бетонное основание, казалось, вызвав легкое сотрясение всего здания. Оружейник задорно свистнул. Ему немного полегчало.

Как говорится, успех был оглушительный. Он подполз, интересно же. Срез получился на загляденье ровный, от посиневшего среза тянуло нешуточным теплом.

Внутренности сейфа, как будто и не заметили потерю крепостной стены, жили своей жизнью, слегка шумя и перемигиваясь разноцветными светодиодами. И с первого взгляда было понятно, внушительная техника, профессиональная, явно кто-то не поскупился.

На самой большой нижней полке сейфа уместилась большая бутылка, литров на десять, и два небольших закрытых пластиковых ведра, остальное пространство было забито элитным алкоголем. С большой бутылкой, отвинтив крышку, он разобрался сразу — живая вода. “Неплохо, надолго хватит”, — подбодрил себя Оружейник. С содержимым пластиковых ведерок разобраться так просто не получилось, в них находилось что-то непонятное: какие-то зеленоватые, похожие на виноградины, толи плоды, толи икринки. Трогать, и тем более выкидывать, Оружейник пока поостерегся, посчитав, — “раз хранились в сейфе, значит, имеют ценность, деньги вон по полу рассыпаны, а это в сейфе”.

На средней полке располагался профессиональный видеосервер с небольшим поднимающимся экраном и выдвижной клавиатурой, под ним блок дополнительных архивных винчестеров, чуть выше радиостанция известного Японского производителя.

Аппараты не из дешевых, во включенном, рабочем состоянии.

Оружейник подтащил стол вплотную к сейфу, из оставшихся ящиков соорудил что-то наподобие лестницы, взобрался на стол. “Пожалуй, отсюда я смогу, и винчестеры допросить и эфир послушать”. Оставалась закрываемая верхняя часть, надо сказать с ней повезло, ключи беспечно торчали в замочной скважине.

— Нус, посмотрим.

Там в самом охраняемом и престижном что ли месте, он обнаружил пластиковый контейнер для бутербродов, на половину заполненный шариками с горох величиной, словно из прессованного сахара, с легким фиолетовым оттенком. Еще один, подобного размера контейнер был забит полупрозрачными, спутанными нитями, янтарного цвета. И последние, что он вынул из этого внутреннего сейфа, была и сама драгоценность — совсем крошечная шкатулка из золота и самоцветов, с вензелем известного ювелирного дома в ней покоилось пять жемчужин: четыре черных и одна красная, красивые, блестящие, какие-то влекущие, притягивающие взгляд что ли, и странно тяжелые. Тигра подобралась вплотную к шкатулке, и вела себя как-то взволновано, больше, чем обычно водила носом, топорщила усы, обнюхивая столь необычную добычу. Дальше — больше, стала бегать, то прыгнет к руке Оружейника, понюхает и обратно к шкатулке, водит носом, перекачивает жемчужины, будто выбирает, прикольно. Наконец, Тигра видимо определилась, выбрав одну из красных, прыгнула к руке Оружейника, залезла под ладонь, заставив его перевернуть кисть, и только тогда выложила жемчужину на его ладонь. Привстала, посмотрела в глаза, будто призывая к чему то. Разочаровано пискнув, попрыгала обратно к шкатулке выбрав черную жемчужину, положила ее около Тени, мелкий не раздумывая, даже не приняв за одно мгновение умял ее. Еще одну из черных Тигра демонстративно отведала сама. А потом и вовсе цирк — то посмотрит в лицо Оружейнику, раздраженно пискнет, то обратно уставится на раскрытую ладонь Оружейника, где одиноко покоилась жемчужина. Мол, — “Давай Большой, глотай быстрее, задолбал уже своей непонятливостью”.

Что ж тут поделаешь, не отставать же от коллектива, Тигре, после всего случившегося верил как себе. Проглотил, ничего страшного не произошло, как у нас говорят: ни фигу не понятно, но как-то бодрит.

Завалиться спать здесь же на столе, хотя и тревожила дверь на крышу, случись, что, отойти вниз не успеет. Но триумvirат из приятной деревянной лежанки, рюкзака под головой, и теплого одеяла переубедил дергаться и ползти вниз в бетонную крошку. Положив под руки автоматы, Оружейник заснул.

Разбудила его Тигра, интенсивно царапая лапками по фляге.

— Понял, понял, встаю, — магазин уже отрылся и пора опохмелится. Голова и правда уже с утра гудела.

— Мы с тобой алкоголики Тигра, — констатировал Оружейник, отхлебнув из фляги, привычно отлив дозу старшему матросу.

Эх, подруга моя, начальство узнает, спишут нас с тобой с судна, правда, далековато им до нас идти с инспекцией, может статься и ста парсеков окажется недостаточно. Так что, бухаем в полном спокойствии и праве.

После живой воды в животе предательски заурчало, думы думами, а пожрать бы — не помешало. Сухпак изрядно уже поднадоел, так что Оружейник решил сготовить простейшее, благо вода, газ и все остальное, что нужно было в наличие. Видимо таинство приготовления пищи крыски наблюдали в первые, они даже не носились кругами, как

обычно, а застыли немymi, неподвижными столбиками, уставившись на булькающий котелок, как на божество, какое. Макароны по-флотски, их поразили даже больше, чем шоколадные батончики. Умято было все, подчистую, даже котел вылизан до блеска и куда в них столько влезло, удивительно.

Весь остаток дня он провел на столе, разбираясь с техникой и просматривая архивы записей, и не безрезультатно.

Первую запись с людьми, если можно так сказать, о тварях в личинах человеческих, он нашел от тридцатого декабря. Оружейник с неподдельным интересом и надеждой приступил к просмотру.

Шесть часов утра, в двухъярусных кроватях их было пятнадцать, с виду все как в обычной казарме: притушенный свет, тумбочки, табуретки, из одежды армейская обувь, камуфляжные горки.

Без пятнадцати семь что-то просигналило, один из спавших встал с кровати, отключил будильник на часах. Скорей всего главный, это можно было определить, на втором ярусе ни кто не спал, и по ключу от сейфа, болтающемуся на шее, хотя понять было трудно — это шея или сразу второй подбородок. Вставший Ключник, был больше похож на элитную свиноматку. Огромный с множеством складок, под два метра ростом, невероятно пузат и волосат.

Донельзя хмурый Хряк почесался пятерней, позевал, разлепил глазки-пуговики и сразу же их захлопнул, еще посидел немного решаясь. Наконец, тяжело вздохнув, звуком стравливания воздуха компрессором, образина поднялся и на автомате пошлепал к сейфу. Открыть, удалось не сразу, пришлось еще немного проснуться. Уже раздраженный, но еще не совсем проснувшийся достал бутылку виски, налил полный стакан, вылил в себя как в унитаз, и только после этого окончательно разлепил свои мелкие гляделки.

С мордой «кого бы убить», подошел к ближайшей кровати и пнул со знанием дела в прогнувшуюся сеть кровати. Там охнуло.

— Подъем нежить! Цитрамон, паскуда мелкая, кто кого будить должен? Допляшешься ты у меня долбоеб сказочный, пуцу в переработку.

Мелкий, тщедушный мужичонка, с впалой грудью с невероятно выпученными глазами, вскочил и начал одеваться, по быстроте облачения он и вправду мог претендовать на титул «сказочный».

— Прости, прости Ливер, не надо Цитрамона в переработку, он полезный, он верный пес хозяина, завсегда следящий, чтоб Главному на его вопрос всегда был правдивый ответ.

Ливер расплылся толи в улыбке, толи в оскале, толи хотел похвастаться своим поистине впечатляющим жевательным агрегатом, и

как водится, для острастки заехал слегка в ухо проштрафившемуся.

— Давай, давай, полезный-болезный жополиз, пошевеливай мослами, буди Бригаду, пересменка уже скоро, а они еще не жравши и все такое. А после и поговорим, — плотоядно оскалился Ливер.

— Подъем, Потрошители! — фальцетом завопил донельзя напуганный Цитрамон. Ливер, зная, на что способен его с утра накрученный подручный, заранее заткнул уши. И верно, при желании подобным ультразвуком можно было и душу от тела отлучить. Зато деятельно, чтобы ты не делал: спал, не спал или сидел, философствуя на горшке, вскочишь и побежишь куда-нибудь за горизонт. Жилая зона будто взорвалась, крики, мат, грохот, летели подушки, одеяла, падали кровати, люди метались как тараканы, вспрыснутые дихлофосом,

полный хаос и паника, как только не поубивали друг друга.

Ливер, отбежав к сейфу, тряся всем своим жиром, ржал и плакал в полный голос, иногда переходя на глухое бульканье, несколько раз шумно втянет воздух и опять, и по кругу, между тем показывая сыгравшему побудку большой палец, мол, зачет и полная реабилитация, а может и вовсе премия. В конце концов, Ливер отдышался и заорал своей луженой глоткой:

— Хорош, долборезы гребаные. Замерли! — и как в детской игре все будто примерзло, кому охота Ливера послушаться, это равносильно умереть тут же, и хорошо если сразу. Даю вам, дети греха и порока, на все про все сорок минут, кто накосорезит, по кускам отправится в этот морозильник и в конце концов принесет мне прибыль, — и он с толикой обожания, похлопал по крышке морозильного шкафа.

- Вы меня знаете. Отомри! — опять заорал он.

За сорок минут все уложились: и оправиться и поесть и оружие свое еще раз проверить.

— Построились, — посмотрев на часы гаркнул Ливер. — Так, хорошо, надеюсь сегодня от вашей работы получить больше, чем в прошлый раз, долги нужно отдавать а пока вы больше жрете, пьете и боеприпас попусту жжете. Где жемчуг, спрашиваю я вас, где перлы? Вот Ваши сменщики уже пяток черных красавиц набили и даже одну красную. И всего больше у них и споранов и гороха. Предупреждаю, если так и дальше будет продолжаться, я лично, со знанием дела всем без исключения унылую пластику лица сделаю, навечно, — и Ливер опять похлопал по крышке большого белого холодильного гроба.

— Кто из Вас лабухов агрит тварей, и на убой водит? — руку поднял долговязый рыжий парень.

— Дар? — ткнув пальцем сосиской, спросил Ливер.

— Быстрый бег и прыжки, погоняло Тушкан.

— Тушкан значит, — Ливер ослабил. — Да какого же ты хрена, Тушканище гребаное, одно фуфло на убой гонишь? Побегай по городу, пошуми, рискуй сученок, иначе и дальше будешь только постных бегунов да спидеров таскать, на кой хрен они нужны нам, да и ты вместе с ними.

— Внял? — с тычком пальца в грудь, спросил Ливер. Парня шатнуло.

— Да понял я все, Ливер, постараюсь, — скривившись, потирая ушибленное место, ответил Тушкан.

— То-то, а теперь, сукины дети, марш работать, и удивите меня.

Знал бы он, сосредоточение всего плохого, больной на голову и тело недочеловечишко, чем это обернется — застрелился тут же.

Оружейник с интересом, не отрываясь, смотрел на разыгрываемое действие на мониторе, будто фильм про постапокалипсис, многое ему стало понятно. А многое еще больше запуталось.

Эти люди на мониторе больше всего ему напоминали рецидивистов, злые, излишне агрессивны друг к другу, настоящая волчья стая, хотя в среде волков, можно сказать, идиллия и любовь если сравнить то, что он видел на мониторе.

Ему стало понятно, что это место где он оказался, называется Стикс. Чудовища имеют свою иерархию и видимо обширную. И оказывается, у всех здесь есть таланты, называемые «даром» — сверх способности, дарованные этим миром.

На мониторе появилась пришедшая с крыши смена, уставшие, с рыбьими глазами, как роботы по очереди укладывали свое оружие на длинный пристенный стенд. Оружейник хоть

и не мог почувствовать запах, но представить, вполне, он еще хорошо его помнил: резкое, въедливое амбре затяжного огнестрельного боя, запах пороховых газов, пота и перегретого оружия.

Ливер сидел за столом, механически кидая кости, с толикой разумного опасения поглядывая на спускавшихся с крыши бойцов. Сменившиеся, были совсем не тот сброд, что совсем недавно находился здесь. Эти были особенные, настоящие, матерые хищники, выживавшие в Стиксе и не по одному году. Заметно это было во всем, во взглядах, в скупости движений, в каком-то налете уверенности. Хладнокровные, жесткие, безжалостные убийцы, в мельчайших деталях знающие свое дело. Каким-то боком попавшие в должники к Урфин Джусу — главе стаба "Лебьяга", отработывающие таким экстремальным способом свои долги. Верней один попал, легендарный Бедовый, а эти лишенцы за него впряглись, — дичь безголовая. В подтверждении своих опасений, к нему совсем не заметно, со спины, подкрался Цитрамон, шепнул:

- Хозяин, чую нехорошее, будь осторожен, плохие мысли у этих потрошителей.

К Ливеру за стол, не спросив разрешения, присел альбинос с белой, даже с какой-то синевой, как у мертвеца кожей, почти бесцветными, цвета льда глазами и глубокими тремя шрамами, идущими наискось через все лицо.

С виду живой мертвец, ни слова не говоря, постелил серую плотную рогожку на стол, медленно выложив на нее поочередно: затвор, от АСВК КОРД, масленку, и свои любимые кукри[1] и начал любовно чистить промасленной тряпочкой части крупнокалиберной снайперской винтовки.

— Это он что, так меня пугает? — Ливер посмотрел на кугри и его холодный пот прошиб, этот известный клокстопер при желании на дольки порубит, он даже встать не успеет. Ливер постарался, как мог, выказать хладнокровнее:

— Привет, Жнец! — белоголовый даже не посмотрел в его сторону, кивнул. — Как отстрел сегодня? — Жнец почти незаметно опять кивнул головой, возможно это означало «хорошо». Ливер видимо понимая, что от этого типа мало чего добьётся, разве что еще пару кивков головы, или того хуже усечение головы, загудел недовольно:

— К Тимофею[2] Вас всех! Кто докладывать будет? Кто добытое сдавать?

Рядом с занятым своим делом невозмутимым Жнецом присел еще один воин.

— Молчун, а ты какого здесь? — спросил явно раздраженный Ливер у присевшего. Ну, чешешь ты языком во сне отменно, заслушаешься, это не дает тебе право в базар вступать.

— Значица так Ливер, — уверенно сказал Молчун. — Парни определились, наконец, с заместителем Бедового. Меня вот наделили полномочиями.

Молчун выложил на стол добычу, ее было необъяснимо много. Ливер ошалело хлопал глазками на этокое, не понимая, как вообще это возможно:

— Пипец, потные носки мне в рот. Кого ограбили?

Молчун, как хороший игрок в покер, сохраняя полную отрешенность, и бровью не повел:

— Здесь двести восемьдесят грамм узелкового янтаря, триста десять споранов, сахарка девяносто две штуки. И еще — вот это. — Молчун очень осторожно и медленно, будто это что-то чрезвычайно хрупкое выложил на блестящий лаком центр стола, две красных жемчужины, мгновенное сосредоточие всех взглядов и наступление полной тишины. Кто-то тихо вбросил в напряженную тишину:

— Алое Сокровище.

Выждав, достойную Большого, паузу, Молчун продолжил:

— Сафари выдалось удачным. Похоже, где-то рядом идет Орда, нас цепляя только краем, по всему обходят ЛАЭС, мы думаем не называемых боятся потревожить. Начало смены было отвратным. Поначалу мы загрустили, одни Топтуны да Кусачи в наличии, никакого профита. Задолбались ковырять их, и в карьер стаскивать. Ко второй половине дня, там, внизу, целая стая низших потребителей собралась, и в правду настоящие чайки помоечные, как ты их называешь.

А за три часа до конца смены, видим, а главное слышим, наш загоняющий Клюня — паровоз знатный, тянет! — Молчун, хохотнув, указал на кучерявого крепкого парня, мявшегoся за спиной. — А сам, как Лось, сквозь бор на гоне прется, и орет, что интересно, почти так же, Талант, а за ним в синхроне два элитника килограммов под четыреста, носорогами мчатся, сосенки по пути срезая, будo и не деревья это вовсе, а обычные одуванчики, за ними чуть в отдалении толпа руберов наяривает, мамочка моя родная роди меня обратно, а то и вовсе не надо. Хорошо, два корда стояли на треногах, заряженные бронебойными и в том направлении с тысячи уже начали доставать их, сдерживая. Это и спасло нашего Клюню сохатого.

Суровые мужики, обступившие стол заржали дружно, похлопывая раскрасневшегoся парня.

[1] Национальный нож, используемый непальскими гуркхами. Клинок кукри имеет характерный профиль «крыла сокола» с заточкой по вогнутой грани (то есть это нож с «обратным изгибом»)

[2] На уголовном жаргоне, исполнитель смертельного приговора.

Глава шестая Урфин Джюс и его деревянные солдаты

Память у людей, какая-то не по-хорошему избирательная, лучшее, как прошлогодний снег, без следа истаивает, забывается, а вот плохое, или вовсе ужасное ни-ни, как ни старайся, ни за что не оставит в покое, будет периодически навещать тебя, как теща «любимая», или не менее обожаемый налоговый инспектор, это уже кому как нравится.

А вот память на архивном винчестере она не избирательна, она все фиксирует. Наконец, Оружейник нашел, где хранятся данные с внешних камер наблюдения. Ему, страсть как хотелось посмотреть бой этих парней.

— Атас! Элита! — заорал Молчун метнувшись к одному из Кордов с оптикой, став отстреливать короткими очередями, поливая то в одну, то в другую тварюгу. Оба чудовища кувыркались, если в них попадало, и тут же вскакивали. Лютый визг тварей, резал слух, давил на нервы. Бронебойные, злые пули неистовыми остроклювыми кувалдами били в тела тварей без жалости, иногда вышибая, вырывая, целые куски их бронированной чешуи с кровавой плотью, ошметками отлетающую от тварей.

Жуткое зрелище, разворачивающееся перед глазами нагнетало, плющило. Молчун кричал что-то непонятное, и при этом остервенело жал на курок. Кругом оглушающий грохот, страшные, безумные крики людей, перемешанный с неистовым ревом тварей. Боевое безумие вроде отступило и Молчун, на грани срыва голоса, закричал:

— Братва! Утесы бей по силуэтам, не давайте им разогнаться. Корды и Снайперы! Цель — рыло. Руберов не трогаем.

Им повезло, очень повезло, твари держались рядом. Когда левый упал и как-то завозился с подъемом. Молчун скомандовал уже более спокойным и хладнокровным голосом:

— Правого давим! Давай! — перенос всего огня на одного элитника дал результат, его завалили первым. А через несколько минут и подранка разделали. Руберов уже добивали под стенами с чувством, с толком, с расстановкой. Когда все было кончено, двое из группы спустились на подъёмнике и стали потрошить эти наросты на затылках тварей. Зачем, не понятно. А когда они вернулись, Оружейнику, наконец, стало ясно, откуда берутся эти горошины, эти виноградины и этот жемчуг.

— Дааа... Неожиданный расклад, — высказался Оружейник и переключился снова на внутреннюю запись.

Молчун посмотрел на Ливера, тот заморожено смотрел на центр стола, пожирая взглядом две жемчужины.

— Слышь, Ливер, с учетом близости Орды, мы бы посоветовали твоей канторе зашкериться и поседеть впустую. Этих, — и он кивнул на потолок, — надо гнать сверху, а то накуролесят по неопытности чего, потом не расхлебашь, в компост уйдешь.

— Учту, — прохрипел Ливер, и хотел было схватить своей лапищей сокровище. И наткнулся на холодную руку Жнеца. — “Вот же вошь синяя, клокстопер долбаный, и в правду какой зараза шустрый, даже тени его руки не увидел, вот бляха муха, ситуевина, с таким раскладом и вальнуть могут. А, что куш хорош и ключ, вон, от сейфа на шею болтается”.

Шею как-то сразу стало нехорошо, будто сквозняком подуло, усекут ведь на хрен, и в карьер, там прикормленные «местные чайки» даже косточек не оставят. Ливер закашлялся,

отдернув руку:

— Не понял, просипел главный, поставленный здесь Урфин Джусом смотрящим.

— Давай без пены, Ливер, и без понтов. Согласись, мы оговоренное за Бедового еще вчера отбратчили, а то и позавчера. Да и люди мы не Ваши, не подневольные. Хотим разумного: свободы Бедовому и справедливой доли от сверхурочного. Ну, давай Старшой, иди побухти с Паханом своим, — Молчун кивнул на сейф.

— Это, это, Урфин Джюс не любит такого, всех в расход пустит.

— Ну мы и не девочки его чтобы нам знать, что он там любит. И хватит порожняк толкать. Это ты бойся, а нам без надобности, и не таких Муров видали...

Ливер сглотнул.

— Это угроза? — как-то выдавил из себя, сразу, будто сдвигшийся местный Бос.

Ответа от Молчуна он не получил. Зато утвердительно кивнул Жнец и с любовью начал чистить свои кукри. Эти нехитрые манипуляции с булатом и маслом, сильно ускорили путь Ливера к рации.

— Лебьяга, Лебьяга, это Мишень, Мишень, отзовитесь. Прием.

Следом затрещало и донельзя недовольным голосом ответило:

— Ты там что, совсем мозги свои пропил, Ливер, связь каждые три дня в 20:00, с днем ты угадал, а вот со временем промашка.

— Джюс, с мозгами все в порядке, тут другое, шёбла, что ты подогнал намедни, в непонятки ушла, батрачит козырно, подтверждаю, зато бузит, вот и условия теперь выставляет. Прием.

— Не кипишуй Ливер, что-то я не догоняю, они, что там у тебя, мазу держат? Прием.

У Ливера вырвали из руки манипулятор радиостанции, бригадир потрошителей не нашел в себе сил сопротивляться. Молчун нажал тангенту.

— Халя-Баля[1], Урфин Джюс — это Молчун, не буду ходить вокруг да около, наши договоренности мы оттрубили по полной, даже с излишком. Ждем освобождения Бедового, да, и последний хабар неплохо бы раздербанить по понятиям. Прием.

В ответ шуршание и потрескивание эфира. И все же через какое-то время ему ответили:

— Слышь, плесень, ты кто по жизни?

Молчун усмехнулся:

— Из танкистов мы.

— Да я Вас всех, сучар диких, Урою. Я глава стаба, авторитет, за мной две тысячи стрелков. А кто вы, шелупонь, скитальцы нищие. Ладно дарю шанс на жизнь, год на меня оттарабаните в той же Мишени. Без мордобоя, конечно, теперь не обойтись, лично тебе Молчун харю чистить буду.

— Да, какой ты авторитет, Урфин Джюс? Лепила ты опомоенный и барыга знатный, это да. Слушай сюда, выпердышь кровавый. На кону семь жемчужин и туева куча споронов и гороха, ну и жизни ржавые шнырей твоих. Да и место это твое поганое, Мурское, в покое не оставим, в горизонт сложим, пластида тут хватит. Прием.

— За Мура не докажете, — нервно дав петуха прокричал фальцетом глава стаба, щелкнув тангентой.

— И не собираемся, лишний головняк нам не нужен. Придет время Стикс с тебя сам спросит. Ну, если конечно выгодно нам не подвернёшься, удавим без базара, мы в своем праве, ты ведь нас всех с самого начала пришить решил, и кусками внешникам продать. Прием.

— Спать не буду, свиданки ждать буду, а доказать все равно ничего не сможете, кто вас бродяг слушать будет.

— Кончай гнилые базары, Джюс. Решай. Тарахтеть, время закончилось.

— Хорошо, хорошо не бросай тангенту. Хотите справедливости, лады, разойдемся, по-вашему. Мои условия: аппаратура должна остаться не тронутой, называете источники информации, откуда узнали о моих намереньях, и проваливайте в месте с Бедовым на все четыре стороны. Весь сегодняшний хабар меняю на Ваше молчание, а лучше потерю памяти о произошедшем. Прием.

— Что ж принимается, и по нашей информированности секрета никакого нет. У тебя, у авторитета целого, главы стаба, и так далее и так далее и тому подобное и тому подобное — ментаты[2] фуфло, у нас, как ты выразился: бродяг нищих, есть на порядок лучше. Ждем час, Бедовый должен выйти на данной чистоте с Ижорского поста. И мы сразу уходим, забираем половину всего, что сегодня было добыто, остальное не трогаем. Слово наше верное, Стиксом клянусь. Все, Урфин Джюс канай дела делать, время пошло. Конец связи.

И Молчун бросил манипулятор рации. Через минут сорок из динамика станции раздалось:

— Я, Бедовый, привет парни, слышите меня? Прием.

Народ зашумел радостно, столпился у медведя с рацией:

— Да слышим. Привет от всех, ты в Ижоре? Прием.

— Да, все норма. Жду в Рамбове на пьяном углу, в Стекляшке. Благодарен, что вытащили, и будьте поосторожней, эта крутизадка Урфин Джюс и его деревянные солдаты, мстить будут. Конец связи.

— Мишень это Лебьяга. Прием.

— Мишень на связи Лебьяга.

— Ливер, переходим на экстренную частоту.

— Понял тебя, Лебьяга.

— Ливер, мраморная ты говядина, цел? Прием.

— Удивительно, но цел, только пованиваю немного, штаны выбрасывать придется, думал все, кердык, откоптил свое Ливер, добрейший в Стиксе человек.

— Добрейший в Стиксе человек доложит, что эти трупы забрали много, ровно половину за день добытого: сто пятьдесят пять споранов, сорок шесть сахарку, приличное количество узелкового янтаря и красную жемчужину. Прием

— Хренасе.

— И я о том же, ты Урфин когда их поймаешь, а ты их поймаешь, не забудь меня на пир пригласить, я лично из них салат настругать желаю.

— Забились, добрейший ты человек, Рамбовских вообще на место нужно ставить. И мысли есть, и случай подходящий, вроде как сам в руки идет. Ливер ты один в помещении? Прием.

— Нет, Цитрамон со мной, остальные наверху капытят. Прием

— Отошли шныря на крышу, пусть там воздухом подышит с полчасика. Прием.

— Эй, Цитрамон, укушенный ты в голову утупок и не говори, что не слышал, давай канай отсюда на часик.

Цитрамон ускакал, только его и видели.

— Отослал! Прием.

— Помнишь ту группу с погонялой "Двадцать восьмой завод". Прием.

— Как же, разве забудешь, этаких отморозков из Рамбова, известные спецы по жемчугу. Прием.

— Они опять собрались на неназываемых, к нашей ЛАЭС пойдут, уже целый состав с техникой в Красной Слободе на рельсах стоит. Пять Т-90 и четыре новеньких Терминатора 2 экипажей 35 человек. Прием.

— Да, жесьть. Кучеряво живут, суки Рамбовские. И откуда у них это все? Прием.

— Поверь, нам с тобой не скажут. Теперь слушай. Скоро они будут у нас в Лебяжье, скорей всего будут стоять ночь, как и в прошлый раз, потом двинут на Калище там разгрузятся и двинут на ЛАЭС. Точных сроков я не знаю, но все в пределах трех дней. Нам дарована почетная роль эскорта, почти да самого объекта. Задача проста, отстреливать любую шелупонь, чтоб не мешалась, и не лезла на колонну суверена. За это нам, как и в прошлый раз при предыдущей перезагрузке кинут объедки, в лучшем случае обглоданную кость. А это наша земля, наши угодья. Как подумаю — им все, нам ничего и все тут, и беленькая как вода, и девки гарные, словно шлюхи старые, ни чего не мило, все обрыгло. Прием.

— Как я понимаю, Урфин, у тебя есть планы, если так — какова моя роль? Прием.

— Твоя правда, молоток, сечёшь момент, план и в правду есть, и твоя роль оплатится сторицей, я тут для тебя пару классных девочек подготовил, заслужил бродяга. Прием.

— Бос, что скажешь, то и сделаю, можешь полностью рассчитывать на меня, ты же знаешь, я не из мнительных. Прием.

— Теперь по существу, Ливер. За ночь, которая у нас будет в Лебяге, в каждую из машин установят радиоуправляемый отравляющий боеприпас, есть у меня спец. Говорят у 28 завода лучшие прокаченные сахаром воины, вот только газ Зарин об этом не знает. Мы сопровождаем их до места и откатываем до станции Калище, их техники с нами, фактически это свидетели. Бой будет долгий, и думаю, заводчане опять разделают неназываемых. Как только будут собраны трофеи и задраены люки, на первый план выходит наша группа, она уже находится на месте, спецы в схронах, наблюдают и будут ожидать столько, сколько понадобится.

Как наступит момент, нажимается красная кнопка, легкое «пухх» и все. Наши люди надевают противогазы, собирают трофеи, тела, и спешат к тебе, примешь все на хранение. Заводчан, как обычно упакуешь в целлофан.

В это же время все твари в округе по определению сильно возбуждены звуками боя и все такое. Тут как тут наши лучшие Олени, гонят их на Калище, всех, кого смогут. То, что нам придется не сладко на платформе, я даже не сомневаюсь. Выход, только один, рвать когти и побыстрее. И, что нам сможет предъявить «Двадцать Восьмой завод», разве что только премию, за спасение своих техников.

Пока эти вши подретузные возомнившие себя крутыми соберутся расследовать, что же там произошло, пройдет день два, а то и три.

Тут на сцену выходишь ты Ливер. Твоя задача рассадить в открытые боевые машины ненужных тебе людей хотя бы по одному на тачку, если не хватает ненужных, сади нужных, не жалей, да хоть всех на хрен, привяжи их там покрепче что ли, ну и мои там по трупам оставят, должно выйти хорошо а главное правдоподобно.

После не суетись, с чувством, толком, расстановкой наведи туда твоих знаменитых чаек с карьера. Пускай лезут туда, рвут друг друга за живые призы. И, предупреждаю, Ливер, не вздумай даже подумать, чтоб утащить от туда хоть что-нибудь, пулеметы там, боезапас, я тя

знаю. Все, буквально все должно остаться на своих местах, Понял меня? Прием.

Ливер тяжело дышал от всего услышанного:

— Понял, Бос, предельно понял. Ваще абзац, ну ты и замутил Старшой. Голова. Это же надо этакое выдумать. Г е н и а л ь н о. Бос, ты Гений, как Гагарин какой. Прием.

— Ливер, бестолочь, Гагарин был космонавтом. Прием.

— Ух ты, круто. Прием.

— Нда, когда образования нет — это весело, понимаю. И еще, до завершения операции на связь не выходим, опасно это. Сидите там все тихо, как мышки беленькие, охраняем добычу и не нажираемся до свинячьего вида, наблюдаете, с тебя спрошу если что. Завершением считаю когда Заводчане своих Рексов пошлют посмотреть что там у ЛАЭС произошло и те вернуться. В общем, я на тебя сам выйду, думаю дней через пять, максимум шесть. Конец связи.

— Уффф! — Громко выдохнул Ливер, он постоял еще немного у сейфа переваривая услышанное, покачал головой, прохрипев: — Во день, — хлопнул стакан вискаря, чтобы окончательно убрать мандраж. И хотел было отправиться на крышу, чтобы позвать Цитрамона, нужно ведь было с бутылок так пять водки зарядить снотворным. А кто лучше него знает, как это сделать правильно? Потом отзовем бригаду, пусть повеселятся напоследок. И быков нужно не забыть предупредить, чтоб пили мое пойло, а то, кто потом эти все тела таскать будет. Ох, и работы же накатило. Пойду уж. Сверху постреливали, работают халявщики. Здесь он был не прав на счет халявщиков.

Тушкан, которого он давеча отчитывал за плохую работу, на этот раз сработал выше сил своих и навел таки крупную дичь под стволы бригады, хотя это и стоило ему жизни.

До выхода на крышу Ливер не дошел. Снизу раздалось несколько мощных ударов, буквально сотрясших здание, а сверху бежал верещащий Цитрамон. Увидев Ливера присел от охватившего его ужаса и заорал:

— Элита! Много! Караул, нас сожрут!

Снизу опять гроыхнуло, да так, что Ливер покачнулся. Сверху, топая, бежала смена с оружием. Ливер сбледнул, с первого этажа был слышен грохот обваливающихся стен.

— Взрывай! Взрывай! — орал кто-то, и уже стрелял в лестничный проем.

До кнопки подрыва он успел добраться, а уже через несколько секунд этих людей не стало.

Оружейник откинулся, перевернувшись на спину.

— Во, попал.

Просмотренное видео сильно впечатлило, в особенности несколько слов, сказанных Урфин Джусом, из поселка Лебяжье, например "неназываемые" — это что же за твари такие, на убийства коих нужно усиленный танковый взвод посылать. Или "перезагрузка" и "стаб" в применении к целому городу или даже местности. Хотя мысли кое-какие поэтому были. Стаб — вроде как сокращение от стабильный. Что же тогда получается, есть зоны стабильные, такие из ближайших, как Лебяжье и Ораниенбаум он же Рамбов — древнее самоназвание этого поселения на Южном побережье Финского залива. И есть нестабильные, время от времени перезагружаемые, то есть обновляемые, из таких: зона Соснового Бора. Интересно, как это происходит. Выходит я и попал сюда из-за такой перезагрузки.

— Вывод, — сказал Оружейник в тишину, иногда нарушаемую возней Тигры с мелким где-то на задворках.

Стикс — это какая-то жуткая параллельная реальность с пока еще непонятными и необъяснимыми законами физики и реальности. Позарез, нужно языка добывать, иначе конца этим непонятностям не будет, он еще побездельничал, немного прикидывая варианты дальнейших своих действий, незаметно заснул. Разбудила Канонада, явно работали танковые пушки. Оружейник ухмыльнулся:

— Этот мир не даст расслабиться. Война войной, а обед по распорядку, время у нас еще есть, мои маленькие подчиненные. Тигра с мелким уже привычно нарезали круги с препятствиями, тут же изменив траекторию, встали столбиками, у его лица, синхронно принохиваясь. Оружейник рассмеялся:

— Правильная реакция на слово обед, бойцы. Приготовление очередной порции макарон с тушенкой не заняла много времени, впрочем, и само поглощение пищи, все в несколько минут смели. На десерт он с удовольствием выпил горячего шоколада, матросы предпочли сладкие батончики с орехами.

Что ж, пора идти, готовить встречу супостату. Выдвинулись на крышу, Оружейник придиричиво осмотрелся, зацепиться глазом было не к чему. Позиция ему нравилась, кругом обширный пустырь, весь периметр отлично просматривался, даже камней нет, за которыми можно было бы укрыться, все подчистили хозяева, достойно подготовили стрелковую зону.

Оборудование огневой точки он завершил быстро, тут уже все было сделано, он только чуть перестроил лежанку под себя и немного нарастил бруствер из мешков с песком вокруг себя. Приготовил снайперскую крупнокалиберную винтовку, снарядил пять магазинов. Сделав несколько пристрелочных выстрелов на тысячу метров, на третьем выстреле снес небольшую сосенку, остался доволен, бой где-то за сосновым бором еще продолжался, так что выстрелы были, можно сказать, бесшумными, отложил подальше по левую руку. Скорей всего винтовка пригодится на конечном этапе боя. Следом притаранил Крупнокалиберный пулемет Корд, из двух выбрал лучший, и тот по виду следовало бы перебрать и смазать, но времени на это нужное дело уже не оставалось, минут уже как пять канонада стихла. Успел еще притащить на всякий случай два ящика с Ф-1. Открыл один, вскрыл ножом две запаянные банки, снарядив все двадцать штук лимонок запалами.

— Похоже готов.

Позвал Тигру и Тень к себе определив им самое укромное место. Манкуртов[3] он еще заметил на Копорском шоссе, когда они проезжали бензоколонку «Лукойл». Тигра молодец предупредила, тревожно свистнув. Наконец противник нарисовались и в прицеле. Два военных Хаммера, усиленных металлическим каркасом с пулеметчиками наверху, откуда только взяли подобные машинки. Самым последним шел бортовой Урал, зашитый по схожей схеме узкими железными пластинами.

Прочитав отчет наш, поцеловав нательный крест, Михаил перекрестился, и приник к оптическому прицелу пулемета:

— Уверен дышать Вы худшие из тварей права не имеете, — и нажал на курок. С одной очереди у двух пулеметчиков на Хаммерах снесло вместе с касками головы, моторные отсеки машин вспучило от ударов бронебойных зарядов, пар, всполохи огня, разлетающиеся куски металла, стекла, он гвоздил машины и врагов в них, пока не кончилась лента. Пока перезаряжался прошли первые бесшумные выстрелы в его сторону.

— Ха, из бесшумно лупят, спецназ хренов. — Ну а мне чего прятаться я с удовольствием пошумлю, может, и привлеку кого из нежити на помощь.

Отстрелив еще две ленты, Михаил взял в руки АСВК Корд как со старым другом

обнялся, приклад привычно прижался к плечу. Этой винтовкой ковровцев он по-настоящему восхищался. Как только дымка рассеялась, стало ясно, из ехавших в Хамерах никто не выжил, они даже двери не успели открыть, во всем остальном было плохо. На Урале оказывается тоже были стрелки. Здесь Оружейник просчитался, думая, что там только трупы заводчан. И сейчас два десятка бандитов Урфин Джюса грамотно рассредоточившись веером, используя естественные укрытия, планомерно, метр за метром двигались в его сторону.

— Ну, мы еще посмотрим, кто кого на перерождение отправит. Позиция у меня, как говорит молодежь «читерская». Трех из винтовки он подловил почти сразу. А одного, невменяемого, пока оставил в живых, тот загнал себя в патовую ситуацию, залез в канаву полностью открытую для его стрельбы. И, надо же, сам сообразил, что мишень отменная. Молодой долговязый парень не нашел ни чего лучше, как обреченно сесть на землю и размахивать своими белыми трусами. Оружейник аж закашлялся:

— Это у него что, флаг такой? Вот мудак креативный, а какой ловкий, это надо же трусы с себя сдернуть, не снимая штанов, иллюзионист хренов.

Увидев такой стяг, выстрелить Оружейник не смог, решив, если и выживет этот чудик за языка сойдет. Больше на линии огня объектов он не видел.

— Жаль. Кончилась спокойная рыбалка, началась моталка. Придется менять дислокацию, обходят, суки. И тут он разглядел на краю леса стремительные темные тени, по всему, твари неслись на звуки все громче и громче разгорающегося боя на железнодорожной станции Калище. Там громыхало уже по серьезному, во всю громыхало.

Оружейник зло ухмыльнулся:

— Все сам, сам, не дело это, вон из самого "Пекла" за Вами поганью, посыльных выслали, как говорится свои к своим. Прости, Иллюзионист.

Выстрел отстрелил ему кисть с его похабным флагом. Заверещал он знатно, а главное громко, как и требовалось, хищные тени изменили направление своего следования. С поля в его сторону понеслись лишь проклятья и только, свинец бандиты сбившись в кучу сеяли теперь совсем в другую сторону. Сменив дислокацию, он начал планомерно отстреливать то бандита, то тварь, что тех, что других совершенно было не жаль. Лишь за клоуна чуть-чуть да саднило в груди, с творческой жилкой был бандит, жаль не свезло ему.

[1] Приветствие на уголовном сленге. Распространено в Якутии

[2] Дар, универсальный идентификатор, в основном позволяет выявлять способности, ложь и правду проверяемого.

[3] Бездушное рабское создание, без чести и совести, полностью подчинённое хозяину и не помнящее ничего из предыдущей жизни.

Глава седьмая. Глыба

После боя всегда так, кажется, что устал дико, а усидеть на месте сложно, адреналин еще кипит в крови, будоражит, заставляя не застаиваться, делать что-то.

А мысли все еще были там, на ристалище, он все прокручивал и прокручивал ход боя, анализируя свои действия. В этом, безусловно, полезном занятии, сродни медитации, Оружейник как-то отрешенно, бессознательно взял в руки снайперскую винтовку и она, прямо в его руках мгновенно перебралась несколько раз, а возникшая небольшая туманность из черной пудры медленно опала на одежду, на руки, на лежанку, тоже самое он сделал и с пулеметом, еще какое-то время он посидел так, погруженный в себя и будто всплыл на поверхность шумного (чего?) вдохнул, глаза ожили, он пришел в себя...

— О как, — воскликнул Оружейник, с интересом уставившись на оружие. Это когда я умудрился почистить Оружие, причем оба ствола? — он покосился на чистенький блестящий пулемет. — Ни чего себе, ни черта не помню. Масленка здесь, ветошь тоже вроде как присутствует, а как это было, хоть убей, не помню. Рядом сидела Тигра, в тему, со всей тщательностью вычищалась.

— Тигра, ты видела, как я чистил вот эти громовые палки. Тигра мгновенно, даже не прекратив своего моциона, одарила его образом-картинкой: он почувствовал запах оружейной гари, масла и перегретой стали на черном фоне белый силуэт его рук, меж которых находились разобранные, раскаленные аж оранжевые части и пулемета и винтовки, причем придерживаясь своих изначальных форм.

“Похоже, я все-таки перебирал и чистил оружие, — подумал Оружейник, удивляясь такой четкой и полной детализации посланной картинкой. — Да и ладно, займусь, наконец, делом”.

Оружейник внимательно оглядел поле боя в оптику, дабы не пропустить подранков. Нет, все чисто, да и чуйка молчала, не тревожила сознание. Опасаться было нечего, одни трупы.

Завершить сегодняшний день следовало по правилам, мародёрку еще ни кто не отменял. Ценные трофеи нужно забрать, во что бы то ни стало, спать не буду, изведусь ведь весь, — подумалось Оружейнику. И он решил: — действуем. Продолжающийся бой на железнодорожной станции Калище внушал уверенность, все праздно шатающиеся чудовища, призваны туда, — за макушки сосняка, где по коварному плану Урфин Джюса громыкает, ярится битва.

Веревки и крепёжных лент на крыше было предостаточно, так что он быстро на самой толстой и широкой капроновой ленте, навязал узлов, получился неплохой и добротный канат для лазанья.

Привязавшись к парашюту рядом с подъемником, он скинул канат. Сделав несколько глотков живой воды, он схватился за веревку и перевалился через парашют. Спуститься труда не составило, Юнга с Тигрой увязались за ним, Войнов был не против, пусть побегают по земле, а то все бетон, бетон.

Луговая трава, цветы, молодая поросль ракушника новые запахи настолько ошарашили крысок, что какое-то время они возбужденно попискивая, не слазили с его спины так и путешествовали, осматривая горизонт.

Ему и саму будто букетом цветов все лицо исхлестали, раньше он ни когда так остро не

чувствовал запахи, и к своему удивлению он как-то мог ориентироваться в этом бушующем океане, вычленяя совершенно точно объекты которых почти не видел глазами или совсем не видел.

Вот пижма, ага вон она в метрах пятьсот на три часа, рядом в полуметре от нее с десятка два раскинутых гильз. Самих гильз он не видел, но точно знал, что они там есть, где-то в густой траве. И в нем, как бы все больше и больше зрела уверенность, что если поднапрячься, он точно сможет определить даже количество лежавших там отработанных частей патронов.

Не устаю удивляться этому миру его ужасам и подаркам. А что, так и есть: — нюх как у собаки, заживает все как на мифическом оборотне, с крысами почти разговариваю, оружие могу усовершенствовать одним прикосновением и наверно не только оружие, что еще, Стикс? Что еще?

Долго Крыски на его спине не продержались, любопытство пересилило, и они возбужденные отправились на разведку. Далеко не ушли, и правильно, «рассредоточиться» команды не было. Оружейник всю свою дорогу до Хаммеров чувствовал их, где-то рядом, то справа, то слева. Вот, наконец, и джип ехавший первым. Отжавшись от подножки, он открыл переднюю дверь пассажира, и вывалил оттуда окровавленное тело, сжимающее титановый пухлый кейс. Предсказуемо. Вот и оно, за что перемолото столько жизней. Ключ, как и ожидалось, он банально нашел на шее. Посмотрим.

В кейсе обнаружилось много крупного, блестящего гороха с явным алым отливом, еще больше споранов по размерам с крупную виноградину, разительно отличающихся от того, что у него хранилось в сейфе: зеленые, прозрачные, лоснящиеся, будто натертые чем-то жирным виноградины — икра какой-то большой рыбы и все тут. В следующем отсеке лежали, цвета жжённого янтаря друзы. Янтарь — так эту странную структуру называли бандиты Урфин Джюса, наверно, ценная вещь, раз его положили в этот кейс. Отдельно от всего в совсем небольшом отсеке, дополнительно усиленном и закрывающемся крышкой с защелкой, лежала небольшая завернутая в красивый шелковый платок, изящная кварцевая табакерка. Явно музейная ценность с вырезанным, историями из греческой мифологии про сурового Харона перевозчика душ с веслом, на узкой лодке. Внутри шесть белых жемчужин и одна, тоже белая, но сильно отличающаяся от остальных своим большим размером и более ярким радужным отливом, она будто светилась изнутри, будто радуга, заключенная в белый чертог. Вот оно — Сокровище Сокровищ. Только для чего оно, я не знаю. А вот Тигра даже не задумалась, сразу заснула свой любопытный нос в драгоценную табакерку, поводила, поводила носом, потешно гоняя жемчужины туда-сюда, туда-сюда, будто это обычные леденцы монпансье в железной банке, совершенно без всякого почтения.

Наконец, выбор был сделан, и как в прошлый раз, выложила избранницу на ладонь Оружейника. Это была та радужная, будто светящаяся жемчужина. Чего раздумывать, в тот раз все прошло хорошо и вроде как силы прибавились. И он проглотил белоснежную красоту. По телу прокатилась приятная прохладная волна, ощущения были не обычные, он как бы на мгновение почувствовал каждую клеточку каждый нерв, нега, как же хорошо, ноги, будто пушинки, он подвигал ими: приятно, боли нет, ничего не тянет, нечего не гнетет — благодать то какая! Уф, даже в пот пробил. Его примеру последовала Тигра и мелкий, который на этот раз сам выбрал себе жемчужину. Взрослеет боец. Только почему-то Тигра все растет, скоро с таксу будет, а вот Тень, как даже кажется, уменьшился и вытянулся в длину.

На заднем сидении видимо ехал кто-то из «изнеженных» — крашеный блондин. Педик, мать его — и здесь они, явно не боец с таким маникюром разве повоюешь, хотя разжился с него очень хорошим тактическим поясом из кожи ската, в нем же прилипло к рукам роскошная серебряная фляга под живчик и дорожный мультигул фирмы «Лизерман» отделанный золотом, таких кажется на Земле не больше штук тридцати было выпущено, и стоили они, мама не горюй. Что ж, нам матросам Железнякам пригодится и такой буржуйский атрибут. Время шло к вечеру. Оружейник решил: — что надо бы побыстрее уносить от сюда свои кости пока не поздно, пограбили и хватит, хорошего, как говорится, помаленьку.

И только он хотел отправиться восвояси, как его настигло послание Тигра: непонятной силы беспокойство и светлый, прозрачный, стеклянный силуэт человека, в него, через небольшой разлом в черепе и двух отверстий в груди, будто нагнеталась чернота и только алый комок в груди нет-нет да развеивал нагнетаемую тьму, — он понял, рядом есть раненый живой, и нужно бы поспешить.

— Молодец, Тигра, ой молодец же ты, девочка.

Образы Тигра присылала уже более понятные для него, а так же ощущения — и это радовало.

До грузовика он дополз по скорости, наверное, не медленнее полоза и махом перемахнул в кузов машины. Увиденное было тяжким. Там, брошенные как попало, будто рыба, вытащенная из сетей и вываленная кучей, лежали трупы, укрытые брезентом. Жуткое зрелище, аж мороз по коже.

Тигра быстро указала место, а вот высвободить еще живого из сплетения мертвых, оказалось почти непосильной задачей. Пришлось Оружейнику изрядно попотеть и не только из-за того, что раненный находился в самом низу этого навала мертвой плоти, скорей от того, что выжившим оказался настоящий гигант. Подобных людей Оружейнику за всю его жизнь еще не приходилось встречать.

— Вот же попался Алеша Попович тудыт-тую, — ругался Оружейник напрягаясь.

Однако в скорости подтвердилась самая главная Российская поговорка: "глаза боятся, руки делают", Титан в человеческой личине, наконец, был освобожден. Оружейник осмотрел его, скользящее ранение в голову и два сквозных в грудь скорей всего добивали из чего-то мощного, на подобии ТТ, ранения на вылет выходные, отверстия аккуратные, без страшных вывертов. А в голову, похоже, контрольный был, да чуток промахнулась сука стрелявшая. Удивительно, но раны едва кровоточили, пульс прощупывался, влив немного в рот и смочив по наитию раны живой водой, уверенно отрезал полосу от брезента и плотно перебинтовал раненого. Парень смотрелся, как поверженный древний бог, красив, по-олимпийски сложен, лицо спокойное с легкой, почти незаметной улыбкой, спит себе молодой Геркулес и видит хорошие сны.

Открыв задний борт, Оружейник тихо прошипел сквозь плотно сжатые зубы:

— Простите, парни, простите меня, для вашего брата стараюсь. — и начал скидывать трупы один за другим с грузовика, когда ему показалось достаточно, он допер раненного до края, обхватил его под мышки со спины и перевалился на кучу, удар был не сильным, но ощутимым, раненый охнул и открыл голубые глазищи.

— Извини, браток, другого выхода спустить тебя на землю не было, с ногами у меня не очень, увеченный я, ползком передвигаюсь. Слышишь меня, если слышишь, кивни. — Гигант кивнул.

— Ты брат ранен серьезно, так что молчи, дыши помедленнее, не напрягай легкие, силы береги. Понял меня? — гигант обозначил кивок.

— Живчик, — прохрипел гигант. Голос, надо отметить, у гиганта был под стать, низкий, гулкий бас.

— Не понял. — гигант попытался снять флягу со своего пояса.

— Пить? — Оружейник снял флягу, открутил пробку, понюхал.

— Да это живая вода! — гигант кивнул.

— Пить.

— Понял, понял, — засуетился Оружейник и поднес к губам раненого флягу, тот сделал пару глотков.

Невооруженным взглядом было заметно, гиганту значительно полегчало:

— Я Глыба, загудел он. — На этом Оружейник закрыл рот гиганта.

— Кто бы сомневался, с такими-то габаритами. Тебе, Глыба, говорить нельзя, ни как нельзя. Понял? — Гигант послушно кивнул.

— Я, Войнов Михаил Валентинович, капитан третьего ранга с Земли. Ты, Глыба, — Зарина[1] плотнул, — и еще у тебя два сквозных ранения в грудь, и голова пистолетной пулей покоцана. Чудо, что живой еще, так что молчи, не мешай провидению, в полной мере явить миру сие божественное деяние, как твоя жизнь. “Во завернул”, - подумал Оружейник, и мотнулся за брезентом, опять в злосчастный кузов Урала.

Вернувшись, стал сооружать волокушу, уверенности, что он сможет дотащить этого богатыря до подъемника, не было, но отступать он не привык. Улыбка на лице Скалы ему не понравилась, он такие улыбочки видел на детских утренниках при вручении подарков.

— Что? — не выдержал Оружейник. Алеша Попович, называющий себя Глыба, указал на свои, плотно сжатые губы и с обиженной гримасой дал понять, что ему запрещено говорить. “Бог ты мой, — подумал Оружейник, — почему я, ну почему?”

— Говори, — с досады махнул рукой Михаил.

Раненый сжал его руку, будто гидроманипулятором, “не сломал бы, детинка здоровенная”.

— Ты Змей. Теперь ты Змей. Эээ, — ослабилась гигант. — Теперь и я Крестный, — с немалой толикой гордости и торжественности пророкотал буквально светящийся Скала.

Оружейник удивился:

— Почему Змей? Михаил меня зовут, можно Миха. — Глыба даже как-то испугался.

— Нельзя Земные имена, запрещено, Стикс накажет. Змей, хорошо. Змей, сильно подходит, — и указал на Оружейника. — Ползающий, мудрый, опасный, ты.

Оружейник с легким недовольством развел руки, вздохнул и кивнул соглашаясь:

— Змей, так Змей. Пусть будет. “Кто ж, со смертельно раненым в голову, спорит”, — решил про себя Оружейник.

— Нас убил, кто? — задал вопрос Глыба.

— Люди Урфин Джюса, один ты живой из Заводских остался. Походу достойные воины были.

— Змей, где враги?

— Недалече ушли бездушные, все в этой земле упокоились.

— Ты? — громыхнул Глыба.

— Я! — не стал отпираться Змей. Гигант заулыбался. О, как этот воин умел улыбаться — песня, нет, целый гимн Солнцу, наверное, так только умеют дети или святые. Змей будто

в лучах родной звезды искупался, на целый миг поймав в руку мифического мотылька, столь редкое ощущение легкости бытия. Чувствовалось даже без слов, Глыба был доволен, очень доволен.

— Глыба называл правильно, ты Змей, Великий Змей. — И поднес указательный палец к губам, типа молчу-молчу, больше ни-ни.

Змей в какой раз уже вздохнул. “Вот и до Великого Змея дорос, что бы Фенимор наш, Джеймс Купер сказал на это?”

И тут гиганту стало плохо, он закашлялся, захрипел, потерял сознание. Живчик, так называл это волшебное пойло Глыба вновь привел его в сознание, на долго ли, Оружейник не знал. Сказка закончилась, скорей всего парню жить осталось совсем не много. Зарин это Вам не шутник, он гробовщик коих мало. Войнов, прозванный Змеем, наверное, впервые так пронзительно и по настоящему испугался, оказывается ему до чертиков надоело одиночество. Нет Тигра и Тень это конечно друзья, и все такое, но он только сейчас понял, какое счастье, это общение с человеком, хорошим человеком. А то, что этот парень называющий себя Глыба именно такой, он ни сколечко не сомневался, в чем-чем, а в людях он еще на службе научился разбираться.

Скала лежал, хлопал глазами, смотрел на него и улыбался, губы были в крови.

К горлу подкатило, глаза защипало, не заплакать бы. “Сука Урфин Джюс, теперь ты мой личный враг. Если этот парень умрет, я все ваше гнездо поганое, паучье, дотла выжгу”. Оружейник несколько раз провентилировал легкие, это как всегда ему помогло, собрался с силами и насколько можно спокойным голосом обратился к раненому:

— Скала, я много не знаю, нуб я еще здесь, понимаешь? — Гигант согласился кивнув. — Если ты знаешь, скажи, что может помочь тебе.

Лежавший, как скала, разлепил губы:

— Знахарь, Белая Жемчужина. “Вот я мудака”, - ругал себя последними словами Оружейник, лихорадочно спеша отрыл коробочку, достал жемчужину, скомандовал командирским голосом:

— Солдат, открыть рот, проглотить! — Скалу аж передернуло и выгнуло, будто он на мостик хотел встать, отпустило, и похоже сразу стало лучше, из бездонных голубых глаз ушла боль.

— Так-то, Скала. Да будет жизнь! И это наше основное воинское кредо.

Глыба не понимая закрутил глазами как бы себя изучая и обратился к Оружейнику:

— Змей, что Скала проглотил? Оружейник пожал плечами, он уже понял натуру парня, про таких в той жизни говорили, чтоб не обидеть, — Особенный.

— Это была Белая Жемчужина, брат мой.

— Белая что? — Громыкнул своим басом Алеша Попович.

— Жемчужина! Скала, успокойся, — слегка придавил рукой Глыбу к земле, — ты же сам сказал, тебе может помочь лишь Знахарь или Белая Жемчужина. Знахаря, сам посуди, поблизости не наблюдается, да я и не знаю, кто это такие, а вот Белые Жемчужины у меня есть, вот одну тебе выделил.

— Белая Жемчужина мне, — будто выдавил из себя Глыба.

— Да. И что? Ты против что ли, белые колеса, знаешь ли, во все века человечеству помогали.

Гигант тихо заплакал, и похоже полез обниматься. “Блин не умер бы”. Как оказалось, большой человек оказался очень сентиментальным. Ситуацию спасли Тигра и Тень

припрыгнувшие на грудь Глыбы. Тот тут же завязал с мокрым делом и как-то с опаской, слегка заикаясь, спросил:

— Ээ... это кк... кто?

Оружейник, едва не ляпнул: "Разве не видишь, зоопарк приехал, скоро и злые клоуны появятся", — но сдержался, "Слон побаивается мышь — известный парадокс".

— Это, Моя разведкоманда, Глыба, — на полном серьезе ответил Змей. — Знакомься, это Тигра, а это ее отпрыск Тень. Не смотри, что неказисты и малы ростом, маскировка это, разведчики из них лучшие, и много еще чего интересного могут, сам пока еще со всем этим не разобрался. И Они, как полноправные члены группы, тоже получили по одной белой Жемчужине. И до этого еще по черной схомячили, а я красную.

Именно в этот момент, наконец, Оружейник увидел воочию реализацию высказывания "отпала челюсть". Гигант смотрелся феерически, жалко фотоаппарата нет.

— Змей не от мира сего, Змей странный очень, — заявил добрый гигант.

Оружейник рассмеялся:

— Это точно, я не от мира сего, я с Земли. Смотрю, Глыба, тебе стало получше, нам нужно двигаться, скоро здесь может стать не безопасно, злые клоуны и в правду могут появиться, причем в двух обличиях. Что те, что другие нам опасны.

— Змей знает за Белую жемчужину? — не унимался Гигант.

— Теперь знаю. Для меня ясно, это большая ценность, и может исцелять, причем мгновенно, почти безнадежных и этому я первейший свидетель.

Скала довольно заулыбался:

— Змей умный, но за здесь плохо знает.

— Надеюсь, Скала расскажет что знает, за здесь, — ответил Змей, разминая самомассажем руки.

— Конечно, Скала расскажет, память у Скалы хорошая, Скала многое слышал, Скала все запомнил.

— Ну и хорошо, расскажешь по дороге, давай переваливайся на этот брезент, хватайся за края, я буду тянуть, а ты по возможности отталкивайся ногами, помогай. Нам вот до того здания полсти упираться, метров так восемьсот. Далеко, но по помаленьку, помаленьку и справимся. Скрутив полотнище, Змей закусил его край, перекинул через спину и пополз. Проведение сегодня было на их стороне, хорошая погода как по заказу резко изменилась. Такое бывает на Балтийском побережье, пошел мелкий Бус в миг укутавший окружающее, во влажный, непроглядный, плотный туман. Для них это было словно подарок, а то, что видимость ограничилась двумя-тремя метрами не беда, волноваться не о чем, когда у тебя в компании самый лучший из навигаторов и неважно, что с хвостом.

Тигра с Тенью тоже помогали тянуть ляжку, если можно было так назвать их вклад в общее старание. Они, то бежали вперед, то забегали назад, хватаясь своими челюстенками то здесь, то там, пытаясь по примеру Змея упираться своими крохотными лапками и тащить, тащить при этом задорно попискивая, да еще и с таким серьезным и сосредоточенным видом: "О, мамочка моя родная, не надорвать бы пупок, нет-нет не от тяжести, от смеха". Моментами эта веселая парочка так увлеченно отдавалась устроенной ими этой кутерьмы-карусели, что пыталась тащить в обратную сторону или куда-нибудь в бок. Тоже мне Бурлаки самоучки.

А когда они этот свой шабаш-забег, довели, почти до совершенства, с запрыгиванием на голову Змея и замирая там столбиками, Сурикаты и все тут, дабы, наверное, отметить

правильность маршрута и расстояние, даже смертельно раненый Алеша Попович нет-нет да похрюкивал, едва сдерживаясь. Конечно, помощи от этих двоих хвостатых клоунов был с мизер, зато настроение и дух, их стараниями, был поднят на безоблачную вышину.

И все равно, двигались они медленно, но двигались. “И впрямь скалу тащу”,- иногда думалось Змею. За это, тянущееся будто резина время, когда он вынуждено останавливался, чтоб передохнуть, Скала этот, наверное, самый тяжелый из рассказчиков, причем в обоих смыслах в свойственной ему манере говорил и говорил о Белых Жемчужинах. Так они и ползли, а на привалах он слушал детинушку и пытался систематизировать выплеснутую ему в мозг хаус информацию, к концу маршрута у Змея получилось следующее:

Белая Жемчужина является наивысшей ценностью в Стиксе, потому что она сильно повышает шансы выживания в этом мире, даруя обычно самый нужный из даров принявшему ее, без каких либо последствий.

— Слава тебе господи, доползли, — устало обронил новоиспеченный Змей.

Забравшись на крышу из последних сил, он приказал Тигре срезать торец, это сделал Тень, да так виртуозно, что он даже не заметил, как это произошло. Вот так мелкий. Спустил люльку, лезть по канату обратно не пришлось и слава Стиксу, а то руки дрожали предательски, что отрадно ноги тоже, а главное не болели вовсе. Скала сам пролез в изуродованную люльку. “Удивительное рядом, — подумалось Змею, — вот так жемчужина, парень давно должен был уйти за грань, а нет восстанавливается буквально на глазах”. Скалу подняли, поместили на крышу. Завалились на отдых тут же, не найдя в себе сил спустится в жилую зону, прямо тут на свежем воздухе, на евро поддонах завернувшись в брезент, отрубилась почти сразу. Единственно, что еще успел сделать Змей до отключки, это попросить крысок встать на часы, и если, что сразу будить его.

[1] Боевое отравляющее вещество нервно-паралитического действия.

Глава восьмая Дела житейские

Пробуждение впервые за последние дни выдалось каким-то бестревожным, ни чего не болит, нигде не тянет и очень хочется потянуться, прямо как в лучшие годы.

Эх, хочешь, не хочешь, а глаза открывать придется. Отрыл, и едва ли не вскрикнул, не признав с первого взгляда крышу тира. Ему даже на мгновение показалось, что он находится где-то в другом месте. Да нет же, вот она крыша, и створчатая железная дверь на второй этаж в сохранности, как и парапет немного покусанный выстрелами деревянных солдат Урфин Джюса. Но, вместе с тем, наведённый тут порядок изменил это место до неузнаваемости. Ни бумажечки, ни пылинки, веревки в аккуратных бухтах, ленты свернуты и упорядочены, как книги в библиотеке педанта. Над ним сооружен навес. По правую руку у самого парапета стоит, чистит «Утес», рядом столбиками выстроилась остальная команда, с упоением слушающая, как Великан на полном серьезе рассказывает устройство крупнокалиберного пулемёта «Утес», причем в мельчайших подробностях. Заметив, что Змей проснулся. Глыба, встав по стойке смирно, словно крупный Соборный колокол пробасил:

— Капитан на палубе!

— Вольно, — на автомате ответил Змей, следом обмолвившись: — тьфу ты. Вот же Жесть. Глыба, ты что, все руководство наизусть знаешь?

— Знаю, — ответил заулыбавшийся гигант.

— А можешь руководство по Утесу с самого начала. Гигант кивнул, встав по стойке смирно, затараторил.

— МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ.

для служебного пользования.

РУКОВОДСТВО ПО 12,7-мм ПУЛЕМЕТУ

"Утес" (НСВ-12,7)

— Стоп, стоп, и много ты такого знаешь? — Алеша Попович пожал плечами.

— Глыба много чего знает, каждую точку помнит, каждую запятую.

— Чертежи тоже?

— Глыба все, что видел, не забывает.

Змей, поверил сразу, даже проверять не стал, ангелы не врут.

— Как чувствуешь себя, Глыба? — спросил заинтересованный Змей.

— Отлично, капитан третьего ранга, — и Глыба вновь встал на вытяжку. Только Змей хотел возмутиться, как Глыба еще больше вытянулся, высоко задрал подбородок, и отчеканил: — Капитан третьего ранга, можно к Вам обратиться рядовой Глыба?

— Обращайтесь, матрос, — только и мог выговорить Оружейник. Глыба просиял:

— Возьмите меня, Глыба полезный.

— Что умеешь, матрос? Оружейника понесло, но он почему-то не мог остановиться.

— Глыба сильный, Глыба быстрый, Глыба пулеметчик, Глыба повар Глыба многое умеет.

“Во, свезло-то”, - подумалось Змею. Было заметно, гигант сильно нервничает.

— Принят, — как отрезал, сказал Змей. Глыба включил уже привычно свое солнце, а Крыски радостно пискнув, устроили кутерьму на голове Глыбы, благо разгуляться было где.

— Эй, банда, — повысил голос, улыбающийся Змей. — Только обращаемся друг к другу

коротко и по возможности тихо, мы же не хотим себя обнаружить, тишина первое правило спецназа.

— Мы спецназ? — как-то восторженно удивился Глыба. Не хотелось Оружейнику разубеждать эту святую наивность, и все тут. Даже грызуны замерли у него на голове, встав столбиками. “Они что, меня полностью понимают что ли, — мимолетом подумалось Змею, — так внимательно вслушиваются”. И что его дернуло:

— Да, Глыба, мы спецназ, мы длань наказующая Стикса.

В вышине громыхнуло, да так, что Глыба пригнулся, с благоговеньем посмотрел на чистое летнее небо, затянутое перистыми облаками. Крысок с парашюта сдуло, будто их там и не было. “И куда я в очередной раз ввязался”, - как-то обреченно подумал Змей, высматривая хотя бы небольшую, темную тучку. Горизонт был чист. “Язык мой, враг мой”, - в сердцах посетовал Оружейник. Надо бы поосторожней здесь со словом. И тут его схапала Глыба, и будто игрушечного солдатика, поставил на ноги.

— Змею нужно тренироваться! — он держался, держался и сделал первый шаг, качнулся и затем второй, упасть ему не дал Глыба, подхватил.

Оружейник улыбался, растянув рот по уши, как полоумный. Да что там упасть, он лоб готов был расшибить в кровь после таких триумфальных ШАГОВ.

— Каждый день Змею ходить, — прогромыхал великан, без труда удерживая взрослого мужчину на вытянутых руках.

— Глыба следить. Глыба тренировать. Глыба массировать. Змей побежит.

Змей смотрел с удовольствием на свои ноги под жесткими пальцами Глыбы, это были уже не те бамбуковые палки, на которые было страшно смотреть, и на заднице, что-то уже появилось, раньше два тазобедренных сустава обтянутых кожей и все, ягодицы полностью отсутствовали.

— Глыба, где ты так научился? — Змей понимал, перед ним спец, скорее всего бывший спортивный специалист. И тут же его наблюдение подтвердилось.

— Глыба в Лесгафте лучший. Змей запущен очень. Глыба исправит. Змей побежит.

Оружейник задумался, учиться и быть в Лесгафте лучшим как-то не вязалось с состоянием интеллекта этого гиганта, и в тоже время Глыба и ложь не совместимы, это он сразу просек. Версий у Змея было сразу несколько: травма головы, последствия отравления Зарином, наконец, Стикс. Змей посмотрел на гиганта, — “да мне всё равно, что там, парень редкостный, можно сказать святой. Нужно со временем все выяснить и если есть возможность, помочь ему”.

— Спасибо Глыба, что бы я без тебя делал, дорогой ты мой великан. Скоро нам придется уходить отсюда. А я, к сожалению, пока медленнее черепахи.

— Глыба понесет.

— А выдюжишь, я хоть и худой, но все семьдесят вешу. Еще, как минимум, у нас будет пятьдесят килограмм снаряги, боеприпас, провиант, оружие.

Гигант хмыкнул:

— Глыба бежать сможет. Много сможет.

— Хорошо. Возможно это и выход, будем пробовать. Глыба, там, на кухонном стеллаже папка толстая лежит, канцелярская, принеси, пожалуйста.

В папке, как он и ожидал, была незамысловатая бухгалтерия потрошителей, писчая бумага, пара карандашей, несколько ручек и что совсем неплохо, карта Ленинградской области. “Хорошая находка”, - обрадовался Змей, сразу к себе в нагрудный карман.

— Вот, смотри Глыба, — и Оружейник, на одном из листов быстро, штрихами нарисовал простейшую, охотничью Понягу, в древности на похожих мешки с мукой таскали, а охотники, зверя из тайги выносили. — У нас есть аргон, есть дюралевые трубки, у нас наличествует все, для сварки хорошей рамы. Делаем ее в виде зауженной кверху трапеции, по твоим размерам, на уровне поясницы, или чуть ниже привариваем полку, обычно ее делают сто пятьдесят миллиметров, мы сделаем триста, мне будет удобней сидеть. Спиной лист вырезаем по форме внутреннего профиля, обсверливаем, обвязываем стропой к внутренней части рамы. Лямки предлагаю пошире сделать, тебе на плечи поменьше давить будет. На крыше, как раз есть широкая капроновой лента, подойдет великолепно, книзу ее заузим сложением и обвяжем. Меня закрепим армейскими поясными ремнями, они широкие, хорошо регулируются, замки мощные — трех, думаю, хватит: бедра к полке и грудь двумя. Руки свободны, неплохое прикрытие с тыла и глаза опять же.

— Ага. — Расплылся в улыбке Глыба.

До глубокой ночи они мастерили Понягу. Опробовали, Глыба даже пробежался по кругу со Змеем за спиной, все остались довольны. Вещь вышла знатная.

Приятно, когда ты наконец выспался, чист и накормлен. Еще приятней, когда тебя окружают заботой и есть возможность немного побездельничать под видом: не беспокоить, командир думает. “Красота-то какая, лепота, сидишь себе спокойно с умным видом и смотришь, как добродушный Джин и его двое вездесущих помощника метаются, туда сюда, гремят крышками, что-то там сливают, процеживают, колдуют у плиты”.

Глыба и вправду оказался поваром, да еще каким, Оружейник давно не ел так правильно, первое второе третье и настоящий компот из сухофруктов и еще обещаны пирожки для перекусов. Разве не Красота, разве не Лепота.

— Командир, пей! — Глыба протянул Змею большую кружку.

— Что это? — запах горячей жидкости напоминал глинтвейн.

— Глыба сделал Грох[1]. Грох нужен Змею. Алый Грох, — как-то значимо добавил Глыба.

— Раз надо, значит надо. — Змей выпил. — Станный вкус, но пить можно, и даже вкусно.

— Рецепт расскажешь?

Глыба кивнул головой, и раскрыл свой рецепт:

— Глыба взял Алую горошину, вино, уксус, корицу, перец, сахар, сильно постарался, получился Алый Грох для Змея.

— Понятно, — вздохнул Оружейник, — еще тот рецептик. А повар для себя оставил этакую полезность? — Глыба отрицательно замотал головой.

— А для остальной команды? — продолжил спрашивать Змей.

На это Глыба и вовсе округлил глаза и еще интенсивнее замотал головой:

— Нет, командир. Пожал плечами гигант переросток.

— Почему?

— Очень, редкий, очень, дорогой.

— Понятно. Давай-ка, сваргань еще раз это редкое пойло, для себя и команды, думаю, Тень с Тигрой не откажутся, все, что полезно они за милую душу пользуют. Да и я не откажусь.

— Змею нельзя, — уверенно, как отрезал, прогромыхал Глыба. — Много смерть, — назидательно заявил Глыба.

Еще два — три часа Змей провел на импровизированной кухне, обустроенной Глыбой, наблюдая, как делается Грох и Живчик, параллельно получая от Глыбы массу бессистемной информации. По завершении этих лабораторных работ Змей решил, что время, потраченное у плиты вместе с Глыбой можно назвать чрезвычайно продуктивным. Уяснив для себя главное: во всех жизненно важных зельях в Стиксе используются биогенные образования тварей, и чем сильнее тварь тем, продукты, добытые из нее ценней. И пить их нужно, без исключений осторожно, и в очень небольших дозах, зато регулярно. Как то так за неспешными насущными делами прошел день.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Из оружейных ящиков Алеша Попович для Змея сделал массивное сиденье с высокой спинкой и усадил туда, как принца. Теперь Змей с удобством мог предаться любимым делом — чистке оружия. Таки они и коротали вечерок, без разговоров, просто чистили оружие и молчали — хорошо, покойно. Тигра спала, свернувшись у ног. “Ну и большая”, - подумал Змей, рассматривая свою боевую подругу: “как же она так выросла, а я и не заметил. Уже поболе таксы будет, да и на крысу она уже не очень-то похожа, скорей россомаха, только окрас тот же изначальный — тигриный”. Чуткая Тигра, видимо, почувствовала, что на нее обратили внимание, завозилась. Змей успокоил:

— Тишь-тишь. Спи, спи моя хорошая, отдыхай моя Тигра, сил набирайся, чую, дел у нас впереди уйма верней уймища.

Змей захотел почувствовать ее детеныша. Как он там. Тень нес службу по охране на парапете крыши. И он увидел его, будто со стороны слегка подсвеченного. Тень трусил по парапету, внимательно осматривая серую мглу позднего вечера за периметром здания, совершенно бесшумный, совершенно невидимый, в общем, лучший постовой всех времен и всех армий. Оружейник решил посмотреть сверху и у него получилось он увидел все здание целиком и даже маленькую тень, перемещающуюся по парапету, он определил всех живых существ, в радиусе пятисот метров, подсвеченных желтым светом — цели были не опасны и одна дружественная тень отмеченная зеленым. Решение двинуть это выносное зрение дальше получилось, но где-то на отметке пятьсот шестьсот метров он почувствовал боль. Пришлось вернуться обратно, он проник сквозь бетон, без каких либо ощущений, видеть себя со стороны было интересно, своим видом он остался доволен — это не тот живой скелет с горящими глазами на инвалидной коляске. “Мясцом оброс”, - с удовлетворением подумал Оружейник. Его тело сидело за столом, будто парализованное, перед ним в разобранном состоянии лежали два ПП 2000, что то было не так, не правильно, мешалось как небольшой камешек в ботинке, или маковое зернышко меж зубов.

Что же это? — напротив, начинал нервничать Глыба, он что-то говорил ему, он же вместо слов слышал только гулкое «Бу-Бу-Бу». Нужно поработать над этим, постепенно, может и озвучка добавится тогда и вовсе обалдеть будет. Мы тогда огого как, любых Урфин Джюсов прижучим. Что же не так, все продолжало зудеть, назойливой мухой, ощущение.

— Да вот же оно, — обрадовался Оружейник, найдя причину зуда разобранные части двух автоматов, не правильно это. — Собрать! — и возвратился в тело с такими же ошалелыми глазами, как его сосед Глыба, смотрел, как автоматы сами собираются, причем, заимствуя детали друг у друга, вдох-выдох и оружие собрано. Создавшуюся тягучую тишину разрушил насмешливый голос Оружейника:

— Вод же Жесть. Цирк уехал, а один фокусник всё-таки остался. Надо бы работать над тем, чем одарил Стикс, развивать. Глыба, не волнуйся — это, похоже, мой дар прорезался.

— Круто, — громыхнул Глыба, явно ожидая продолжения, как дите в цирке.

— Глыба испугался. Змей молчит, стеклянные глаза смотрят. Автоматы собираются. Жутко стало Глыбе, Уууу, — сжался гигант, обхватив себя ручищами, едва зажимая рвущуюся наружу улыбку. Смотрелось это мило.

— Пожалуйста, Змей.

— Что? — не понял Оружейник

— Повтори, а. — Пришлось повторять, хотя ему и самому хотелось еще раз попробовать, «Око» так Оружейник назвал эту свою способность.

— Теперь я как в песенке сыщика из Бременских музыкантов: "И нюх как у собаки и глаз как у орла". Только нужно усложнить задачу, — он возложил руки на стол. Желание увидеть этот стол сверху, реализовалось сразу. — Теперь я бесспорно лучший игрок в покер, эх, сейчас бы в Лас-Вегас, уж там бы я устроил "партнерам" казино-армагедон, — он сконцентрировался на двух автоматах и приказал:

— Разберись, — представляя как это делается, детали вмиг размытыми силуэтами разложились на рогожке. Змей вернулся в тело, и, не обращая внимания на восхищения и «ахи-охи» Глыбы, тщательно перемешал все детали, разделив их на равные части и развел эти две кучи по разные края рогожки. Тут же сосредоточился и приказал:

— Соберись, — и он, будто увидел, как это делается.

Автоматы собирались значительно медленнее, если так можно сказать, за лишние пять — шесть секунд. Частенько детали для сборки проносились туда-сюда над рогожкой, завораживающее зрелище. Только когда ПП 2000 были собраны, Оружейник понял, что не входил в это свое состояние названное им ОКО, и еще легкая испарина вот и вся разница. "Вот же чудеса, настоящий техно-маг получается. И получается в обычном состоянии, сил что ли, на такие действа тратится больше, еще это значительно медленнее и что-то мне подсказывает, еще есть существенные различия".

— Глыба, принеси, пожалуйста, там, на сейфе пару пистолетов валялось, принеси сюда, пожалуйста. — Глыба, кивнул и сорвался, раз-два и он с горящими от восхищения глазами стоит у плеча, выложив на стол два Стечкина и ТТ. — Хорошие пистолеты. — Глыба кивнул.

Оружейник выбрал два Стечкина и протянул их Глыбе:

— Сломай их или погни чем-нибудь, там вон, в углу верстак, тиски и кувалда даже есть, пластиковые накладки на ручках, не знаю, наверное, треснет, но ничего, эксперимент есть эксперимент. — Глыба раскраснелся, глаза блестят весельем, еще чуть-чуть и в пляс пойдет.

Нет, Глыба не пошел к верстаку, он сделал это руками. Лучше не видеть, что могут манипуляторы этого гиганта, по-другому и не скажешь, он их погнул, сначала один, следом другой, без каких либо ужимок и надувания щек, раз и все, будто эта гордость Российских оружейников из пластилина сделана.

— Во силища. Красава. — Змей покрутил в руках скрученные железки, — ты, Глыба, молоток, нет Глыба — ты кувалда, обалдеть, что можешь, такое на любом шоу показать не стыдно. В общем, мы тут все с цирковой жилкой подобрались. Ты силач, я факир, мелкие и попрыгать и побегать и по стенкам и по потолку, вон сейфы на раз вскрывают, человеческую речь понимают. Да и какие они мелкие, вон как Тигра вымахала, и на этом думаю не закончила, и с умениями ихними многое за кадром остается, и думаю, еще подкинут они нам с тобой пару-тройку сюрпризов, как пить дать подкинут. Ну, хорошо, отвлеклись немного, теперь за дело.

Войти в состояние ОКО получалось теперь, как говорится по щелчку пальца.

Оружейник сосредоточился и приказал:

— Разберись! — И он, уже по проторённой дороге, представил себе это.

Пистолеты дернулись и все, лишь нагрелись, их горячую структуру он почувствовал сразу, причем знал точно 156 градусов, от стола, на котором лежали пистолеты, запахло жжёным лаком, появился легкий дымок. Глыба, как, оказалось, мог действовать и сообразительно и стремительно, противень из духовки мигом был подложен под нагревшиеся пистолеты. Так не получилось, пробуем дальше, он сосредоточился, отринул все мысли приказав:

— Исправить, и он сильно захотел этого.

По пистолетам, будто темная искрящаяся волна прошла. И металл и пластик на рукояти даже визуально изменились, структурно же и того больше такого материала Оружейник никогда не видел: темный, матовый и вместе с тем, будто подсвеченный изнутри. “Млин, вот я и литейщик уже. Хорошо, металл и пластик изменился в лучшую ли сторону, проверить еще успеем”, - однако, сама сломанная конструкция не изменилась, перед его взором лежали почти те же болванки болванками, не годными ни на что. Попробовав еще несколько раз, и все тщетно исправить саму конструкцию не получилось. Пришлось немного передохнуть и пораскинуть мозгами.

Нет, от неудачи он не расстроился, какие уж тут расстройства, все это было интересно до одури, и будоражило будьте-нате. “Может, вернуться к началу, к истоку так сказать”, - Оружейнику вспомнилось то зудящее ощущение неправильности, после которого и все завертелось. “Надо попробовать пойти по этому пути”, - он глядел на эти изломанные конструкции, они были не правильными, не гармоничными что ли, они раздражали, сильно захотелось исправить это непотребство, он смотрел на них и смотрел, ничего не происходило, что делать дальше совершенно не понятно.

Холод, он почувствовал, кратковременный сильный холод в кистях рук.

Откуда они появились эти тонкие почти прозрачные, будто сотканые из тумана кисти рук он понятия не имел, зато в состоянии ОКО они слушались его как родные. Взяв в эти белесые руки призрака один из пистолетов он, без какого либо труда выравнял его, и даже затвор передернул.

Где-то рядом загудело. Ага, понял Оружейник, это Глыба буянит, орет что-то радостное и в ладоши хлопает. Рядом младший состав козликами прыгает, в общем, веселится народ, будто на проводах Масленицы и все как бы в замедленном действии.

“Не отвлекаться”, - одернул себя Оружейник, он держал в этих призрачных, тонкопалых светящихся руках, казавшихся такими хрупкими, это тяжелое, темное, красивое оружие и оно ему почему-то всё равно не нравилось, что-то было не так, чего-то не хватало. “Пойдем дальше”, - мимоходом подумал Оружейник, будем добиваться его совершенства. И он возжелал этого всем своим естеством. “Я хочу этого, я могу это”, - твердило сознание. В один момент призрачные кисти вспыхнули ослепляюще ярко, и вместе с этой вспышкой Оружейник получил приступ сильнейшей всеобъемлющей боли, из него будто ручейком жизнь потекла в это изделие, эта изошрённая пытка все продолжалась и продолжалась, а сил все меньше, страшно.

“Секунда, две или целая вечность, время будто перестало существовать, вот Стечкин ярко белого цвета, металл расплавлен, бурлит, но держится в форме, жара — нет, а как же законы физики, бред, и как же патроны, порох, там же целый магазин, почему еще нет взрыва? Прочь, ненужные, прочь”, - гнал мешающие мысли Оружейник, опять настраиваясь

на процесс, его самого корежило, как тот металл. “Как же достала эта боль, терпеть мочи ни какой нет”.

Холодный, расплавленный металл сменился темной, пепельной, летучей массой, она ураганами бушевала в пределах формы пистолета, жуткое зрелище. Пришло осознание того, что эти метаморфозы ой как не безопасны, и остановка процесса в легкую превратит окружающее в пустыню, а на какие расстояния — только Боги Стикса знают. Его потряхивало, силы заканчивались, и это отчетливо было понятно, сколько еще он сможет терпеть эту мучительницу Боль, сознание замутнялось. “Держаться, нужно держаться”, - подбадривал он себя. Черные береты не сдаются, он чувствовал, как течет кровь по подбородку, из ушей, наверное, тоже. Оружейник видел, как бушует Глыба, пытаясь пробиться к нему, стучась словно мотылек о крепкую для него лампу накаливания. По вершине защитного купала, Тигра с Тенью, пытаются рвать купол своими Лунными Когтями, все тщетно. “И хорошо, что так. Как же все это суетно”.

Все, решил Оружейник, закончил, и наступил столь желанный и долгожданный покой. Темнота.

[1] Грох — горячий напиток из гороха с добавлением вина.

Глава девятая Черный свет

Голод всепоглощающий, эту жажду металлов он ощутил сразу, как только очнулся, похожее он уже испытывал там, под землей, в желтом тумане бункера Минобороны. Еще, он узрел нависающую над ним улыбающуюся и довольную харю Глыбы.

— Долго я был в отключке, Глыба?

— Сутки. Змея не убьешь. Живучий Змей.

— Да, я такой, жуть, как злой до жизни, — прохрипел Оружейник. С тревогой подумав: “время спокойное, отведенное им, оно не идет, оно бежит вприпрыжку”. Его знаменитая чуйка еще не вопила об опасности, она лишь недовольно бурчала, как бы перестраховываясь: “нужно уходить отсюда, от греха подальше”. А тут целые сутки на выброс. Больше так рисковать — себе дороже, заниматься своими возможностями конечно надо и даже нужно, но теперь и только в свете полученных шишек на лбу. Из не веселых раздумий вырвал Глыба, в свойственной ему манере, поступив, ну как с теми тискаами.

— Змей, Маг, Оружейник. Вот такенный, — раскинув руки, определил величину Глыба.

“Ладно, я потом об этом подумаю, завтра, — решил Змей, — на сегодня уже нет сил, заморачиваться по этому поводу”.

— Тащи, друг мага, все металлы на стол, все, что найдешь: жестяные банки от пива, гильзы, ломаное оружие, любое барахло, лишь бы металл был, вообще все, что попадет под руку, кроме инструмента — он нам еще пригодится. И меня бы на тот же стул посадить нужно, что-то ослабел я очень, Глыба, думаю, не доползти мне.

— Глыба сейчас. Глыба сделает. — Засуетился гигант. Какой раз Змей убеждался в расторопности и быстроте действий гиганта, не смотря на свои богатырские габариты, он двигался стремительно, даже с какой-то грацией.

На столе быстро появилась дверь от сейфа, оружейный хлам коего было очень много, какие-то обрезки прутков цветмета. Самое интересное притащил Тень, кто знает, из какого потайного места он притащил этот тряпичный узелок с множеством ювелирных изделий золотых серебряных и даже платиновых, в этой куче размером с грейпфрут было несколько приличных печаток с драгоценными камнями. “Зачем кому-то это понадобилось не ясно, это на Земле — это ценность, здесь же это некому не нужный мусор под ногами. Ну да ладно, нам ведь пригодится”. Его уже потряхивало, жажда изводила, еще чуть-чуть и он готов был наброситься на эту кучу, вот же, превратился в металло-вампира какого-то. “Неужели опять пилить, стругать и в таком виде поглощать”. А вот Тигра и мелкий, не стали жеманится при виде такого шведского стола, грызли что-то там себе в удовольствие, привлекая этим Глыбу смотревшем на все это с раскрытым ртом. Еще бы, когда кто-то рядом за обе щеки, с удовольствием, наяривает гильзы от патронов, как орешки, хочешь, не хочешь, а заинтересуешься.

“Ну да ладно, и мне нужно как-то насыщаться, организм требует вон уже трясет, как лихорадочного, скоро язык прикусывать буду”.

И он по наитию сделал это, просто навалился на это нагромождение металлолома и возложил руки. Ничего не произошло, но ему сразу стало легче. Видимо при работе с оружием дар что-то забрал из организма, хоть и в мизерных долях, а сейчас как-то восполнил.

— Хорошо-то как, — Оружейник чувствовал себя, наконец, отлично.

— Глыба, будь ласка, убери это все это верстаку. И пистолет, тот что мы давеча сделали, принеси, пожалуйста, будем смотреть, что там у нас получилось.

“Так, что же я сделал?” — то, что он держал в своих призрачных руках, ему нравилось, вокруг оружия виделся зеленоватый ореол: “это что, дружественное оружие?” — удивился Оружейник. Хотя пора бы отучаться от этого, удивление тут не в части, так можно и пучеглазие заработать, то-то еще будет, и он в этом не сомневался. Если он Оружейник и приоткрыл дверь своих возможностей, да только совсем ничтожно, лишь щелочку.

— Уф, выдохнул Змей, придя в себя, — на этот раз он заметно чувствовал усталость. И так, прототип лежал перед ним, и не то, чтобы радовал — он завораживал. Оружейник даже не догадывался, что таким красивым может быть черный цвет, нет, скорей это даже был ни цвет, это был «Черный Свет». И что на него нашло не понятно, наитие какое-то.

— Имя тебе убийца темных — «Черный Свет». И пистолет будто услышал своего хозяина по нему узкая радужная полоска пробежала. Оружейник взял оружие в руку, «Черный Свет» был теплый, как живое существо, и легким, очень легким, это вызвало мимолетный дискомфорт, пистолет тут же потяжелел, как надо.

— Ух, — выдохнул Оружейник, — вот же. Чем дальше в лес, тем больше дров, медведей и волков. Шут с этими медведями, и с волками туда же, идем дальше, уж слишком дрова эти бесценны, тут и рискнуть не грех. Теперь материал прототипа — это точно не сталь и не пластик, вообще непонятно что это такое, в меру твердое, и в то же время упругое, поверхность не скользкая, но и не шершавая, сжимаешь сильнее, становится тверже. Такое ощущение, что этот материал обладает определенными свойствами, подстраивающимися под хозяина.

Патроны в магазине все двадцать штук смотрелись и вовсе, как драгоценные камни. Сами гильзы темные, как ночь непроглядная, а вот закатанные пули смотрелись, как черные граненые алмазы. Чтобы получше рассмотреть эту сияющую красоту, Оружейник отщелкнул один из патронов.

— Да, впечатляет.

Глыба стоял рядом и с поистине детским выражением восхищения на лице, пялился на Оружейника и все, что он делает.

“Вот же дорвался до сладкого, он что, никогда в Цирке не был?”

— Глыба, возьми вот этот патрон, — и Оружейник протянул ему патрон Черного Света. Иди к верстаку и постарайся раскрошить этот камень бей осторожно не задень патрон, а то вдруг порох воспламенится.

— Глыба сделает. У Глыбы правильно руки растут.

“Кто бы сомневался”, - подумал Змей.

Послышалось несколько ударов. Потом заработали тески и натужное пыхтение Глыбы, будто меха кто-то рядом в кузне раздувал, закончившееся громким характерным щелчком, как будто каленая металлическая заготовка треснула под прессом.

— Змей, тиски тютю, — подал жалобный голос Глыба.

— Что значит тютю, Глыба? — Гигант горько вздохнул.

— Треснули пополам.

— Неси, что там осталось от эксперимента.

Чего-то опять затрещало, и Глыба принес пришедшие в негодность тиски, вырванные с корнем из железного верстака и боезапас Черного Света без малейшей царапины. Змей внимательно посмотрел на Глыбу:

— Это же надо такому здоровенному уродиться, или это влияние Стикса? Скорей всего пятьдесят на пятьдесят.

— Глыба, там верстак еще стоит?

— Глыба проверял. Верстак хороший, к полу прикручен.

— Хорошо. А кувалда на месте?

— Глыба смотрел, кувалда есть, большая, хорошая.

— Тогда вдарь со всей дури по этому пистолету, — протянув испытуемого Кувалде, через какое-то время раздалось молодецкое "Эхх" и загремело.

— Глыба, что на этот раз?

— Верстак и кувалда, — буркнул обреченно Алеша Попович.

— Не вижу, чему расстраиваться. Глыба, ты настоящий молодец, эксперимент прошел удачно, здание ведь ты не разрушил, ну, а тиски, верстак и шанцевый инструмент — это издержки. Так всегда бывает при удачных экспериментах.

Глыба ожил, и уже не напоминал из себя записного хулигана на приеме у директора школы:

— Издержки, — он как-то даже посмаковал это, похоже, для него новое слово.

— Здорово, Издержки! — пробасил Глыба и заулыбался, как только он умел.

Интересно, а где же патрон от Черного Света, на том месте, где недавно лежала эта не убиваемая драгоценность, лежал патрон 9 ПП (9Н16) повышенной пробиваемости, вполне обычный боеприпас, с пулей, со стальным сердечником. Оружейник зачем-то вставил его в магазин Черного Света, на глазах тот стал превращаться в былую красоту.

— Во как, сам себе молот сам себе наковальня. Осталось проверить только, будет ли стрелять этакая небесная красота.

— Что, Глыба, проверим? — Гигант замотал головой, румяный довольные глаза блестят, ведь сказочная история продолжается, факир-фокусник все еще выступает. Как бы в секту постепенно не превратится, с мессией оружейника сошедшего на многострадальные земли Стикса.

Зачем ходить куда-то, всё-таки это изначально тир вот и ростовые мишени позабыты, позаброшены у стены стоят. Выстрел был, и вроде бы его и не было, просто тихий хлопок какой-то даже тише чем с глушителем, но результаты, результаты — мамочка моя родная, превзошли все ожидания.

— Знаешь, Глыба, заявил Змей. Мы с тобой заодно обзавелись нежданно-негаданно смотровым отверстием на восточном направлении, почти полметра железобетона на вылет, «Черный свет» — это что-то, «Экскалибур» отдыхает и нервно курит в сторонке.

И тут опять проснулась его хваленая чуйка, для отрезвления цапнув его за ляжку, мол: «валить отсюда надобно хозяин, иначе цапнут за другое место, и это будет уже по-настоящему». Игнорировать навык развитый с еще не спокойного детства, и скорей всего усиленный Стиксом, себе дороже выйдет.

— Так, команда, слушай, — громко сказал Змей. — Готовимся к передислокации. Времени у нас почти нет.

Красота, тишина, полная серебряная Луна над головой, крепкие, высокие стены, еда и патроны в избытке, все, кто был при смерти, здоровы, даже неизлечимые идут на поправку. Семь шагов, целых семь шагов было сделано у стенки накануне, не благодать ли. Увидь этакое многие светила медицины, там, на далекой Земле, крикнули бы по-Станиславски: — «Не верю!» — и сослались бы на иллюзии, или количество коньяка, выпитого намеренно. Все

вроде бы хорошо даже очень, а нет.

Еще накануне побудки Оружейник решил уходить из этого места. Предчувствия были нехорошими, грызущими, мешающие всему. Со вчерашнего началось и не думало заканчиваться.

И не удивительно. Все же они перешли дорогу большому бандитскому сообществу и когда эти манкурты, осознав свои потери, придут убивать, им четверым при любом раскладе не выжить, все же две тысячи бойцов — это сила. И артиллерия скорей всего у темных душ имеется. Расстреляют издали, из какой-нибудь Мсты, и Амба, тут и белый жемчуг не поможет. Есть, конечно, вариант отхода вниз — в бункер. Сама по себе еще худшая ловушка, чем даже оставаться на месте. Нет, они конечно до них не доберутся, зато выход завалить со злости, запросто. Уйти вниз, сымитировав отход в лес, тоже риск, может и не прокатить, кто знает, какие у них могут быть специалисты, нельзя недооценивать противника. Считать, что только мы все из себя такие эксклюзивные, беспросветная тупость, в мире Стикса всякое возможно, даже немыслимое, и факты этому кругом.

— Братва, хорош дрыхнуть. Подъем! Сегодняшней ночью рисковали, не выставили часовых, всем нужно было хоть немного поспать.

Еще засветло, по заведённой уже традиции, выпили Алого Гроха, позавтракали сытно, пропустив по глотку Живчика, куда же без него.

— Так, бойцы, слушай вводную, — серьезно сказал Змей. — Плохиши скоро будут здесь, речь идет о часах, думаю максимум, что у нас есть, это часов десять. Что делать?! Работы: завалить нижний лаз, забрать все ценности, в том числе оружие, и переместить на место временной дислокации. Собрать все ценное с поля боя, переместить туда же. Делаем схрон, негоже ценности, а тем более оружие оставлять врагу. По идее, они обложат нас по полной, все ближайšie дороги и ближайšie стабы — опасны для нас.

Змей на столе развернул карту Соснового Бора. Карта была подробная, Мелкий сразу перебежал на нее, с интересом стал рассматривать. Видимо, карта произвела на Тень впечатление.

— Мы сейчас здесь! — и змей указал расположение, Тира, двигаемся по возможности скрытно, в город не пойдем, там скорей всего опасно, да и шум нам крайне не выгодно поднимать, обойдем по береговой полосе копорской губы, наша цель: — и Змей указал точку на карте, — это яхт клуб. Там должны быть катера. Выбираем нужный, надеюсь, топливо найдем там же. На винтах следуем до мыса Серая Лошадь, тут самое узкое место Финского залива, не считая конечно Маркизовой лужи, и есть где укрыться, если что. Форд Серая Лошадь достаточно безлюдное место на побережье, — Змей показал, где это, — на крайний случай в путанке камышей Черной Лахты можем и переждать пару дней, там в этих лабиринтах камней и высокого тростника, отыскать нас будет очень уж проблематично, если только, конечно, не перевоплотиться красноперкой. Выгадываем время и погоду и идем на пересечение Финского. Лучшее место для высадки между Песками и Песочное, там пересекаем автомобильную дорогу, идущую вдоль побережья, и углубляемся в лесной массив, цель: по дуге выйти к Сестрорецку, там определяемся, ищем попутку до Кронштадта. Дамба скорей всего для нас закрыта, туда, мы не ногой. На острове Котлин, уверен, найдем какую-нибудь посудину, пересекаем Маркизову лужу, входим в Шлюпочный канал, уверен, он подконтролен заводским, ведь он проходит по территории двадцать восьмого завода, Вуаля, мы на месте.

Вначале, при помощи Глыбы тщательно завалили нижний лаз, и забрав все ценное и

оружие, погрузили на люльку подъёмника, скраба оказалось больше чем рассчитывали.

— Много, — коротко высказался Глыба.

— Плюшкины мы, — так же коротко ответил Змей.

Спустили. Временный приют, нашли в дух километрах от тира, в зеленке. Огромная приметная сосна с четырьмя верхушками рядом небольшой овраг с песочной осыпью.

— Глыба, ты носишься и носишь, мы роём, — распорядился Змей. — Собери все оружие, что найдешь на пустыре возле тира и обыщи трупы. Напрямую не ходи, путай следы, на голый песок старайся не наступать.

— Глыба понял. Глыба сделает правильно. — И великан ходко, буквально лосиным шагом, с пустой понягой, скрылся из виду, и ни один сучок, ни одна шишка не хрустнула, как не прислушивался.

Змей довольно покачал головой, этот молодой парень ему нравился все больше и больше, как ракета Воевода, огромная, опасная и в тоже время быстрая, и такая родная, Российская.

Управились к обеду. Глыба поработал на славу, он не только обобрал всех поверженных, набрав приличное количество споронов и немного гороха, так он перетащил весь винный запас потрошителей. Упаковывали и хоронили добытое больше, чем собирали.

— Так, дамы и господа, все молодцы. Привал десять минут. Глыба давай сюда свой Печенег, пошаманю немного, до уровня «Черного Света» не смогу, если честно, боюсь пока я подступаться к этим возможностям.

Взяв в руки пулемет, Оружейник сразу почувствовал все шероховатости, все дефекты как занозы на своем теле, саднят, мешаются. Печенег в руках, за удар сердца, два раза перебрался, с него будто коричневая пудра на землю облачком опала.

Змей засмеялся, ему уже нравилось, что он держал в руках. Расфокусировав глаза он уже привычно перешел на дарованное ему Стиксом зрение, он пока не знал, как это состояние можно назвать, со свойственной человеку привычкой давать названием всему, именовал это состояние Око. В этом состоянии, он чувствуя изделие более тонко вплоть до кристаллической решётки.

— Исправить! — приказал Оружейник.

По Печенгу послушно пробежала радужная полоска.

— Красив зараза, — не сдержался Змей, протягивая темный, преобразившийся Печенег Глыбе. — Хозяин сам должен дать имя своему оружию.

Глыба даже затрясся, приняв это оружие, прижав Печенег к груди.

— Мститель. Глыба назвал. — Гордо и значимо прогудел гигант.

— Хорошо, ему, если честно, подходит. Молодец, Глыба.

У Громады вдруг затрясся подбородок, но он тряхнул головой и продолжил:

— Змей лучший. Змей Глыбе брат, — говорил гигант, едва не плача. Змей чтоб успокоить гиганта ткнул того кулаком в бочину, его можно было понять, а если этот «Оптимус Прайм» от переизбытка чувств полезет обниматься, все возможно, и продолжения не будет.

— Брат, завязывай мокроту. Серьезные дела впереди, чую нахлебаемся еще сегодня, тогда и поплачем вместе, говорят полезно это.

Считаю, нужно, пока мы не двинулись, перераспределить ценности. Негоже таскать с собой подобную ценность, как я понимаю, даже для хороших людей это может стать большим соблазном, не хотелось бы выступить в роле искуителя.

— Тигра, по нашей традиции, выбери всем подходящее, — и Змей открыл заветную табакерку, положив ее на землю.

Тигра даже и не думала к ней подбегать, она подбежала к Змею и уверенно так, тяпнула его за большой палец.

— Вот же кровопийца, — шутливо пожаловался Змей.

Что-то там посмаковав, подвигав челюстями Тигра направилась к табакерке, и как водится погоняла от стенке к стенке жемчуга, принялась, опять погоняла, пробуя то одну, то другую и, наконец, определилась и выложила на руку Змея сразу две жемчужины: белую и черную.

— Во как, сразу две, а гипервитаминоза у меня не будет? — Тигра на это ни как не отреагировала. — Ну, значит, не будет и Змей принял жемчужины, запив глотком Алого Гроха.

На него уставились, как на белого медведя в Африке. Страшного ничего не произошло, лишь приятно передернуло пару раз и все, а вот сил значительно прибавилось, особенно в ногах. Для демонстрации он прошел целых десять шагов и только на одиннадцатом его поймал Глыба и водрузил обратно.

— Могу заявить уверенно, — сказал обалдевший Змей. — Я чемпион мира, и возможно не одного, среди спинальников, по ходьбе без поддержки.

Крупье продолжила раздачу, Глыбе досталась белая, он от счастья не знал куда себя деть, то вставал, то садился обратно, то обнимал Змея, пытаюсь что-то сказать но у него нечего не получилось, кратковременно слова забыл, от переизбытка благодарности бывает такое. Хотя в это время Змей не в шутку опасался, за целостность своего скелета.

Еще одна белая досталась Тени, хотя изначально малыш был против, но Тигра грозно свистнула и он подчинился. Последняя черная жемчужина досталась самой крупье.

— В путь, — сказал Змей. — Стараемся не следовать. Тигра, Тень следуете за нами, скрываете следы.

Глыба развернулся, встал на одно колено, Змей быстро наполз, развернулся, удобно уселся на поняге, закрепив себя ремнями.

— Готов. — Глыба через плечо передал Змею рюкзак и встал. Змей уложил рюкзак себе на колени, и они тронулись. Лес, окружающий Сосновый, в большинстве своем прекрасен, сосны и песок, а на побережье Копорской губы и вовсе сказочный можно сказать: песчаные дюны с белым песком и сосны. Шли осторожно, часто останавливаясь.

Крысы бежали следом размашистых шагов Глыбы, и уничтожил все, что на их взгляд могло выдать их присутствие, даже травинки выправляли, если это требовалось. Так с осторожностями они пришли обратно к Тиру, прямо к люльке.

— Теперь можем и наследить, но в меру. Глыба, следуем на десять часов к прибрежной кромке, осторожно от укрытия к укрытию, впереди Тигра и Тень, слушать, наблюдать, докладывать.

Когда до пляжей с белым песком оставались считанные метры, а сквозь стволы сосен нет-нет, да проглядывала искристая голубизна, им не повезло, очень не повезло. Змей, на уровне боли почувствовал опасность и тут же получил от Тигры предупреждение, и образ черных кровожадных тварей на алом фоне.

— Оружие к бою! — коротко обронил Змей, выхватывая автоматы.

И тут затрещали кусты и совсем рядом с ними, будто стоявшим на переезде товарником, пронеслось несколько лосей, а за ними, чуть уступая в скорости, множество тварей. Глыба

ускорился, ринулся назад, не успел и дух прыжков сделать, убегая, как их догнала стая тварей, стрелять они начали одновременно. Глыба бежал, рваным спуртом в одном лице антилопа гну, кенгуру и игрок в регби. Что он выделявал, уму непостижимо, и при этом прицельно строчил из пулемета, за его спиной будто башенный стрелок с двух рук поливал Змей. В этой смертельной кутерьме под лапами тварей, незаметными тенями мелькали Тигра и Тень, подрезая лапы слишком рьяных тварей.

Глава десятая Леприкон и Пифия

Форт Красная горка.

Сегодня был редкий день, прекрасный, а главное чрезвычайно доходный, его уже застрелили, и вся власть перешла к вечеру.

“Странно, а я за сегодня еще ни кого не убил, непривычно как-то, надеюсь, еврейский бог зачтет мне это благоденство. Ни какой тебе колготни, ни каких тебе, допросов, пыток, криков”, - сам с собой говорил человек, а может и не человек вовсе.

— Хорошо-то, как получилась, как выгодно, Двадцать восьмой завод, Двадцать восьмой завод, лохи вы, а не двадцать восьмой завод, я один вас всех сделал! — ехидно в кулачек захихикал Урфин Джюс.

Это был не большого роста мужчина непонятного возраста, по правде сказать, те, кто больше трех лет протянул в Стиксе, можно было обозвать так же. А вот сама внешность главы стаба, была вполне достойной Кунсткамеры Санкт-Петербурга. Некоторые же и вовсе считали Урфин Джюса Квазом, пережравшим жемчуга. Это не так. И там и здесь он был расчетливым, хитрым, жестоким маньяком, мстившим всем и всему, за...

Лошадиное лицо, чрезмерно вытянутое, насупленные кустистые брови, маленькие, копеечные, колючие глазки — угольки, большой горбатый нос, с большой волосатой бородавкой и ее многочисленными подругами на землистом пористом лице. Еще, тонкие синюшные губы и зубы отвратительной редкости. За уши и волосы и писать не стоит, они были достойными остального.

Урфин сидел развалившись, в огромном кресле, он называл это трон, покуривая кальян, иногда прикладываясь к большому бокалу с превосходным односолодовым виски, улыбаясь и поглядывая по сторонам.

Сокровищница дракона, так он называл это место. Здесь и вправду было все самое дорогое, для этого редкостного упыря. Кабинет был весь зашит в ниши из красного дерева, на которых покоились стеклянные банки с отсечёнными головами залитых формалином, тех неосторожных, кто когда-либо переходил дорогу, этому больному на всю голову маньяку. Тут же были сделаны и новые ниши, видимо совсем недавно, в них, вместо голов пока стояли таблички, пока их было три и на них было начертано: «Бедовый», «Жнец», «Молчун».

В деверь осторожно постучали, никто не смел заходить в личные покои главы стаба.

— Господин, вы должны видеть это!

— Что там еще?

— Господин, с беспилотника засекли, ваш Тир в Сосновом Бору, там что-то не так. Сообщающему не дали договорить.

— Чтооо? — заорал Урфин Джюс, подсакивая с кресла. И он выскочил в арочный коридор, усиленный литым чугуном, в форте везде было так.

В операторскую он добежал за считанные секунды. Там было шумно, несколько экранов, пульта дистанционной работы с беспилотниками. Операторы вскочили склонившись.

— Всем работать! Кто старший?

— Лейтенант Грач, — представился главный дежурный по беспилотникам.

— Показывай, — рявкнул Урфин Джюс.

— Вот, господин, — указал Грач на самый большой экран. — Это тир, обратите

внимание, на нем нет привычного стрелкового вооружения, люлька опущена, дверь в нижние этажи открыта не норма это. И вот еще:

— Керн, покажи найденные трупы.

Камера сместилась в сторону и приблизилась, он узнал своих людей, увидел разбитые машины. Урфин Джюс взвыл, его ограбили, сомнений не было, и он потерял Белоснежку...

— Белоснежка, — истошно заорал глава стаба, бешено вращая глазами, изо рта пошла пена.

— Найти мне этих ублюдков! Найти! — визжал нечеловеческим голосом хозяин стаба.

Народ из операторской ломанулся с проворством макак, увидевших леопарда. И все же, дежурный и несколько операторов осталось. “Надо бы их премировать, с выдержкой у служивых все в порядке, посты не бросили”. И вдруг:

— Нашли, господин.

— Выводи телеметрию на главный экран, — по-армейски рявкнул Грач.

И они увидели несущуюся убийственную крепость из двух людей, огрызающихся огнем из оружия, сея вокруг себя смерть и только смерть, темные твари как трухлявые горелые колоски, снопами опадали на землю.

— Ближе, покажи лица! — взвизгнул, находящийся на пределе, Урфин Джюс. — Приказ!

Они увидели спайку двоих великолепных воинов, тот, что был за спиной гиганта, вдруг засек их беспилотник, выхвати пистолет и выстрелил. Урфин Джюс даже не успел подумать: “Он что там совсем псих, из пистолета на два километра стрелять”, - как экран погас.

И оператор дрожащим голосом доложил:

— Господин, наш беспилотник сбит.

— На какой высоте? — прохрипел Урфин Джюс.

— Два километра двести, — доложил Грач, вытянувшись в струнку.

— Если бы сам не видел, не поверил бы, — тихо почти про себя прошептал Урфин Джюс, губы его подергивались, он утерся белоснежным кружевным платком и тут же взорвался:

— Гвардейцев мне, двух лучших гончих и сенса и, и, мы немедленно едем в Мишень! — сорвавшись на фальцет, визгливо заголосил Урфин Джюс, сдерживаясь, как только мог.

Он и сам себя боялся в этих крепостных стенах форта Красная Горка, сорвись он и одну половину услуги вынесут вперед ногами, другая благополучно сбежит, вылавливай потом поодиночке в этих толи лесах, толи болотах-рассадниках клюквы да черники...

Собрались быстро, минут за пятнадцать, три броневика с крупнокалиберными стволами. Урфин Джюс одел свой любимый охотничий, зеленый костюм и совсем стал похож на Леприкона, у которого украли его горшочек с золотом.

Колонну он гнал вперед, хотя они двигались и так быстрее, чем обычно, совсем без подстраховки и эшелонированной разведки, впереди лишь один беспилотник маячил.

Как он пережил этот час, только он и знает, еще, наверное, водитель и личная охрана. Что только он не делал, за это время орал до срыва голоса, бил рукой о бронированную стенку, и ногами бил ее же, еще орал, опять бил, делал себе больно, наконец, рвал на себе волосы. Когда его водитель и охрана дошли до устойчивой белизны, в лицах, будто японские гейши, они доехали, а подручные Урфин Джюса смогли облегченно выдохнуть.

Над трупом своего любовника Урфин Джюс бесновался еще примерно с час, засыпая это место страшными проклятиями. Наконец он определился, что сделает с убийцами

Белоснежки и немного пришел в себя:

— Я разопну Вас на стенах сокровищницы, годами десятилетиями вы будете умолять меня, стонать, мучиться и опять молить меня о смерти, как о великой милости. Бесконечность это будет длиться, и я клянусь, не дарую ее вам.

Наконец, он сидел в самом тире в своих ищейках он не сомневался, они были лучшие, все с нужным для этого даром. Его же личные наблюдения были горестными, ограбили знатно, все что-либо ценное пропало, архивные винчестеры тоже, а там такой компромат не отмоешься.

— Вот же, сука, попал.

Сколько он так сидел в невеселых раздумьях он не знал, совершенно выпал из реальности. Очнулся только тогда, когда вокруг началось какое-то шевеление.

К нему за круглый стол выложили трубу, дверь от сейфа и скрученный пистолет.

— Что это? — спросил ничего не понимающий Урфин Джюс. — Давайте живо сюда, на стол, разъяснения и подробности.

— Слушаюсь, Господин, — ответил Крыс, лучшая его гончая. Вот, например труба.

— И что же в ней такого полезного? — съязвил глава стаба, — если только ей не проломить тебе голову, — холодно ухмыльнулся хозяин.

— Конечно, Господин, она и для этого сгодится, вот только кто-то ей нашел еще одно нестандартное применение, он питался ей. И я точно знаю, что это тот кто выступил против Вас, благородный.

— Питался? — ошарашено спросил Урфин Джюс. Чего-чего, а подобного он ни как не ожидал.

— Совершенно точно, Господин, и еще, — он показал на гладкие срезы дверцы сейфа. — Обратите внимание, Господин, это прочнейшая легированная сталь и это не резак, это не лазер, это что-то мощнее, это вскрывали даром, каким я не знаю, в известной классификации подобного нет.

— И, напоследок — это, — и Крыс подвинул к Урфин Джюсу погнутый пистолет. — Самое интересное.

— Здесь то, что не обычного? — Возмутился глава стаба. Обычная волына.

— Все, Господин. Все здесь интересное. Это Стечкин, но металл не известный, да и металл ли это, непонятно, мы даже поцарапать его не смогли, а кто-то его согнул, как, тоже непонятно. Скорей всего — это дар преобразования, и опять, не входящий общие каноны, и что еще, может это иммунный, мы не знаем. Опять же скорей всего именно он и сбил наш беспилотник, не слишком ли много для одного?

— Почему одного? — задал, уже заинтересованный Урфин Джюс. — Их было двое.

— Нет, Господин, второго мы опознали, это Глыба, из силовиков он, один из лучших танков в Рамбове, еще он отличный пулеметчик и не более того. Этот громила, кстати, был в числе тех Рамбовских, которых неназываемые недавно как почикали. Ну вы знаете. Мы тогда еще едва ноги унесли со станции Калище.

— Знаю, знаю, — задумчиво пробубнил Урфин Джюс.

Наверху зашумели. “Похоже, вернулся поисковый отряд”, - предположил Урфин Джюс, он оказался прав. К столу подошла его вторая гончая по кличке Компас:

— Господин, не успели мы, ушли они на катере в направлении северного берега Финского залива, мы предполагаем, преследуемые знают проходы меж темных вод, так бы уверено не уходили от берега. Предвосхищая вопрос Хозяина, Компас дополнил: — вся

ближайшая прибрежная полоса сенсом проверена досконально, живых иммунных нет.

Видел бы сейчас этот Компас, смывающих в темноте с себя глину Глыбу и Змея, и пустой катер, с закреплённым рулем, плывущий в никуда, кадык бы проглотил.

— Все, отдыхаем, выставить посты. Утро вечера мудрёнее, — устало сказал Урфин Джюс.

— Завтра поутру собираемся, едем в Рамбов мне надо к Пифии.

И сказано это было так, как будто он собирается к садисту стоматологу, а не к известной прорицательнице. И в этом отчасти можно было его понять, Пифию знали все и побаивались заслужено, в Стикс она попала в четырнадцать лет, а сейчас ей двадцать пять, она одна из немногих, кто протянул здесь столько и до того как стать известной прорицательницей, она была не менее известным ассасином. Поговаривают, что и сейчас она нет-нет, да берется за выполнение сложных заказов в дальних стабах.

Пятиметровая крепостная стена стаба Рамбов шла от самой кромки финского Залива прямо по внешней стороне КАД. Нижнюю дорогу перекрывали Массивные дубовые ворота обитые листовым железом.

Их технику знали, поэтому открыли ворота, сразу к первой машине подошел дежурный, представился и предложил открыть все двери. Набежавшие автоматчики в полной боевой экипировке визуально оглядели все и послали знак дежурному, что все в норме. Тогда дежурный офицер муторным голосом отчеканил, положенную памятку, смотря на Урфин Джюса:

— Вы въезжаете в зону ответственности стаба Рамбов. Теперь на вас распространяются законы стаба Рамбов. Будьте осторожны и осмотрительны. Стрелять запрещается. Грабить, насиловать, похищать, удерживать, наносить увечья запрещается, дуэли разрешены только в присутствии секундантов от стаба Рамбов и по кодексу стаба Рамбов. Секундантами могут стать любые полицейские или охотники за головами проживающий на данной территории. Нарушивший сей кодекс будет преследоваться по всей строгости законов Ораниенбаума. Проезжайте господа.

— Как то меня напрягает это ихнее Рамбов, Рамбов, Рамбов и все запрещается. ублюбочные крючкотворцы.

До месторасположения Пифии они добрались быстро, переехали шлагбаум у городского вокзала и въехали в рыбный порт, повернули направо, проехали по набережной Сидоровского канала рядом со старым Морским вокзалом и уперлись в высоченную, глухую, крепостную стену от воды до воды перегораживающую мыс, по краям с двумя стрелковыми башнями. За этой стеной и жила известная предсказательница. Пифии принадлежал целый мыс, зашитый в бетон, со своими причалами и небольшим маяком.

Урфин Джюс вышел из машины. Поднял руку и заорал что есть мочи.

— Я, Урфин Джюс, прошу Пифию принять меня.

— Ждите, — оглушил громкоговоритель. Через небольшое время громкоговоритель ожил. — Урфин Джюс, следуйте к катерной стоянке, Госпожа примет Вас.

И Урфин Джюс пошел налево, вдоль стены, не доходя метров пяти до катерного причала, все было зарешечено. Щелкнул электрозамок, он отрыл дверь и пошел на причал, за спиной, решетка тут же закрылась.

Катер его уже ждал, матросы катера помогли ему переступить, подняться по трапу. На плавсредстве они обогнули мыс. Один их находящихся на катере связался с кем то, раздался звуковой сигнал, заработали какие-то механизмы и часть крепостной стены медленно ушла

подводу, на причале у шикарного дома Пифии загорелся зеленый на двух бакенах, и они тихим ходом причалили, раздался предупреждающий сигнал и массивная плита двухметровой толщины стала подниматься из воды, закрывая проход.

Его пригласили на второй этаж, уютно, дерево, камень, камин, панорамная стеклянная стена, на полу персидские ковры, он засмотрелся на серые воды Финского залива. Рядом на столике стоял хороший виски и небольшой заваренный чайничек, но он, ни к чему не притронулся.

Вошла Пифия, у него, не смотря на его не традиционные предпочтения при появлении этой женщины всегда обрубало дыхание и увеличивалась слюновыделение, но вот реальная возможность всплыть где-нибудь в районе пьяного маяка срабатывало лучше любой Анти-Виагры. Ведь молния тоже красива, вот только кому захочется ее обнимать. Пифия была в роскошном, полупрозрачном, бордовом вечернем платье с большим декольте. Эта молодая женщина, мало сказать, была красива, она была неприлично прекрасна. Высокая, огромные томные черные глаза с поволокой, пышные, густые, смолянистые волосы, чувственные алые губы и все это с фигурой греческой богини, нет, это ни женщина, это бомба с ядерной изюминкой.

— Здравствуй, что на этот раз Вас привело ко мне, хозяин Лебязья.

— Хочу имя человека, сделавшего вот это, — и Урфин Джюс выложил на маленький стеклянный столик тот свернутый пистолет, из непонятого материла.

Пифия улыбаясь, нагнулась, чтоб дотронуться до предмета, от чего Урфин Джюс едва не задохнулся, пришлось закрыть глаза. “Вот же ведьма”.

Когда же он открыл глаза, пред ним престала, бледная испуганная Пифия, какая-то сразу жалкая, маленькая, сжавшаяся с ногами забравшаяся на кресло.

— Его зовут Змей. — И она протянула к пришедшему руки. — Видишь в моих ладонях пустота, мне больше нечем тебя кормить.

— Где он? — задал вопрос с нажимом проситель.

— Я хочу жить, Урфин Джюс, мне нравится это, он придет, он спросит, что я ему отвечу? И так многое сказано. Уже жалею.

— Ты, Пифия. Ты. Да ты его боишься? — с усмешкой спросил Урфин Джюс.

— Да! — громко ответила красавица. — Боюсь, и тебе советую. Таким как мы, его бояться стоит. Мы с тобой, Урфин, просто убийцы, а он наш Палач. Так что, если он меня о тебе спросит, я не смогу ему отказать, знай об этом. И это все, что я могу для тебя сделать. А теперь уходи, не испытывай моего терпения.

Сразу после ухода Урфин Джюса, Пифия еще долго сидела, заморожено смотря на неприветливые свинцовые волны, неумоимо бьющиеся об причал на пену на каскады белых брызг. Потрясающе зрелище, когда сидишь в удобном теплом кресле, смакуя мелкими глотками великолепный «Курвуазье». Что-то в этом разыгравшимся буйстве было общее с мыслями провидицы-ассасина. Предчувствия, предчувствия от которых хотелось ежиться, от которых хотелось спрятаться, забраться с головой под тяжелое, теплое одеяло и согреться, и успокоится. Она давно чувствовала, что возможно это когда-нибудь случится, и придет он, тот, кто возможно поставит этот их мир с головы на ноги или окончательно зальет все кровью.

Пифии от охватившего ее озноба пришлось перебраться поближе к камину, так она и сидел в отблесках живого огня, иногда слегка покусывая губы, будто на что-то решаясь. Бокал с недопитым коньяком полетел в камин, огонь жадно, довольно пыхнул. Пифия встала

с кресла, она определилась с выбором пути. Путь ее лежал вначале к знакомым полицейским, которые вообще-то были ей должны, а затем Пифия посетив несколько магазинов, зачем-то заехала в похоронное бюро.

В детском приюте, стаба Рамбов который теперь располагался в бывшем дворце офицеров было, как всегда шумно, временами даже весело, главное жили, а по правде скорей выживали, а тут такое.

Одна из маленьких девчушек, сегодня дежурная в фойе, подбежала, скорей даже запорхала, по широкой лестнице к директрисе, на ходу зарядив:

— Матушка Тереза! Матушка Тереза! Там такое, там такое!

— Что еще? — Спросила дородная матрона, обложившаяся кипами бумаг, решая не решаемое, как же свести концы с концами, а тут еще всякие похотливые личности, их из дверей, а они в окна, все путают приют с борделем.

— Там Пифия! Там Пифия! — Расширив глаза доложила еще совсем девочка.

Директриса встала, отточенными движениями поправила прическу, смахнув, воображаемую пылинку и одёрнула одну из своих воспитанниц.

— Колибри, даже если сама смерть пришла, не подобает так себя вести, запомни, всегда и везде сохраняй выдержку и осанку.

И все же Матушка не стала чрезмерно рисковать, и заставляя ждать подобную посетительницу или звать через посыльную к себе. Спустилась сама. Кто знает, как поведет себя эта опасная особь.

— Матушка, рада Вас видеть во здравии, — сказала Пифия, узрев спускающую Директрису.

Матушка Тереза едва не оступилась, почувствовав неподдельную искренность в словах пришедшей. Пифия была одета в черный, строгий брючный костюм с небольшой бриллиантовой брошью из черных и красных бриллиантов в виде пиратской метки.

— И тебе долгие лета, Пифия. — Матушка и не знала, что думать, чего ждать. — Что Вас привило в нашу обитель?

— Хочу помочь Приюту, — ответила Пифия и аж просветлела лицом.

Подобное заявление и вовсе выбило Матушку Терезу из равновесия. “Что происходит? Что я упустила или пропустила”,- лихорадочно задавалась вопросами Матушка Тереза, пока они подымались в ее кабинет. Пока Матушка заваривала свой знаменитый травный чай, Пифия с интересом рассматривала книжные полки до потолка. За все время проведенное в Стиксе она, пожалуй, в первые видела сразу столько раритетных книг в одном месте.

— Коллекционируйте? — Спросила, проведя по древним переплетам рукой, Пифия.

Директриса уже справилась с собой, колдуя над чайником и сервизом, ответила:

— Все мы коллекционеры здесь, кот-то меньше, кто большое и каждый собирает то, что ему ближе. Кто-то головы, кто-то орудия убийства, я вот источники мудрости.

Пифия присела на предложенное ей кресло, улыбнулась:

— И помогают, Вам, Матушка, эти источники отбиваться от лихих созданий Стикса.

— К сожалению, плохо, не скрою, — честно ответила Матушка Тереза, наливая в белую фарфоровую чашку янтарный настой.

Пифия попробовала и уважительно склонила голову.

— Очень. Что здесь?

— У всех свои секреты, правда же Пифия.

— Это верно! — Рассмеялась красивая женщина и выложила на стол кошель. Здесь

пятьсот споронов, пятьдесят гороха и пять черных жемчужин, это мой дар Вашему Приюту Матушка. Вам, и девочкам надолго хватит.

— Вот это помощь! — Не смогла, не восхитится Матушка Тереза. — Это же целое состояние!

— Ну что Вы, Матушка. Хотя и за помощью дело не встанет, — и красота блеснула ужасом дантиста — идеальными зубками.

Откуда-то снизу раздался девичий визг и панические крики и еще пьяная ругань половозрелых Гамадрилов.

— Хорош жаться, б...ди Рамбовские, все сюда! Строится! Выбирать буду, — кричал один.

— Давай, давай, живо обслуживать кинулись, хорош из себя ц...к строить, тогда может и в живых останетесь, — вторил ему второй.

Двое и вовсе мочились под хохот прямо в фойе. Еще один пытался содрать одежду с истошно оравшей Колибри. Как их убила Пифия, Матушка Тереза не поняла, да и не увидела даже, все так быстро произошло, она и рта не успела открыть, как охальники безжизненными кулями опали. Буквально тут же, в фойе приюта, вошли, морда кирпичом, два полицейских, за ними протиснулись три невозмутимых гробовщика.

Один из полицейских, по видимому старший, поднял руку и что-то там гаркнул, то ли прочищал горло, то ли призывая всех к молчанию, в основном конечно Колибри, продолжавшую кричать, и это ему удалось.

— Господа и дамы, произошло убийство, он покосился на своего напарника, осматривающего поверженных, кивнувшего старшему мол, все того. И главный продолжил: — Убийство пяти человек, подозревается Пифия. Что-нибудь скажет подозреваемая в свое оправдание?

— Скажет, — заявила Пифия. — Они все нарушители общественного порядка. Вломились в социально-общественное учреждение, надругались над сотрудниками оно, попытки и обещания изнасилования, оскорбления чести и достоинства все присутствующих в приюте и меня в том числе, да они мочились в общественном месте.

— Внимание, — громко рявкнул главный из полицейских. — Пифия с мыса бакенный, с Вас снимаются все обвинения. Администрация стаба Рамбов выносит Вам благодарность, за поощрением обратитесь к главе стаба. До свидания, Дамы и Господа, чтите закон, — и два полицейских удались с тем же выражением лица.

Еще быстрее исчезли гробовщики, подобрал весь мусор. Эти и вовсе ничего не говорили, знаете ли, профессия обязывает. Провожали Пифию уже всем приютом. Как-то раз и красивый и опасный дракон стал своим.

Матушка Тереза смотрела в след уходящей Пифии и думала:

“Как же все Пифия разыграла, все прямо по секундам, не зря эту девочку побаиваются, ой не зря, ассасин с даром предвиденья — это что-то. Хорошо когда подобная львица неожиданно, нежданно оказывается на твоей стороне. Что же сдвинуло с мертвой точки этакую фигуру, не понятно. Что-то глобальное, пока мне не видное”.

Глава одиннадцатая Форт Красная горка

Ночь, пахнет перегретым за день песком, немного просушенными водорослями и хвоей.

Правду говорят, что при омовении вода смывает не только грязь. Хорошо, теплые, ласковые, набегающие волны, чистый песок, над головой целая россыпь ярчайших самоцветов, смотрел бы и смотрел. Угроза на несколько километров отсутствовала, и это позволило расслабленно сидеть на мелководье, бултыхаясь в отражении звезд, как беззаботные дети, крысы и человеки. Хотя, какие они теперь крысы.

“Забавно”, - подумал Змей, — “а что о нас с Глыбой можно сказать, явно мы мало подходим под определение хомо сапиенс обыкновенный, оба видим в темноте, как днем, вон Глыба, в беге лосям не уступает, а то и превосходит и сколько всего этакое в нас вложено, пожалуй, только создатель Стикса знает. И для себя надо быть честным, эта страшная сказка с нелепым началом и не предсказуемым концом, мне начинает нравиться, и те, кто рядом с мной нравятся, и предложи мне сейчас создатель этого мира вернуться назад, на Землю, даже не задумываясь, отказался бы”.

— Я люблю тебя Стикс, — почти не нарушая тишины, прошептал Змей.

Тень, сидевший на голове Змея, задорно пискнул, соглашаясь с главным в стае, и сумел удержаться, вцепившись в макушку, от неожиданно громыхнувшего раската грома. И уже, в который раз, все, как по команде, пригнулись.

— Во побегали, — первым нарушил молчание Глыба, показывая большой палец, с опаской поглядывая на чистое звездное небо.

— Да уж. — Согласился Змей.

Тигра поддержала Оружейника, по-свойски засвистела, видимо тоже воодушевившись забегом. И вправду, тот еще был бег с препятствиями.

— Глина вообще во! — Улыбался во всю ширину лица гигант, показывая сразу два больших пальца. — Весело было. Никогда так не было Глыбе. Глыба не знал. Змей Веселый.

— Дааа, обхохочешься, поверь, мой друг, по нам всем не только цирк плачет. На детских утренниках мы и вовсе имели бы оглушительный успех, таланты. Сидим тут как курортники, ночные купания, лечебная грязь, а там нас ищут, беспокоятся, устали поди, испереживались все. Надо бы и нам циркачам, злым клоунам, посмешить врагов и по классике жанра, наведаться на их базу, вряд ли они там сейчас ошиваются, небось, всем каганатом с огнями и словами-усилителями нас красивых мечтают встретить.

— Вообще здорово, — развел ручищи сама простота. — Не ожидал, — потянул Глыба.

— Надеюсь, деревянные солдаты тоже не ожидают.

Пока Глыба выкапывал их снаряжение, и они одевались, у него уже созрел примерный план. Идем медленно с полной осторожностью вдоль железной дороги. По нижней автомобильной опасно, могут быть посты, по линии побережья долго, и есть большие участки нагромождения камней, там и сам черт ногу сломит, а уж ночью сразу две. Впереди, как всегда, Тигра и Тень, должны дойти максимум за два часа. Монстров, если такие нам встретятся, тихо обходим, любой шум нам намного опаснее, чем любая из тварей.

На берег из воды Финского залива напал туман, будто одеялом укутывая. Постояли, попрыгали, проверяя, не гремит ли что, потешно было наблюдать за Тигрой и Тенью, ведь у них ничего не могло греметь, но и они подпрыгивали, явно веселясь новой игрой. Глыба встал на колени, Змей сноровисто заполз, развернулся, тщательно зафиксировал себя к поняге,

приготовил оружие, зафиксировал скотчем, по привычке, запястья и лодыжки.

— Я готов, — сказал Змей. — Можем выдвигаться.

И Глыба осторожно пошел, а разведка ушла несколько вперед, они двигались в вязкой, тревожной тишине, вдоль железной дороги, казалось, сердца бьются громче, чем бесшумная поступь гиганта. Тварей не встречалось и это радовало. На всем протяжении следования их так и не встретилось.

Змея, все это тихое, туманное путешествие, будто в каком-то потустороннем мире, забавляло, одна мысль, как они могут выглядят со стороны в этом темноте замешанным на тумане, жуть, если увидит кто. До Форта Красная горка они дошли даже быстрее, чем рассчитывал Змей.

— Стоять, — тихо сказал Змей. Группа замерла. — Дальше следуем еще осторожней, от дерева к дереву, семь ударов сердца, осматриваемся, слушаем тишину и только тогда продвигаемся дальше, любой шорох — замираем.

Примерно в трехстах метрах от объекта, в лесу нашли небольшую воронку, благо там таких много, нарезали туда хвойных лап. Вот здесь и дух переведем, и все обдумать можно.

— Всем спать, — приказал Змей, Тигра умогилась в ногах, а вот Мелкий предпочел забраться за пазуху к Оружейнику, свернувшись теплым клубочком.

Не спалось, предстоящее будоражило, за себя он не волновался, он боялся за друзей, все же они пошли за ним и теперь он за них в ответе. Ладно, утро вечера мудренее, если этих лихоимцев, там, в форте будет слишком много, просто тихо отойдем и все.

В четыре часа утра они с Тенью проснулись первыми. Мелкий убежал сразу на разведку, а Змей осторожно и тихо выполз из воронки, сделав несколько упражнений, растер ноги и встал, опираясь на сосну, слегка поприседал под аккомпанемент любимой боли, довольный собой сел, привалился к дереву.

Войти в состояние ОКО, теперь — как дышать, труда не составило. Предположение о том, что Урфин Джюс почти всех своих людей отправил на их поиски, подтвердилось. Помеченных красным было трое.

Один на вышке откровенно спал. У входа в бункер еще двое вяло переговариваются, иногда прикладываясь к фляге. Набираются потихоньку. На защитном периметре вообще никого, доты пустуют, беспечность зашкаливает.

“Да вы совсем оборзели в своем ощущении безнаказанности, отвыкли, сукины дети, по мордам получать”. В одном большом помещении с оружием спали еще восемь боевиков, и того, врагов одиннадцать. В бункере, живых людей было еще много, но они, скорей всего, то ли рабы, то ли обслуживающий персонал, все в узких кельях, под замками, помечены желтым. Пора.

— Подъем, — тихо сказал Змей, дотронувшись до плеча Глыбы.

Тигра натура чувствительная подскочила сама.

— Что, Что, — загудел Глыба.

— Тсссс, — прошипел Змей. — Приводим себя в порядок, небольшая зарядка, перекус, по глоточку живчика и идем на приступ.

Прибежал Тень, доложил, Змей почувствовал спокойствие и даже ее запах, и образ-картинку: отмеченный красным цветом бункер, а все остальное чистым белым — силуэты, деревья, строения.

— Молодец, боец! — похвалил Тень Оружейник.

Пока Змей по привычке осматривал себя и фиксировал все скотчем, Глыба умиленно

занимался с братьями нашими меньшими, а те послушно, как первоклашки, сидели столбиками и внимательно, с почтением смотрели на своего учителя в четыре глаза и слушали в четыре уха.

— Даа... — и Глыба значительно кивал головой.

— Неет... — и Глыба мотал головой, как заведённый туда-сюда. Когда упорный, как скала, Глыба повторил эти кивания-мотания раз пятьдесят, Змей стал уже не на шутку беспокоиться за шею друга, он спросил:

— Брат, ты что делаешь?

Глыба улыбаясь произнес:

— Глыба учит «Дааа». Глыба учит «Неет».

— И как, получается?

— Нет, — обречено, с сожалением, покачал головой Глыба. И братья меньшие, на этот раз, вдруг дружно, в след за Глыбой, повторили его движения.

Змей тихо рассмеялся:

— Глыба, там, на Земле, у тебя случайно фамилия была не Дуров?

Глыба немного подумал

— Глыба не знает. Глыба не помнит.

— Ладно, как утверждает одна из лучших поговорок сержантов: «не умеешь — научим, не хочешь — заставим». И ты когда-нибудь вспомнишь, или мы найдем того, кто поможет тебе это сделать.

Оружейник достал из запасов хамон. Нарезал, дал каждому, а Глыбе тройную порцию. Отлил немного живчика младшим братцам. У гиганта на поясе и своя фляга была. Перекусили на скорую. Время пришло, на востоке появилась полоска света.

— Банда, слушай задачу. Мы должны занять это вражеское логово и выжечь всю скверну, что там обосновалась. Часовых я беру на себя. Тигра, разведка местности вокруг защитного периметра, может еще есть кто. Тень, ты в воздуховоды, следи за обстановкой в бункере, если что сразу докладывай.

И Змей отправил обоим образы, как он это видел. Разведка едва слышно свистнула, мол, задача принята.

— Ты, Глыба, держи на прицеле вход-выход бункера. — Глыба показал рукой, что понял.

— Готовы? — Спросил Змей, делая глоток из фляги. Глыба и Тигра с юнгой синхронно кивнули. Змей едва не поперхнулся. “Надо бы попривыкнуть к этому”. Глыба довольно лыбился, и солнцу вставать не стоило. Пока Змей обдумывал случившееся, почесывая затылок, Тигра с Тенью растворились в предрассветном тумане.

— Глыба, ты настоящий молодец. Да ты нечто. Была бы у меня возможность, я бы тебя к ордену приставил.

— Глыба доволен. — Прогудел гигант и сам прикрыл рот рукой, сделав при этом испуганные глаза, возможно, такие и бывают только, разве что, у носорога.

Осторожно прокрались к кромке леса. Змей жестом указал направление, где должен был встать на позицию Глыба. Великан, тут же крадучись медленно, плавно и бесшумно, будто бы перетек на определённое для него место.

Тут пришли сообщения от разведки: спокойствие от Тигры и подобное от Тени, только лишь с дополнением толики паники. Змей собрался и послал Тени ощущение спокойствия, мы рядом.

Змей достал Черный свет и ужом, бесшумно пополз к линии огня. Три глухих хлопка, даже предрассветные гимны сверчков будущему рассвету, не прервали. Часовые умерли мгновенно, со сквозными дырками во лбу не живут, даже если ты перекормлен Грохом.

Дверь входа была, как и положено, бункерная, полуметровой толщины, на вид очень внушительная, с внутренним запором. Змей подполз, прислонил руки к холодному металлу и расфокусировал глаза, возникшими призрачными руками, без каких-либо трудностей и усилий открыл запор. “Надо бы этому дару Стикса дать имя”, — подумал Змей, и тут же решил: “Пусть будет «Оружейка»”.

Тихо и осторожно, прокрались по длинному, сводчатому коридору, Змей приоткрыл дверь в казарму, где дрыхли поганцы, и тигровым змеем проник туда. В казарме пахло, как в казарме — потом, перегаром, не свежими носками и еще врагами. Подполз к первому, молодой, крепкий, с одутловатым лицом парень, и вот она, яремная вена равномерно пульсирует на оголенной шее. Оруженник отработанным движением прикрыл рот спящему, навалился и всадил «Аристократ» наискось вверх, через яремную вену, голубая сталь вошла в плоть, как в масло. Заслуживший смерть даже не дернулся, вскоре все было кончено, бездушные умерли неподобающе легко, во сне. Жалости не было, бешеных гиен уничтожают полностью и без сожаления.

Змей отправил Тигре и Тени ощущение победы и завершения. Получив в ответ массу восхищения и гордости, в последнем, он сомневался, гордиться было нечем, и он поставил разведке новое задание — осмотреть все вокруг на предмет опасности.

— Глыба, — громко позвал Оружейник. Помоги, нужно добраться до кельи, или, скорее, камер.

Увидев трупы, Глыба захлопал в ладоши:

— Глыба радуется. Змей покарал плохих.

Великан подхватил своего названного брата под мышки и потащил по коридорам на нижний уровень. Казематы, и вообще этот уровень произвел на Змея гнетущее впечатление, сыро, обшарпанные стены в потеках ржи.

— Заключенные! — прокричал Оружейник. — Меня зовут Змей. Сейчас Вас освободит мой друг Глыба. Боевики Урфин Джюса уничтожены. Бояться нас не стоит, мы люди. Каждый, кто выкажет желание покинуть это место, получит долю, так сказать, от экспроприированного. По открытию камер никого не держим, можете оставаться здесь, можете уходить, но я предлагаю поговорить. Сбор в общей столовой.

Глыба отрыл первую камеру, пыхнуло нечистотами, люди молча смотрели затравленными глазами, заключенные были прилично одеты, но в камере не было ни воды ни еды, туалета тоже не было, даже параши.

— Нет, вот же Сволочь, а.

— Глыба, открывай быстрее все камеры. Я и один у стеночки постою.

Гигант быстро открывал все двери.

— Нужно напоить и накормить людей, Глыба.

Народ выходящий из камер, очумело смотрел то на него, то на Глыбу. Гигант схватил его в охапку и видимо на запах ринулся на кухню.

— Ууууу, — затащил донельзя довольный Глыба, схватившись за плиту, как утопающий за спасательный плот.

Рядом, в холодильном помещении, казалось было, все, от черной икры и шампанского, до тушь говядины и баранины.

— Вода и простейшая еда для заключенных, — напомнил Змей.

Глыба кивнул и стал похож на пулю, схватил, убежал, схватил, убежал, зацепил целый бак воды, как будто это кружка и тут же исчез, совершенно не снижая скорости. Змей только вертел головой, и повторял и повторял:

— Вот дает, ну дает, вот жжет зараза.

А Глыба раскрасневшись вертелся как юла. Теперь Змей был спокоен, люди будут спасены и уже, скорей всего, выстроились в очередь в туалет из-за переедания.

В столовой было тихо, бывшие заключенные, с аппетитом сидельцев, уплетали приготовленное Глыбой и его квалифицированными помощниками, бросая опасливые взгляды в сторону Змея, он с отрешенным видом сидел на узком, с высокой спинкой, стуле, у самой стены.

Их было двадцать восемь, двадцать три мужчины и пять девушек, очень странно красивых девушек. “На гаремных, вроде, не похожи, глаза слишком вызывающе гордые и движения плавные. Танцовщицы что ли. Ладно, потом разберемся”.

— Так, народ, времени у нас мало. Говорим, по возможности коротко, прежде называемся. Начну я. Повторюсь. Меня зовут Змей. Кто хочет остаться здесь?

Народ зашумел.

Вперед вышла молодая грациозная девушка блондинка, волосы заплетены в толстенную косу, голубые глаза — озера.

— Здравствуй, Змей. Привет, Глыба. Я Ласка, желающих, остаться в этом аду, нет.

“Бойкая”, - подумал Змей. — О какой доле говорил Господин?

— Господ здесь нет, прошу так больше меня не называть, я Змей просто Змей.

Тут в разговор влез Глыба. Добавив раскатисто и значимо, как он умел:

— Змей, он Великий Змей! Здорово, Ласка. Здорово другим. Глыба рад. — И гигант помахал рукой, приветствуя, видимо всех сразу.

Оружейник вздохнул, усмехнулся и продолжил:

— Глыба, ты знаешь этих людей? Глыба кивнул. Глыба знает. Глыба девочек знает. Глыба недосол-пересол знает.

— Кто это? — Удивленно спросил Змей. Двое людей, видимо братьев-близнецов, чуть меньше комплекции Глыбы, розовощекие, блестяще, лысые. — Не иначе как повара, — предположил Змей.

— Так и есть, Господин, — и тут же один из них поправился, — извините, Змей... — сказал и потупился.

— Глыба знает. Повар, во (показал большой палец), — встрял опять гигант.

— Хорошо, но продолжим. Доля — это наша добрая воля, компенсация обездоленным за счет сейфа Урфин Джюса, черная жемчужина, горох и спороны на каждого. Народ возбужденно зашумел.

— Щедро, очень щедро — откровенно восхитилась девушка. — Но сейф этого Урода еще вскрыть требуется, это сложно и долго, унести невозможно.

— Ну посмотрим, эта наша задача. — И Змей жестом пресек дальнейшие ненужные вопросы, время поджимало. — Мне нужны предложения, людей знающих обстановку, что здесь да как, явно, лучше меня.

— Первый вопрос: как отсюда добраться побыстрее до Ораниенбаума и желательно живыми и здоровыми? И второе: как посмотрят власть имущие в стабе Рамбов на то, что мы немного раскулачим Урфин Джюса.

Ответила все та же девушка, назвавшая себя Ласка.

— Лучший выход по Вашему первому вопросу — это яхта Урфин Джюса «Белоснежка».

У Ласки на лице отразилось мимолетное брезгливое выражение. “Похоже название яхты девушке противно”, - решил Змей. Сама же Ласка быстро засыпала его параметрами яхты:

— Длинна двадцать пять метров, водоизмещение восемьдесят одна тонна, максимальная скорость двадцать пять узлов, осадка небольшая, самое то, для Финского залива. Теперь по второму вопросу, все, что взято с боя, тем более, с грязного стаба, считается правильной собственностью добытчика.

— Молодец. Администратор? — Ласка кивнула и улыбнулась.

— Могу и администратором. Жду не дождусь команды капитана ободрать логово Урфин Джюса до последней нитки. Я прямо таки жажду этого, можно сказать мечта эта наша общая. — И Ласка повела рукой, давая понять люди жаждут обчистить Урфин Джюса и не ради наживы, а ради торжества справедливости.

— Давай Ласка действуй

— Будет исполнено, — едва сдерживаясь, почти закричала девушка.

И эта хрупкая с виду девочка, похоже, со стальными яйцами, стала отдавать четкие указания, на раз превратив это место в улей, где все гудело, куда-то бежали, что-то тащили и главное с радостными лицами.

Боже мой, как работали, эти люди, как они грабили, эх заснять бы всю эту вакханалию, шедевр мог бы получиться.

— Ну что же, пойдем решать проблему с сейфом, — обратился Оружейник к Глыбе. — Надо же посмотреть, чем разжились, думаю, подобный говнюк тащил все «до себе», в свое логово.

Найдя обиталище Урфин Джюса, он едва сдержался, чтобы тут же все не спалить, головы людей, с застывшими гримасами смерти, залитые формалином — потрясли.

— Мерзкий, больной на голову маньячина.

В пустых нишах он увидел знакомые ему клички. Бедовый, Жнец, Молчун, решив забрать их с собой для будущего разговора с оными. За огромным креслом, под драпировкой нашли два сейфа, один маленький, а второй непомерно большой.

— Начнем с маленького, — сказал Змей и возложил руки на сейф.

Расфокусировав глаза Змей вошел в состояние, названное им Оружейка. Белые, полупрозрачные руки вскрыли механизм сейфа, будто это почтовый ящик, не потратив на это и минуты. Там была бухгалтерия и пошлость, масса пластиковых членов и другого мерзкого снаряжения для мазохистов и извращенцев.

А вот Огромный Сейф, даже с его подростскими возможностями, посопротивлялся, но и то, не очень долго. Добра здесь было навалом. И понятно, содержать две тысячи штывков и службу — дело хлопотное и дорогое. Одного жемчуга было пятьдесят две штуки, тридцать пять черных и семнадцать красных. Спораны, горох и янтарь он даже считать не стал.

Выловив Ласку, он сказал ей:

— Сейф вскрыт, заберите все оттуда, а потом сожгите эту мерзкую конуру Урфин Джюса, залейте все бензином и дотла.

Ласка кивнула и, похоже, не поверила, что именно тот сейф вскрыт.

— Змей отдохнуть, — действительно сказал Глыба, заметив усталость на лице друга. Змей и сам чувствовал — пора, ему едва удавалось контролировать свое тело. Все-таки эти

умения выжигают силы не хуже марафона.

Змей проснулся от призывного запаха кофе и одуряющего запаха выпечки. Глыба, как всегда, улыбался, рядом на столе поднос, а на нем: с пылу, с жару пирожки, большая кружка кофе со сливками, и плошка с молочной кашей.

— Правда, ты меня балуешь, Глыба, — щурясь от удовольствия, мелкими глоточками смаковал кофе Оружейник.

— Змей достоин, — просто ответил Глыба. И добавил — Глыба не один. Пересол Недосол помогали.

— Пошли посмотреть Яхту, Глыба.

Гигант кивнул и привычно встал на колени, чтоб Змею было удобней забираться в Понягу.

Посудина, стоявшая на причале, загружаемая с безумной скоростью, казалась, как говорят бывалые — «карманной суперяхтой», корпус из морского алюминия высочайшего качества, покраска просто идеальна — белый с легкой толикой перламутра. Наконец, Змей нашел шильдик производителя, это оказалась знаменитая голландская верфь MOONEN Интерьер порадовал еще больше, его можно описать всего двумя словами — роскошно и изыскано. Не кочевряжась, заняли с Глыбой капитанскую каюту.

Змей связался с Тигрой и Тенью, у них все было штатно, в радиусе двух километров опасности не наблюдалось.

В каюту постучались.

— Войдите, — сказал Змей.

Вошла все та же Ласка.

— Разрешите доложить?

— Докладывайте, — улыбнулся Змей, привычные формы речи ласкали слух.

— Ваше задание выполнено, капитан, — четко по-армейски доложила девушка. — Можем отчаливать. — Расторопность и четкость Оружейника порадовали.

— Ждем, у меня еще разведка в двух километрах, и он отдал указание Тигре с Тенью отходить и послал образ яхты, стоящий на причале.

Ласка заметила это секундное выпадание.

— Скоро будут, уже спешат на борт. Ласка кивнула, с интересом уставившись на Змея, понимая, что это дар, и такого она еще не встречала.

— Капитан, разрешите обратиться? — Девушка как-то по-японский поклонилась, — извините, капитан, что не поблагодарили сразу за освобождение, не привычны мы к такому бескорыстию, не поверили сразу. И никому не нужна предложенная Вами доля, люди и так на седьмом небе от счастья, что вырвались, наконец, из лап чудовища.

Змей прищурил глаза, а в них смешинки.

— А может я хитрый, и всех Вас обманываю, шутливым тоном сказал Змей.

Ласка заулыбалась. Змей залюбовался, какая же красивая все-таки девушка.

— Нет, только не Вы, мы уверены.

— С чего же? — Уже неподдельно удивился Оружейник.

— Мамба, Эфа, входите, — громко сказала Ласка.

Змей не сдержался:

— О как, да нас тут целый серпентарий. А еще, в нашей веселой компании, есть кто-то из пресмыкающихся?

Девчата, вносящие большую, тяжёлую сумку как то заразительно засмеялись. Ласка

улыбаясь, продолжала докладывать:

— Есть еще Гая, она сейчас команде яхты помогает. “Удивительно”, - подумал Оружейник, — “Откуда этот Леприкон надергал таких девушек, несмотря ни на что, их хоть прямо сейчас на любой из конкурсов красоты выставляй”.

— Вот, — указала Ласка на сумку. — Это наша уверенность. Капитан, вы как-то позабыли все содержимое сейфа, доверив нам всем огромные ценности, мы оценили это.

“Не знаю, кто бы еще смог подобное выкинуть”. И девушки все, как по команде, бухнулись на колени, склонив головы в ритуальном поклоне. Вот чего-чего, а подобного Змей никак не ожидал. А Глыба, гад, молчал, как немой, словно воды в рот набрал.

— Не гони нас Змей, возьми под свою руку, за всех просим.

“Да что же со мной происходит, я что медом намазан? Во опять попал”, - подумал Змей.

— И что, прям все?

— Да, — хором ответили девушки.

“Эх, пришла беда открывай ворота”, - промелькнуло в голове Змея.

— Буду честен с Вами девчата, ладно мужики, куда-нибудь их пристрою. А как я с Вами? Таких хоть в музей красоты помещай, а у нас впереди смерть и ужас, кровь и пот, боюсь, не уберегу, сам беззащитный пока.

Девчата заулыбались довольно. Непонятно только чему.

— Здесь ты ошибаешься Змей, кровь — это как раз по нашей части. Приглядишься получше, ты видишь в нас лишь форму, а это лишь красивая ширма. Мы хороши в бою.

На что Мамба, жгучая брюнетка с вызывающими формами не приминула добавить:

— И не только.

Ласка слегка зарделась и шутливо стукнула в плечо подруге, продолжив:

— А то, что у тебя с ногами нелады, мы сразу заметили, да только временное это. Да и какой ты беззащитный, мы тоже представляем, что же будет, когда на ноги встанешь?

— Ласка, как зовут Вашу пятую девушку?

— Ее зовут Чума, она сейчас с вынесенным оружием определяется.

Змей в задумчивости:

— Да уж, имечко. Кто здесь еще привычный к оружию?

— Увы, только мы, Змей. Остальные хорошие специалисты с даром на созидание, повара, лекари, знахарь, фортификатор, техники, электронщики и так далее.

— Понятно, Ласка, какова Ваша специализация?

— Мы телохранители, у всех хорошая снайперская подготовка и рукопашка конечно, айкидо, ножи.

— Как же Вы к этому ущербному попали? — Вырвалось у Змея.

— Нас он купил по отдельности, — потупилась Ласка. — Мы все из разных стабов. У этого ублюдка пунктик в голове «иметь лучшее», вот он и собрал нас. Только взаимопонимания не получилось, охранять педика-маньяка то еще занятие.

— Купил? Да что здесь с людьми делают? — шумно возмутился Змей. — Ладно, разберемся, Глыба иди встречать наших, как бы эксцессов не было при их появлении.

Эффект появления Глыбы с удалыми разведчиками, был с родни залпа БМ 21 Град. В тот момент, пока специалисты по рукопашному бою, верещали от счастья и радости увидев Тень с Тигрой, те кружили, радостно посвистывая вокруг ног Змея.

— Можно погладить? — взмолилась Ласка.

— Пока не советую, — предостерег Змей, — нужно время и поступки, что бы эти

опасные милашки и члены моей основной команды Вас признали.

И крысы, в подтверждение, согласно засвистели. А няшный Тень, видимо, в острастку новичкам, вдруг страшно зашипел, превратившись в небольшого демона тьмы с множеством острых, будто обсидиановых игл, смотрелось впечатляюще и эти красные светящиеся глаза — вот так малыш.

И это прерывало воздыхания:

— Ой, какие милые ушки, а шерстка, а глазки, а лапки.

— Ласка, — рявкнул Змей. Всех собрать в кают-компании. Яхте отчалить, отойти на безопасное расстояние, заякориться, судовому экипажу в полном составе так же прибыть в кают-компанию, выполнять.

— Есть! — звонко ответила Ласка, и девчата выбежали не менее быстро, чем ранее Глыба.

— Что думаешь, Глыба? — спросил Змей.

Гигант просто ответил:

— Глыба думает, берем. — Одобрительно кивнув.

— Как разведка? — обратился Змей к Тигре и Тени. Разведка одобрила, так же утвердительно закивав. Тигра послала ощущение удовлетворения и образ где много людей и крыс вместе насыщаются.

— Понял, мои хорошие, — и Змей хлопнул себя по загривку. — Что ж, хороший вол под ярмом узнается.

Глава двенадцатая Братство Злых Клоунов

— Змею терпеть. Так надо, — будто извинялся Глыба разминая нижние конечности своего друга.

— Ничего, боль моя сестра я уважаю ее, как старшую.

В дверь постучались, Глыба накрыл теплым одеялом ноги Змея и пошел посмотреть кто там. Вернувшись, с серьезным лицом, важно доложил:

— Ласка, Айболит. — “Адъютант” — с теплотой подумалось Оружейнику.

— Пускай заходят.

В каюту капитана вошла Ласка, за ней высокий, худощавый, сутулый мужчина, слегка сторбленный, но с сильными руками и длинными развитыми пальцами, невероятный симбиоз рук пианиста и борца, он почему-то напомнил ему богомола. Еще, сразу бросались в глаза: его высокий лоб, впалые щеки аскета, длинные белые волосы, зачесанные на прямой пробор, небольшая клинообразная бородка и пронзительные черные глаза.

Ласка представила:

— Айболит, очень хороший знахарь и врачеватель, он быстро поставит Вас на ноги Капитан.

— Сам Айболит, — съязвил Змей, — знаю-знаю, давно ли вернулись с Лимпопо док?

— Извините, тут меня истязали массажем, злой я, на самом деле рад Вас видеть док, — сказал Змей и протянул руку.

Рукопожатие Знахаря, было сильным, рука сухая, крепкая, будто выточена из клена. Айболит слегка поклонился.

— Спасибо, Змей, за освобождение, я в непомерном долгу пред Вами. А ты, глазастая, иди, у тебя и так дел полно, а здесь уже и без тебя справимся, — и Айболит прямо-таки начал выталкивать девушку из каюты.

— Пусть остается, — сказал Змей. — Ласка, пока Айболит смотрит меня, посиди в холе, выпей Алого Гроха, там, на столе, в графине. Ты вскоре понадобишься мне.

— Кто же откажется, я о таком только слышала.

— Тогда и не стесняйся, пей в пользу.

— С удовольствием, слушаюсь капитан, — направляясь в холл, сказала девушка.

Осматривая и пальпируя ноги и спину, Айболит с одобрением посмотрел на Глыбу:

— Молодец, Вы капитан в надежных руках.

Глыба просиял:

— Глыба умеет. Глыба будет стараться.

— Что ж, Змей, у Вас была параплегия, вследствие серьезной травмы, лет пять в коляске? Так? — спросил Айболит.

— Совершенно верно Док, — очень удивился Змей.

— Удивляться не стоит, капитан, не забывайте где мы, у Вас свой дар, у меня свой. И уж поверьте, я многое здесь повидал Ваш дар необычен, и думаю, многих здесь огорчит, если не сказать больше. Подвижность в скорости к Вам вернется, регенерация идет полным ходом. Извините, — поправился Док. — Выразился не правильно, перестройка идет полным ходом.

— Док, что значит перестройка?

— То и значит, что Ваша, так сказать, пока ограниченная подвижность, обусловлена не столько Вашей травмой, сколько перестройкой Вашего организма в более совершенную,

крепкую, гибкую, эффективную структуру.

— И что во мне изменяется, Док? — спросил взволновано Змей.

— Скорее всего, все, — заявил Айболит.

— Я что превращаюсь в Монстра? — Змей не на шутку испугался, но виду не подал.

— Ну что Вы, капитан. Как боевому офицеру, скажу прямо. Вы как железный нож — становитесь булатным, форма одна, ну а качества разнятся.

Змей приподнялся на руках.

— А эта информация о боевом офицере, тоже от пальпации? — жестко спросил Змей.

Айболит спокойно продолжил:

— Совершенно верно, капитан, пальпация, у Вас было несколько пулевых ранений, остаточные явления все еще присутствуют, но вскорости пропадут полностью, у Вас характерные наросты на костяшках, на фалангах, ребра ладоней увеличены и набиты, голень тоже видоизменена, будто вы всю жизнь тайским боксом занимались, выправка, армейская дисциплина, манеры. Достаточно, что бы сделать соответствующие выводы!

— Да, Док, простите, а вы молодец.

— Спасибо, капитан, а теперь полежите тихо, задержите дыхание и потерпите немного.

Змей вздохнул и замер, и не видел, что там делал Айболит. Холодная, приятная волна прокатилась три раза по его телу, ноги зацепало, будто их зарыли в муравейник.

— Все, можете дышать, капитан.

Неприятные ощущения исчезли, захотелось встать и побежать.

— Спасибо, Док.

Айболит придержал его рукой.

— Лежите спокойно, капитан, готовы потерпеть еще немного? Это будет не продолжительно, но больно.

— Для пользы всегда готов, Док, боль — это благодать, по сравнению с полным онемением, это уж я точно знаю.

— Змей, можете кричать, при практике Огненных Гвоздей не зазорно.

— Многообещающая процедура у Вас, Док.

— Да, и очень действенная. Глыба, вижу ты силен, держи капитана, желательно чтоб он ни на миллиметр не сдвинулся.

Змей почувствовал на своих плечах «стальные» манипуляторы друга, он расслабился и как учили, забыл о своем теле.

Огненные иглы, прошивающие тело, со стороны виделись обычными хлопками по спине, а Змею казалось, что тонкие сгустки огня насквозь прокалывают позвоночник, а вот инквизитор и до тазобедренных суставов добрался и жжет, яростно вбивая свои пламенеющие инструменты в то, что ниже спины. Такие интересные действия Айболита-пиромана полностью не давали совсем отрешиться. Наконец все прекратилось, и Змей облегченно выдохнул.

— Интересно, Док, у Вас эти гвозди Огненные двухсотки или поболее будут, а вообще, такая лечебная практика и в пыточной сгодится, — разлепив губы, сказал Змей.

Док заржал очень похожим смехом, прямо как Батя. И сразу стал своим.

— Змей, Вы и вправду монстр, даже не представлял, что можно такое выдержать и даже не выmaterиться. Вы меня пугаете, капитан.

— Спасибо, Док, не забываемые впечатления. Будто в "Диснейленде" побывал. Док опять заржал, вытер слезы и сказал:

— Буду счастлив, служить под вашей рукой, Змей.

Док еще раз обследовал его ноги, ягодицы, спину своими жесткими пальцами.

— Ну все, можете, капитан, одеваться. Нужно повторять эти процедуры каждые три дня в совокупности с массажем вашего друга, будет, безусловно, положительный эффект.

— Я могу идти, капитан?

— Еще минуточку, Айболит, могу Вам задать один вопрос?

— Да, конечно, капитан Змей, можете полностью располагать мной и моим временем.

— Как я понял, Вы можете не только лечить, но и видеть дар другого человека?

Айболит скривил губы, похоже, улыбаться этот человек не умел.

— Капитан, увидеть Ваш дар, это не такая простая задача, и более того, это опасно не только для Знахаря, но и для испытуемого. А то, что я почувствовал при тактильном контакте с Вашей кожей — это мимолетное озарение, если хотите. Видите ли, капитан, любой Знахарь, развивая свой дар, может достичь возможности предвидения, конечно, не такой силы, как у настоящего предсказателя, но все же. Я на миг увидел Ваше будущее и Вашу силу, и злую тщетную волю многих, направленную против Вас. Понимаете, это трудно передать словами.

Змей, соглашаясь, кивнул.

— Я ответил на Ваш вопрос, капитан?

— Да. Вполне, Айболит, вполне, — в задумчивости произнес Змей. — А Вы можете конкретней определить, мой дар, и чем он огорчить может?

— Да, только мне нужно кое-что из лаборатории Красной Горки, она у нас в трюме и упакована. Потребуется некоторое время.

— Док, сколько Вам нужно времени?

— Часа, думаю, хватит, Капитан.

— Вот и хорошо, жду Вас через час. Но прежде, отведайте приготовленный Глыбой Алым грох.

— Спасибо, капитан, непременно, когда еще выдастся попробовать такую редкость. Да и для нашего сеанса полезно.

Змей оделся и позвал Ласку.

— Чем могу служить, капитан? — заинтересовано спросила девушка.

— Расскажи мне о Стиксе.

— Что рассказать? — Спросила девушка.

— Важное!

— Не простая задача, здесь важно все, от этого зависит все, будет ли у тебя обед или ты станешь чьим-то обедом.

— И все же?

— Хорошо, капитан. Точно, что такое Стикс никто не знает, версии от стаба к стабу могут разниться. У нас в ходу вариант, что это мир кластеров, как бы сот в бесконечном улье и споровых грибов. Большинство кластеров это стандартные, перегружаемые от строго выверенного времени до непредсказуемого. Есть стабильные и удача, если с большими поселениями, в нашей зоне это: Ораниенбаум, Кронштадт, Луга, Выборг, Хельсинки. И таких, ничтожное меньшинство, как обитаемых планет во вселенной, тончайшая прослойка между молотом и наковальней.

Вот, хотя бы Сосновый бор, обычный, стандартный кластер, перезагрузка двадцать седьмое ноября, раз в пять лет. Щелчок пальца старухи судьбы и кластер обновился со всеми

недрами, домами, магазинами, базарами с носатыми веселыми продавцами на развалах мандаринов. Все чистенько, кто-то занимается любовью, кто-то работает, кто-то ворует, кто-то следит за порядком, кто-то и вовсе на диване ящик смотрит, а к вечеру они с остервенением уже жрут друг друга, что бы выжить, а их жрут другие, кто спешит на вновь обновлённый кластер, чтобы полакомится свежатиной.

И все дело в спорах гриба, считаемого псевдоразумным. Заражение происходит во время перезагрузки иммунных, таких как мы, в здоровой памяти и в здоровом уме остается ничтожное количество и чтоб остаться таковыми, и становиться сильней, нам жизненно важно употреблять биопродукты того же гриба, жемчуг, горох, спораны, янтарь, добываемых из тварей, в которых превращаются те, которым не повезло, ведь как ни крути — мы тоже зараженные. Такой вот забавный круговорот, все жрут друга друга без вариантов и чем больше набивают свое брюхо, тем сильней становятся.

И еще, существенные дополнения, капитан, живущим здесь, попасть на перезагружаемый кластер — смерти подобно, даже если и удастся выжить, конец все равно неминуем. Так что, если пошли признаки перезагрузки — кисляк, например, все живое спешит со всех ног и лап сбежать в более стабильное место.

Змею сразу вспомнился тот кислый привкус на языке.

Да, и не надейтесь встретить тут своего двойника, капитан, его скорей всего нет. Пока у нас есть лишь одно объяснение этому, копирование кластеров происходит из Мультивселенной параллельных миров, наш бывший мир там лишь пылинка, в череде бесконечных похожих.

— Хорошо, Ласка, мне пока хватит, спасибо ты можешь идти.

Змей откинулся, полежал немного и сам медленно вышел в холл. Там как раз находились Глыба, с хвостатой командой. Глыба умело колдовал над кофейником, чашками, блюдами, молочником и большим блюдом с горкой наполненным одуряюще пахнущим печеньем. Тень с Тигрой и без кофе уминали печенье, со скоростью звука. Глыба усадил Змея во главе огромного стола, налил кофе, разбавил, как любил Змей сливками. Печенье и вправду оказалось волшебным.

— Недосол, Пересол, во, — показал большой палец Глыба. Змей, по примеру друга, показал два больших пальца.

— Глыба согласен, — прогудел гигант, подкладывая и подкладывая печенье лучшим, уничтожителям сладкого.

Пришел Айболит с крошечным, шикарным и очень технологичным, стеклянным дистиллятором, вещь смотрелась запредельно новаторски, и еще двумя подобными приборами непонятной направленности, переплетение золота и стекла.

— Айболит, ты что Алхимик?

— Отчасти да, я Знахарь. Капитан, надо янтарь, спораны, горох, спирт. Хотя, часть ингредиентов можно заменить Алым Грохом, с вожделением покосился на графин возбужденный Айболит.

— Док, а это не будет экспериментом? Не хотелось бы погибать в расцвете сил.

— Нет, что Вы капитан, хотя, — и у Айболита буквально загорелись глаза, лицо приобрело фанатичное выражение.

“Ясно”, - подумал Змей, — “точно типичный Алхимик-фанатик, да он тут мне яхту на атомы разложит”.

— Нет, нет, Док, давайте сегодня пойдем по проверенному пути, а потом, когда найдем

свой дом, выделим Вам каменный подвал или башню, если получится, и вперед к философскому камню.

— Капитан, Вы обещаете мне лабораторию? — едва ли не закричал Айболит, заломив руки.

— Непременно обещаю, куда деваться, это же в моих интересах.

Айболит вроде как подвис, скорей всего, уносясь куда-то в воображаемую, свою будущую лабораторию.

— Эй, эй, Док, Вы здесь? — громко спросил Змей.

— Да, капитан, сейчас все будет. Мне нужны ингредиенты.

— Глыба, проведи Айболита к нашим залежам, пусть возьмёт все что нужно.

Потом еще с час они наблюдали интереснейшее действие, Змей даже не предполагал, что так увлекательно будет смотреть Алхимию или современную химию, в действии, что-то само по себе бурлило, что-то кипело, меняло цвет, куда-то перетекало, дымилось, испарялось и опять возникало. По окончании занимательного процесса, получилась серо-буро-малиновая жидкость, миллилитров тридцать.

— Я готов, — сказал Айболит, сидящий в большом кресле, подставленном к кровати, на которой лежал Змей.

— Я готов, — ответил Змей.

Они выпили, каждый свою часть, этой серо-буро-малиновой жидкости. Пойло оказалось на удивление безвкусным, будто пустоту выпил.

— Змей, нужно обхватить запястье друг друга.

Змей выполнил просьбу Дока.

— Глыба, обмотай наши руки лентой — это чтоб мы при транс не выпустили руки друг друга.

Глыба нависающий над ними, сделал, как его просили. Вначале он ничего не чувствовал. Началось все как-то незаметно, окружающее все оставалось четким: напряженный Глыба, каюта, картины парусников, а вот они, связанные, стали вибрировать, менять свои формы, все пропало, чернота, пустота, невесомость. Слышно как-то отдаленно завывание ветра, какие-то непонятные, рваные голоса и едва слышные колокола, и они с доком падают куда-то. Змей посмотрел на Дока, тот с зарытыми глазами что-то шептал и вдруг его лицо исказилось, он явно чего-то испугался, побелел лицом, дернулся раз, другой, попытался отдернуть руку, не получилось, не открывая глаз, беззвучно открывал рот. “Он что, кричит? Почему?” — удивился Змей, ему было хорошо, он чувствовал себя все лучше и лучше, какая-то белая субстанция, тоненькой струйкой, идущей от Дока, наполняла его.

Это странное место, будто бумага скомкалось и его выбросило на кровать.

Змей увидел насмерть перепуганного Айболита в руках Глыбы, с буквально вздыбленными волосами и белым бескровным лицом.

— Змей силен, — с восхищением сказал Глыба. — Едва вырвал.

— Что случилось, Док? — спросил Змей.

— Пока не знаю, — Дока трясло. — Капитан, Ваш дар, Док мотнул головой, будто избавляясь от наваждения, Ваши Дары не определены, больше сказать ничего не могу, и вряд ли Вам об этом кто-то другой скажет — опасно это. Глыба, принеси, пожалуйста, живчика, Змею и мне нужно по глотку.

Глыба вышел. Айболит быстро метнулся к Змею, прошептав:

— Змей, вы почти лишили меня Дара, если бы не Глыба я бы остался пустой. Бога ради

никому, даже Глыбе. И док отпрянул.

— Айболит, извините, не хотел.

Док махнул рукой.

— Что теперь, остаетесь или уходите?

Айболит посмотрел на Змея, как на умалишённого.

— Теперь меня палкой от Вас не отгонишь.

Змей облегченно выдохнул, он уже не хотел терять этого человека.

— Док, в правду, мы все Вам восстановим!

В каюту вошел Глыба с живчиком. Потом пришла Ласка, доложила о том, что народ весь собран и ожидает.

В кают-компанин было шумно, но все затихли, когда перевозмогая боль в непослушных ногах, вошел Змей, следом бежала скалящаяся на новых людей Тигра и Тень в своей колышущейся теневой шкуре, люди замерли.

— Не нужно, — пресек Змей Ласку, собравшуюся прокричать что то типа: «Смирно! Капитан в кают-компанин».

Змей, обратился к Ласке:

— Здесь все?

— Все, капитан.

— Хорошо. Не буду ходить вокруг да около — скажу прямо, Стикс привел нас разными дорогами в логово Урфин Джюса, собрав вместе. Поэтому спрашиваю всех. Согласны быть под моим началом?

Народ с готовностью закричал, каждый на свой лад:

— Да, Хотим, Согласны!

— Ну, раз так, предлагаю объединиться в клан «Братство злых клоунов». Премьеру мы уже отыграли.

Многоголосное «Ураа» сотрясло судно, некоторые заплакали.

— Так, братва, отставить сопли. Мы теперь Злые клоуны и уверен, благодарная публика уже ожидает нас, чтобы закидать цветами из свинца. Теперь у нас много дел, и радоваться будем, когда хоть как-то окрепнем, сейчас мы мясо, для таких как Урфин Джюс.

Ласка кивнула статному, крепко сложенному мужчине, мол: “Давай, действуй”.

— Капитан, разрешите доложить обстановку, — обратился чернявый мужчина, похожий на грека.

Змей кивнул головой.

— Представьтесь и докладывайте, — человек ему понравился, спортивный, с твердым взглядом.

— Мое имя Паромщик, я рулевой Вашей яхты. Мы сейчас в десяти кабельтовых за мысом Серая Лошадь, от греха подальше отошли от Красной Горки, форт горит, а там еще древний, замурованный артиллерийский арсенал находится.

Змей глянул на Ласку. “Что-то девушка часто стала поглядывать на часы”.

А рулевой продолжал:

— Здесь безопасно, на радаре чисто. Последнюю неделю туман и бус сильно мешают судоходству вдоль побережья. Предлагаю, пока не распогодится, на якоре стоять.

— Понял тебя Паромщик, мы еще не закончили, обожди немного, — и он обратился к девушке, теперь уже непрерывно глядевшей на наручные часы,

— Как я понимаю Ласка, вы не просто подожгли форт?

Девушка удивленными глазами посмотрела на Змея, кивнула, и как-то с толикой издевки произнесла:

— Злые Клоуны.

Взрыв, другой, третий, а потом бабахнуло, очень сильно БАБАХНУЛО.

Змей подытожил:

— А вот и овации!

Ласка пожала плечами, захлопала своими ресницами, театрально вздохнула и сказала:

— Нет больше логова Урфин Джюса.

А взрывы за мысом Серая Лошадь все продолжались и продолжались.

— Змей приказал дотла выжечь, приказ выполнен. — Оружейник не смог подавить в себе улыбку, «вот же актриса»

— Можно сказать, перевыполнили, хвалю, только предупреждать нужно о таких действиях, надеюсь, Паромщика предупредили?

— Так точно, Капитан, рулевой был предупрежден заблаговременно.

— Хорошо, — и Змей продолжил прерванный разговор с рулевым.

— Паромщик, рад нашему знакомству, что скажешь о яхте?

— Выше всяких похвал, капитан, по всем параметрам. А вот название не правильное, лучше сменить.

— Почему не правильное, чем же она не Белоснежка?

— Как бы сказать, — замялся Паромщик, — названа в честь Белоснежки, любовника Урфин Джюса.

Змей задумался. И описал внешность того, сублильного нечто, которое было в подбитом Хаммере, там у тира «Мишень».

— Да, это он Белоснежка, — воскликнула Ласка. — Капитан, Вы где его видели?

— Мертвым его видел, оно на перерождение отправилось, может на свое счастье возродится слизнем, они сразу гермафродиты и мучиться не надо, и других смущать.

Глыба, со свойственной ему прямоотой, добавил:

— Змей плохих наказал. Там, — и гигант махнул рукой в сторону Соснового Бора, — Змей, Глыбу спас.

Народ недоверчиво поглядывал то на Глыбу, то на Змея. Пришлось рассказать, как же его занесло в Тир Урфин Джюса, в это проклятое место, слушали, будто Николая Литвинова — лучшего рассказчика сказок.

По окончании, первая отозвалась Ласка:

— Теперь понятно, почему Урфин Джюс тогда словно бешеный пес с цепи сорвался, а мы гадали, с чего это он так бесновался, неужели из-за потери беспилотника. А вон оно как. А уж после, как вернулся, и вовсе с катушек слетел, своих бойцов в кровь бил, как пленных истязал, а нас самолично в камеры бросил, зло срывал за гибель Белоснежки. Ну Вы даете Капитан, а еще говорили, что беззащитны. А к тиру нужно наведаться, и чем быстрее, тем лучше, оружие и ценности лишними в Стиксе не бывают.

Змей согласился:

— Как Паромщик решит, что можно с якоря сниматься, сразу и двинем.

Рулевой услышав свое имя, как-то подобрался, почти изобразил команду «смирно», выдавая в себе закоренелого гражданского.

— Вас понял, капитан, как позволят погодные условия, идем к Копорской губе.

Змей кивнул.

— Принято, а яхту назовем Стиксом!

Крыски все это время, внимательно обнюхивали одного за другим, всех собравшихся в кают-компаниях, смущая и заставляя опасливо поглядывать на них. Одобрительно пискнув на предложение переименовать яхту. Змей взглянул на них и сказал:

— Забыл представить нашу разведку, это Тигра и Тень. Прошу любить и жаловать, а поварам — баловать, и Змей обратил свой взор на поварскую братию, те заулыбались, закивали головами, довольные, что на них капитан обратил внимание.

— Теперь всем тихо, не мешайте Тигре, ничего не бойтесь, может нашему эксперту по жемчугу потребуется немного вашей крови. У Тигры дар, она может персонально определять, кому какой жемчуг подойдет для лучшего его развития и без последствий.

Все опешили, переглядывались, — «Не поверили наверное», — подумал Змей, продолжив:

— Проверено на мне, Глыбе и на самих Тигре с Тенью. И белые, и красные, и черные мы все глотали по рекомендации Тигры, пробовал и сами видите, никто из нас в Кваза не превратился.

— Капитан, ты пробовал белый жемчуг? — Опшарашено спросила Ласка.

Ну и как всегда свои пять копеек впихнул Глыба, как говорится, впихнул, так впихнул:

— Змей радужную пробовал. Змей белую пробовал. Змей белые Глыбе, Тени, Тигре дал. Змей сразу две пробовал, — выпалил Глыба, загибая пальцы, с видом знатока-гурмана в поедании жемчуга.

Народ безмолвствовал и потихоньку о.....

— Змей, ты представляешь, что произойдет, если в стабах узнают о таком чите.

— Не очень, ведь я до сих пор мало что знаю о Стиксе. Но я точно знаю нам всем не выгодно, чтоб об этом кто-то еще знал. Во всяком случае, пока мы не окрепнем.

Ласка подняла руку, привлекая внимание.

— Нам нужна клятва, или присяга на верность Клану, — сказала Ласка, с очень серьезным лицом. Да и соклановцы посуровели, поглядывая друг на друга, все понимали, какие перспективы открываются для них.

— Поддерживаю, — сказал Змей. — Ласка вот ты и подумай над этим на досуге, я про присягу говорю. А сейчас, Недосол, у нас на судне есть шампанское?

— Есть, капитан, десять ящиков.

— Неси ящик самого лучшего. — Повар без разговоров, как паровоз запыхтел в направлении кухни. — И бокал покрасивее прихвати, а лучше кубок, — успел вдогонку крикнуть Змей.

И минуты не прошло, пол ящика "Grande Dame" Вдовы Клико уже стояло у ног Змея, в руках Недосол держал опять что-то музейное, в этом Змей не разбирался, но похоже это был золотой Скифский кубок.

— Тигра, начинай.

Тигра как-то протяжно свистнула, Змей ощутил потребность в пище, много-много мяса, увидел образ очереди людей. Змей понял, много работы, потребуется пища, сытная пища. И он сказал, посмотрев на Пересола:

— Нужно мясо, пару больших тарелок для Тигры.

Пересол метнулся туда-сюда и внес два подноса, перегруженных бужениной. Змею подумалось: «Занимательные ребята, Недосол не добрал, а вот Пересол перебрал».

— Тигра, на этот раз все условия соблюдены?

Эксперт согласно свистнула. И послала целое облако уверенности.

— Тогда приступай.

Тигра начала с Ласки, и Змей выложил табакерку с жемчужинами, открыв крышку. Народ ахнул и в благоговении замер.

Тигра обнюхала руки и зачем-то прицепилась к ногам девушки.

— Сними обувь, — посоветовал Змей.

У Ласки оказались, почти сросшиеся, два пальчика на ноге, вот за один из них и куснула Крыска. Ласка взвизгнула и засмеялась, как смеются девочки, чисто и беззаботно. Тигра слизнула выступившую каплю крови, замерла, посмаковала и метнулась к табакерке. Собравшиеся с замиранием сердца, во все глаза, смотрели на творившееся «волшебство». Тигра порылась носом в жемчужинах, достала одну и побежала к Ласке, на половине дороги вдруг остановилась.

— Выставь ладонь, — подсказал Змей.

Девушка выполнила. Тигра не отреагировала, а подбежала к Змею, и он получил образ, как он вручает Ласке сияющую жемчужину. Тигра села на задние лапы, Оружейник опустил руку, и ему на ладонь легла красная жемчужина.

— Недосол, открывай шампанское, — повар виртуозно открыл и налил немного в кубок. — Ласка, подойди.

Девушка ничего не понимая подошла. Змей протянул ей жемчужину и кубок с шампанским:

— Во Славу Стикса!

— Во Славу Стикса! — Повторила Ласка и проглотила сокровище.

Тишина стояла звенящая. Все ждали, что же будет.

— Поздравляю, — сказал улыбающийся Змей, убежать-то на своих ногах он не успел, и его со всей тщательностью расцеловали. Вот тут был и свист, и аплодисменты, и крики поздравлений.

Девушек он стойко выдержал, даже не пошатнулся, когда от него отошла последняя, довольная Чума, зацелованный кивнул Глыбе, и тот стал поддерживать своего друга, главу клана.

— Остались одни мужики, надеюсь, лобызаться не будем, — сказал Змей.

В кают-компании ухнуло.

««««»»»»

Глава тринадцатая Черная Метка

То, что все плохо он узнал в Кронштадте. Прочесывание и мобильные группы от Зеленогорска до Песочное ничего не дали, искомые обнаружены небыли, даже следов не нашли. Зато в столкновениях с тварями потеряно двадцать два человека. А вечером этого же дня он слушал звуки канонады и наблюдал воочию зарево взрывов над Красной Горкой.

Он стоял у большого круглого окна в своей резиденции в Кронштадте, отсюда было хорошо видно все южное побережье Финского залива вплоть до Серой Лошади, каждый взрыв, будто огненным тавром, жег ему душу. Урфин Джюс скрипел зубами, по лицу лились слезы, — “К черту людей, к черту имущество, Моя Коллекция” — истошно выло нутро. Опуститься до беснования, уничтожить и так сильно сжавшееся, как шагреневая кожа, имущество, он себе не позволил, Джюс умел делать выводы от неудач.

— Развели, как лоха последнего, похоже, Красной Горки и яхты у меня больше нет, — сквозь плотно сжатые зубы, буквально прошипел бывший хозяин форта и рухнул, на необъятных размеров диван, в подушки.

Пьяным состоянием наградила апатия, хотелось лежать и даже не двигаться, вспомнились слова Пифии: “Таким как мы, его стоит бояться. Мы с тобой просто убийцы, а он Палач”. Может и в самом деле перебраться куда подальше, с сильным караваном куда-нибудь на Юг, где тепло, на тот же Дон. Недолго существовала эта мысль, была задушена и вырвана с корнем.

С этим Змеем нельзя нахрапом, нужно думать, думать, упускаю я что-то. Что он там крутится? Что ему еще там надо? — задавался вопросом Урфин Джюс. Он должен сюда идти, в Кронштадт, в Ораниенбаум. Дальше на запад в Европу ходу нет, в Аду, какой бы ты не был крутой, выжить нет никакой возможности.

Тут его осенило, он вскочил, от преизбытка чувства потирая руки, Джюс улыбался, как это умеют делать гиены. — “Оружие, оружие и содержимое сейфа, мать его, какой же я тупой, они никак не могли унести даже десятую часть взятого. Зарыли где-то рядом, крысы”.

— Эй, кто-нибудь! — закричал возбуждённый Урфин Джюс.

— Господин, — раздалось за дверью.

— Заходи, Крыс.

Зашел высокий, жилистый человек, с большим носом и маленькими бегающими глазками, склонился.

— Что прикажите, господин?

— Срочно посылай две пятерки поисковиков. Лучшую к Мишени. К тиру не подходить, вести наблюдение. Вторую к форту, запускай новичков, пускай пообтешутся, посмотрят масштабы разрушений, можно ли что-нибудь восстановить и пусть поосторожнее будут, — Крыс с удивлением глянул на Господина. — И еще, узнай, где Сильвер.

— Будет исполнено, господин.

— Что ж, будем вспоминать старое, — сказал Урфин Джюс, доставая две короткие даги. — Пришло время опять своими руками дела делать, раз другие не могут.

Еще не утро, но уже и не ночь, на востоке создатель лишь слегка мазнул багрянцем.

— Змей, молодец. Давай! — подбадривал Глыба капитана, — давай!

Рядом выписывая петли, гонялись друг за другом Тигра с Тенью, — “вот же неугомонные и когда спят”. После происшествия с доком, Змею не спалось, энергия просто

переполняла, требуя выхода. Пятнадцать шагов, отдых, пятнадцать шагов отдых, решили каждый день прибавлять, да и док был только «за».

С нижней палубы тихим шагом пришла Мамба, кивнула капитану с Глыбой, направилась менять часовую. “Молодцы девчата по ним секундную стрелку можно сверять”. Подошли паромщик с Лаской.

— Вам-то, что не спится?

— Капитан, часа через три можем с якоря сниматься, — доложил паромщик.

— Отличная новость, а то я уже извелся, время уходит, готовьте судно.

Паромщик неумело козырнул с непокрытой головой:

— Уже готовим, капитан.

— Молодцы.

К паромщику подбежала пара матросов, поздоровались со всеми, стали докладывать ему о двигателе, наличии топлива, уровне масла и других важных вещах.

— Ласка, что у тебя? Не зря же ты с утра пораньше подорвалась.

— Вот, — сказала Ласка и развернула небольшое черное полотнище, где белым был искусно нарисован, смеющийся Злой клоун, в шутовском колпаке с бубенцами.

— Одобряете флаг, капитан?

— Да, отлично сделано, талантливо, почти Роджер. Кто это у нас такой мастер?

— Это Твердыня, наш фортификатор, — сказала Ласка, и тут же передала флаг одному из матросов.

— Но ты ведь не за этим сюда пришла, или не только за этим?

— Вы как всегда прозорливы, мой капитан. Разрешите нанести наш символ на развалины форта, пусть упырь порадует. Мы быстро на моторке с Твердыней смотаемся, на все про все максимум два часа, если почувствуем опасность, разисуем причал, или вовсе отойдем.

— Нет, — твердо сказал Змей. Ласка погрузнела. — Возьмешь с собой всех своих. Гаю кажется, она стояла последней на часах, оставишь у лодки отход прикрывать, в бой не бери. Полное вооружение и осторожность, там помимо тварей, привлечённых взрывами, должны быть разведчики Урфин Джюса, уверенность в этом полная. Ваша цель — Язык, остальных уничтожить, побочное, если не помешает главному и безопасности, на твое усмотрение. И еще, с вами, кроме Твердыни, пойдет Тигра. Ясно?

— Так точно.

— Тогда иди, поднимай своих, и готовьтесь, на все про все час. Действуй.

Ласка едва ли не подпрыгнула и убежала.

— Паромщик, сколько у нас моторных лодок?

— Две, на обоих стопятидесятые Ямахи стоят. Еще есть резинка большая без мотора.

— Подготовьте одну из моторок.

— Слушаюсь, капитан! Еще, предложу, пока суть да дело, тихим ходом обогнуть Серую Лошадь, нашим сподручней высаживаться будет.

— В тумане сможешь?

— Тихоходом, да.

— Тогда действуй!

Яхту вальяжно покачивало приливом, Глыба стоял и смотрел в белое, туманное марево, берега еще было не видно, но бриз уже начинал колыхать эту белесую стену.

“Правильно ли я поступаю, — обуревали тяжкие думы Змея, — отправляя их туда,

страшно за них, аж поджилки трясутся, но как по-другому, впереди все очень серьезно и связываться в это, не проверив своих бойцов, еще больший верх безрассудства и глупости”. Змей ударил руками по поручню и сказал:

— Глыба, пошли, поможем нашей ударной силе подобрать вооружение.

Каюта, куда складировали все стрелковое оружие, буквально была забита. Оставалось лишь небольшое пространство с узким, высоким столом, явно вырванным из оружейки форта.

Девушки готовили четыре снайперские винтовки ВСС «Винторез» и пулемет «Печенег» для Гаи, задача которой — прикрытие отхода. Змей кивнул девушкам. Те дружно поприветствовали капитана.

Они с Глыбой подошли к столу для разборки и сборки оружия.

— ВКС «Выхлоп» на мой взгляд подойдет лучше, — сказал Змей

— Отличная машинка, — согласилась Ласка. — Но «Выхлоп» хоть и считается бесшумным, громче и тяжелей, крупнокалиберная винтовка, как ни как.

Змей оперся о стол.

— Глыба, подай мне «Выхлоп», пожалуйста. Лучше новый. Глыба нашел все необходимое, вскрыл армейский ящик, удалил промасленный пергамент и выложил перед Змеем винтовку и оптику в разобранном виде.

— Красавец, — не сдержался Змей, погладив оружие, как живое существо. — Глыба, пять бронебойных к нему.

Глыба выложил как карты, на игральный стол, пять бронебойных патронов калибром 12,7.

— Поддержи меня, — сказал Змей.

Глыба кивнул, обхватил со спины, с большим предвкушением поглядывал на руки Змея, зная, что Оружейник сейчас возьмется за свою работу.

На глазах девушек винтовка снарядилась и собралась сама. Ласка, как самая эмоциональная — вскрикнула. Остальных остановила гримаса Глыбы, ему, как будто кувалдой ударили по большому пальцу ноги.

Змей трогательно взял винтовку в руки и слегка их раздвинул, и тут «Выхлоп» до винтиков и пружин разлетелся в пределах полуметра, детали на миг зависли и опять собрались, черная пудра всего лишнего, медленно опала на стол.

Оружейник опустил руки, а винтовка продолжала висеть в воздухе. И тут, по ней прошла широкая, радужная полоса и иссиня-чёрный «Выхлоп» опустился на оружейный стол, осторожно, будто кто-то невидимыми, руками положил его. Змей пришел в себя, негатива он не чувствовал — видимо сворованные силы Айболита давали о себе знать.

Оружейник взял оружие в руки, разглядел клеймо, все, как он и хотел, рожа Злого клоуна была будто лазером выжжена.

— Отдаю в хорошие руки, — и он протянул винтовку Ласке. Ласка шумно выдохнула и приняла винтовку, приподняв ее, видимо не рассчитывала, что она стала такой легкой.

Девушки собрались вокруг Ласки восхищенно тискали винтовку, будто это не оружие, а Шотландский вислоухий котенок.

— А легкая какая! Смотрите, наш символ, обалдеть, как сделана.

— Ух, — выдохнули девушки.

Ласка спросила:

— Кто ты, Змей? — капитан пожал плечами.

— Обычный оружейник я.

— Капитан, на «обычного» ты не тянешь, случаем Сварог не твой папа?

Тут и Глыба высказался. Гигант всегда выбирал нужное время:

— Змей — Великий Змей!

— Нет у нас времени рассуждать на подобные темы, мне еще четыре ствола делать.

На пятый «Выхлоп» едва хватило сил. И Глыба, не смотря на протесты, унес его в каюту.

Ласка нагнулась к Масло, сидевшему за штурвалом:

— Глуши двигатель.

Они шли по инерции, стало проясняться, темной полосой обозначился берег, и наконец, они увидели выплывающий из тумана причал Красной горки, заваленный кусками кирпича. Ласка слегка ударила в плечо, сидевшего за штурвалом Масло, показала жестом — «Молодец». Тигра сидела на носу катера, напряженно внюхиваясь, шерсть стояла дыбом. «Чувствует опасность», - решила Ласка. Причалили тихо. Тигра подбежала к Ласке, та пригнулась и шепотом спросила:

— Враги?

Тигра как учил ее Глыба, кивнула.

— Люди?

Тигра ощерилась и обозначила — «Нет».

— Тигра молодец, — так же тихо прошептала Ласка, Тигра в ответ грызнула ее за ухо.

Масло посмотрел на этих умалишённых, рядом твари, а они сидят в катере и светятся от счастья. Ласка указала на Масло и двумя жестам приказала: «Ты, Замри».

Девушки обтерли руки, лицо, подмышки настойкой полыни.

— Вперед, — бесшумно приказала Ласка, задержав рукой Твердыню, на ухо шепнув ему: — Останься здесь, пока не зачистим.

— Понял, — Твердыня утвердительно кивнул.

Они шли линией, пригнувшись, как тени, бесшумно. Чума обозначила — «Вижу Врага», указав на Тигру, та вытянулась в стойке, указывая направление, щерилась, а вся шерстка зверька стояла дыбом. Валькирии развернулись и встали на одно колено. Впереди ощущалось какое-то движение, но понять, в этой предрассветной бели, что это, не представлялось возможным. Медленно, буквально по сантиметрам подобрались чуть ближе.

Тут стали видны два бегуна. Твари раскачивались, в свойственной им манере не чуя людей. Ласка волновалась — «Как покажет себя это непонятное и такое удобное оружие». В катер, на всякий случай, было взято обычное. Перестраховались.

По сигналу, четыре Выхлопа беззвучно плюнули бронебойными. Твари не успели даже развернуться в их сторону, рухнули. Ласка поцеловала Винтовку. Подошли к сраженным, оказалось, это два матерых бегуна и у каждого по два сквозных отверстия в башке.

— Очуметь, вот это винтовочки, — тихо сказала Чума, поглаживая оружие, как давеча это делал Змей. С тварей разжились четырьмя споранами.

Ласка подала команду: «Тишина, Собраться». Девчата сбились вплотную, по центру сидела Тигра. Ласка зашептала:

— Добиваем в магазин по патрону, и осторожно, девочки, тут еще несколько подобных есть, и уверена, «начальник» этих тварей, где-то по близости обитает. — Валькирии посмотрели на Тигру, та подтвердила. — Тигра, веди.

Так и крались, впереди принюхивающийся следопыт, чуть поодаль осторожно ступая,

обходя выломанные взрывом обломки, Валькирии — братства Злых Клоунов. Тигра в очередной раз струной застыла на месте. Перед глазами стрелков отрылась впечатляющая картина огромной воронки: два Топтуна, цокая окостенелыми пятками, ходили по кругу, с опаской поглядывая на вожака, в центре воронки — мощный Кусач, придерживая задними лапами, рвал в куски человеческие тела, иногда огрызаясь на собратьев послабее, чтоб и не думали подходить, и с жутким хрустом жрал, с легостью перемалывая бедренные кости. Топтунам, видать, тоже хотелось, но пока сильнейший не насытился, они жались друг к другу, будто ища поддержку нервно подпрыгивая.

Ласка знаками показала: они с Чумой берут на прицел Кусача, а Мамба с Эфой — топтунов. Опасная работа намечалась, уверенности прибавляло оружие Змея.

Валькирии заняли удобные позиции, как-то упустив из виду Тигру. Крыска появилась как раз напротив позиций девушек с другой стороны воронки, задорно свистнула подпрыгнув. Топтуны остановились заурчав, а Кусач приподнялся, из его пасти выпала нога какого-то бедолаги. Такая секундная статичность — подарок для снайпера. Четыре хлопка слились в один, будто ребенок хлопнул в ладоши. Твари замертво повалились, лишь Кусач пару раз дернулся.

Все немного расслабились, Кусач, по поведению, здесь явно был главным, а раз так, более сильных тут не должно быть.

— Тигра, ты лучшая следопыт-наводчица.

Каждый из девушек погладил Тигру, сегодня она была добрая, позволила, всё-таки совместные операции сближают.

Попытались понять, что жрал Кусач. Стало понятно по черной форме — гончие Урфин Джюса. Еще где-то трое должно быть, или сожраны как эти или засели где-нибудь в укрытии.

— Тигра, здесь еще есть опасность? (чья реплика)

Тигра встала на задние лапы, покрутила носом и тряхнув головой побежала на край воронки, опять принялась, еще немного отбежала, вновь принялась и уверенно взяла направление.

Валькирии поспешили за лучшим из следопытов. Наткнулись на убитого Лотерейщика, через шагов десять еще одного, тот еще был жив и полз куда-то вперед. Добили. Распотрошили споровые мешки, извлекли три спорана. Еще через несколько шагов, как грибы с хорошей грибницы, собрали два автомата, рацию, прибор был в рабочем состоянии, тактический пояс один, второй, рюкзак. Похоже кто-то на бегу бросал свою амуницию.

Дальше шли в темпе, Тигра стала постепенно замедляться, кусты сменил лес, вышли на край широкой просеки и услышали ругань:

— Сука ты Крюк, ты чего рацию бросил, оружие бросил? Что теперь делать будем? Как выбираться? Господин вряд ли искать нас будет. Сдохнем здесь, как две белки ударенные током.

— Сам ты, сучья белка, Беглый, чего сам-то автомат свой бросил, а? Голыми руками что ли хотел с тварями разбираться?

— Да они почти меня поймали, вот и бросил, чтоб отвлечь, да и бежать легче. А я что, рыжий, с этим дебильным коробом носиться, да и оружие это. И что ты меня за дауна держишь? Вон, как Серый, тоже не хотелось быть, — и Крюк посмотрел вниз. Там громко чавкая, рвали зубами их сослуживца. — Что, автомат помог ему?

Эти двое перепуганных сидели на ржавой, высокой вышке ЛЭП, на самой ее высшей

точке и ругались. Внизу трое безобразных Лотерейщиков разорвав жертву на три части, урча, поглощали отвоеванное, облизываясь и поглядывая на соседей, с явным желанием: «А нельзя ли отжать еще у соперника».

Ласка указала каждой позицию, определила, кто стреляет, себя оставила на подстраховку. Слаженные выстрелы в утреннем птичьем гомоне и вовсе не были слышны. Лотерейщикам, будто страшным куклам-марионеткам, подрезали нити и они повалились.

— Выходим, — приказала Ласка.

Валькирии Братства Злых Клоунов вышли на просеку.

— Эй, Крюк, смотри, Жруны вроде как сдохли, может у Серого в кармане какой сильный яд был?

— Да какой к хренам яд, Бегун? Вон, разуй глаза, твой яд стоит, на кромке леса.

— Оооо бабы.

— Заткнись, мудрила конченный, ты еще им крикни так. Они тебе враз причиндалы отстрелят.

— Да это же...

— Заткни свою пасть, говорю.

— Эй, грачи, давно прилетели, хорош трепаться, слазьте, да побыстрей, а то и вправду отстрелим, всю жизнь мечтала, — громко сказала Ласка, передернув затвор.

— Не стреляй, не стреляй, мы быстро, уже почти слезли, — причитали лишенцы, и в самом деле ловко спускаясь.

Ласка показала глазами Чуме на Лотерейщиков. Та и без слов поняла, умчалась за трофеями.

"Да какие они Гончие, так, щенки еще", - подумала Ласка. Глядя в эти глаза, полные страха, на подавленность, на напавшую на них трясучку.

— Руки за голову, на колени, глаза в землю, — парни бухнулись на колени.

— Грачи, жить хотите? — пленные закивали головами. — Тогда на вопросы отвечать по существу и коротко. За молчание — смерть, за обман — смерть, за уклончивый ответ — смерть. Понятно?

— Да, — в унисон выпалили пленные.

— Имена?

— Крюк.

— Бегун.

— Оружие, колющее, ржущее есть?

— Есть, — ответил Крюк.

— Выкладывай медленно и не дергайся, а то я нервная.

Парень из нагрудного кармана достал пилку для ногтей и маникюрные ножницы.

— Надо же, чистюля, — девушки едва сдержались.

— У меня ничего нет, — поканючил Бегун.

— Говорит только Крюк, Бегун заткнулся! Гончие Урфин Джуса? — задала вопрос Ласка.

— Да.

— Новенькие?

— Да.

— Есть еще гончие?

— Да, Сосновый Бор, где-то в районе Тира Мишень, наблюдатели. Ветераны.

— Чума, обыщи грачей.

— Чисто, командир, — доложила Чума, со всей тщательностью выполнив обыск.

— Так, субчики, похватали свое барахло, автоматы разряжены — это чтоб мыслей не нужных не было. Попытка к бегству, стреляем без предупреждения, шаг в сторону карается так же.

Тут прибежала Тигра, вид потусторонний, шипит, клыки оголены, пена, шерсть топорщится, красные глаза светятся безумием и злобой, обошла кругом пленных и решила поточить когти о камень, рядом с грачами. Искры, камень не выдержал, развалился. Тут затрясло, и не только пленных.

— Хорошо, поняла тебя Тигра, расстрел отменяется, если побегут, они твои — Вперед, — скомандовала Ласка. — Тигра, веди нас.

И они пошли быстрым шагом, впереди Тигра, за ней Мамба, по пятам, след в след, впечатлившиеся, до обморочного состояния пленные, замыкающей шла Ласка.

— Лежать! — приказала Ласка, когда они спустились в воронку. Грачам и вовсе поплохело, лежать нос в нос с Монстрами и останками своих, то еще испытание.

— Мамба, веди быстрее сюда Твердыню. Времени у нас осталось мало, здесь самое-то место для его Граффити, — указав на узкую вертикальную стену, одиноко стоящую на краю воронки. Заодно собрали трофеи с Топтунов и Кусача, две горошины и десяток споранов. В очередной раз, подивившись сквозным отверстиям в черепе Кусача.

— Наш Змей еще тот читер и от этого я люблю его еще больше, — заявила Мамба. Валькирии засмеялись.

— Мы все любим нашего капитана и это, похоже, еще одно, что нас объединяет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Подбежал Твердыня, впечатлился, с опасением уставившись на трупы Топтунов и Кусача. Вспомнив, как он отбивался от подобных, в небольшом стабе Пехенец, под Лугой, постепенно выстроив из своего дома настоящую крепость, так он и стал Твердыней, а потом, к ним с крестным прибил Паромщик. Они увидели его мающимся головной болью и плавающим на углой лодочке, по мелководной реке Ящера, таким способом спасаясь от тварей. Так в его жизни появился друг Паромщик. В один из дней, когда погиб его крестный, друзья решили сплавиться до реки Луга, а там и до большой воды. Надежды и уверенность, что там есть ресурсы и большие группы людей, у друзей были. “О как это бы давно, а он все еще жив”, - думал о превратностях судьбы Твердыня, быстро работая баллончиками с краской.

Граффити получилось что надо, красочное, издевательски злое, высокохудожественная черная метка для Урфин Джюса.

Масло извелся весь, ожидая группу, руки вспотели, держась за стартер, он не понимал, как такое могут выдерживать эти прелестные создания, он нет-нет да поглядывал на лежавшую с пулеметом Гаю, а у нее ходьбы один мускул на лице дрогнул, нет, как статуя, гранит какой-то, а не люди. Светало, и туман хоть и сопротивлялся, ряды его воинов под лучами встающего солнца редели.

И вот они наконец появились. Масло облегченно выдохнул и смахнул пот со лба. Стартер засвистел, двигатель завелся, приятно забулькал.

"Скорей отсюда, скорей".

Паромщик и Змей сидели за столом в холе капитанской каюты. На столе лежала большая карта Финского залива, по центру притаился Тень, сверкая глазками увлеченно

следуя за движениями на карте разноцветных фигурок корабликов.

— Где собираетесь высаживаться, капитан?

— Самое короткое расстояние до цели здесь, — Змей поставил чёрную точеную фигурку яхты на побережье, — пляж Копорской губы.

— Как я понимаю, Вы там не пойдёте.

— Нет, люди Урфин Джюса нас ждать будут, как раз на этом направлении, во всяком случае, в большей степени.

— Капитан, почему Вы считаете, что они вообще там будут?

— Каким бы уродом это маньяк не был, он не дурак, а лишь временно потерявший бдительность. Мы вернули ему её. Второй раз так поступить с собой, он не позволит.

Глава четырнадцатая Полундра

Урфин Джюс стоял у ростового зеркала, черная полевая форма, широкий ремень, короткие, мягкие сапоги из оленьей кожи и две коротких даги по бокам. Он себе нравился.

— Здравствуй, новый старый Джюс, — он исчез и тут же возник у задней стенки, изобразив быстрый и элегантный удар сразу двумя лезвиями. Ему это возвращение так понравилось, что он засмеялся, получилось зловеще.

— Господин, — в дверь постучались.

— Входи, — вошел Крыс и, поклонившись, доложил:

— Сильвер у себя в порту, как всегда возится со своими любимыми катерами. Машина и охрана готовы.

— Нет Крыс, ни то, ни другое. Сам пройдуь ногами.

— Да как же, Господин, и без охраны?

— Желающие моего тела, пусть боятся моего клинка, а не моих телохранителей, Урфин Джюс вернулся.

Ему приятно было идти одному без охраны, это как-то непривычно бодрило, он специально шел по самым опасным переулкам города в надежде на стычку, пока не везло.

Поддувал западник, и в кирпичных переулках Кронштадта становилось свежо. Сильвера он знал давно, как говорится, столько не живут. Там, еще в той жизни, Сильвер так же имел дело с плавсредствами, он возил туристов по каналам Санкт Петербурга. В момент перезагрузки он шел по Фонтанке, необычный, едкий, плотный туман многое изменил. Джюс много раз слышал рассказ Сильвера, как тот шел очумевший по родным каналам Питера, испытывая дикий ужас от происходящего на мостовых. Сообразил он быстро, вода, это защита, решив сразу, уходить на большую воду, а там на форт какой или остров. На выходе из Невы, на заправке, он и столкнулся впервые с Тварями — повезло, потерял всего лишь ступню. Таким покорёженным он и пришел в Кронштадт и получил свое имя Сильвер.

На территорию Сильвера Урфин Джюс попал не сразу, его хоть и знали, дежурные вежливо предложили минуту другую скоротать на кожаном диванчике. По внутреннему телефону позвонили, видимо Сильверу, и тут же пропустили, еще и сопровождающего определили.

В Мастерских в нос шибануло каленым железом и отработанным маслом, Урфин Джюс даже как-то растерялся в этом мирке грохота, криков, визга болгарок и огненных фонтанов сварки. Они шли куда-то по маслянистому, темному бетону, лавируя меж не ясных для сознания Джюса нагромождений и конструкций. К ним подошли двое охранников с оружием. Сопровождающий прокричал им:

— Посетитель к Сильверу, самим одобрено. — Те кивнули и отошли.

Наконец, они вышли на чистый воздух к кромке воды и вошли в шикарный, скорее всего, спроектированный хорошим архитектором Эллинг, сплав бронированного стекла и дорогого дерева.

По центру Эллинга стоял стремительного вида морской катер с двумя трехсотыми Эвинрудами. На одном двигателе была снята крышка, Сильвер похоже доливал масло в двухтактный движок. Высокий, сбитый брюнет, коротко по-военному пострижен, в белом комбинезоне с фигурой гимнаста.

— Привет, Сильвер.

— Кого я вижу, Урфин Джюс и без охраны, решил тряхнуть стариной?

— Сил, нужно поговорить, — обменялись дежурными рукопожатиями.

— Ну, если нужно, поговорим.

Кабинет Сильвера был по-настоящему рабочим. Никаких изысков, добротный стол, подобные массивные стулья, на столе несколько рабочих чертежей в беспорядке, пепельница переполненная окурками и окно выходящие на технологичный слип с кильблоком, рядом, видимо «на всякий», мощная кран-балка. Сильвер махнул рукой.

— Располагайся, виски?

— Не откажусь, — ответил Урфин Джюс, присаживаясь.

— Проблемы?

— Да, Сильвер, — не чокаясь, выпили.

— Наслышан, — Джюс скривился.

— Быстро! И что же болтают?

— Всякое, в большинстве нелицеприятное для тебя, но я бы от правообладателя предпочел услышать. Джюс посуровел.

— Я не за этим сюда пришел.

— Ты, Урфин Джюс, пришел сюда из-за того, что тебя прижали, и ты не уверен, что это и дальше не продолжится. Людей твоих, будто капусту шинкуют. Красный форт ты потерял, яхту потерял, твои бойцы бегут от тебя. И все это дело одного человека, которого зовут Змей. Знаешь, парень уже в легенду превратился, в кабаках всех ближайших стабов только об этом и говорят. Так что, Джюс, если тебе нужны средства — это не ко мне, иди к Крезу, а вот если тебе нужна помощь... Но тогда, я должен знать все, и свой профит.

Джюс подумал с минутой.

— Твоя правда. Я согласен, что ты знать хочешь?

— Э, нет, не так сразу, Джюс, мы поговорим по душам только в присутствии моего человечка, так сказать, спеца по лжи.

— Не доверяешь? — скривился в ухмылке Джюс, лицо его и так не было образчиком привлекательности, сейчас же и вовсе стало омерзительным.

— Без обид, Урф. Нет.

— Знаешь, Сильвер, не хотелось бы, что бы еще кто-нибудь слышал наш разговор, позже или раньше у меня появится желание убить его. А для твоих опасений и недоверия у меня есть средство.

У Сильвера даже брови поднялись от удивления, ответить он не успел. Урфин Джюс, которого Сильвер когда-то давно называл по-дружески Урф, выложил на стол тот согнутый, из непонятного материала, пистолет. Сильвер взял его в руки. Урфин Джюс понял сразу, зацепил по-полной. Сильвер достал нож и спросил:

— Можно?

— Валяй.

Нож не оставил на пистолете даже царапинки. Сильвер нажал кнопку селектора.

— Темнила, — зайди ко мне. Вошел человек в черном халате и кожаном фартуке. Высокий, кучерявый, скуластый, глаза цепкие, глубоко посаженные, тени под глазами, явно не в настроении.

— Что звал, Сильвер, работы много, мог бы и сам ко мне зайти, языком почесать.

— Посмотри вот это.

— Охренеть, где взяли? — удивился Темнила, как только объект попал к нему в руки.

— Где взяли, там уже нет. Вот что, Темнила, выгоняй всех своих из Лаборатории на обед и проверь эту штучку, — мастера как сдуло.

Выпили еще виски и, наконец, в Эллинг ворвался Темнила, буду-то озверина принял, только что волосы не дыбом.

— Ну вы даете, где взяли, — повторился Темнила, — не нагревается вообще, представляете, не травится, вообще чумовая штука. Купоросное масло не берет, азотная и соляная кислота как вода для него обычная. Шеф, я гидравлический пресс сломал об эту непонятку. Всего-то обычный Стечкин, только вот материал какой-то запредельный. Я даже частичку не смог взять на анализ, прикинь Сил.

— Не ори, — осадил своего работника Сильвер. Видишь этого человека, знаешь его? — Темнила кивнул. — Хорошо, ты должен понимать, мне будет очень сложно отговорить нашего гостя лишать тебя жизни, ты многое увидел лишнего, и выказа неподобающую заинтересованность.

— О чем вообще разговор Сильвер, я не подведу, ты же знаешь, пять лет у тебя работаю, и уже забыл все. Помню, встал утром, а потом все как отрезало, перепил видать давеча. Клянусь завязать.

— Ступай, умник. Не пить, совсем не квасить. Понял?

— Предельно, шеф.

— И держи язык свой двумя руками, — Сильвер закрыл дверь за работником, и передвинул рычажок на переключателе. Окно закрыли массивные стальные створки, похоже, весь Эллинг бронировался. Сильвер открыл бутылку Jim Beam, плеснул в стаканы.

Чокнулись, выпили, Сильвер знал, что этот бурбон Урф предпочитает больше всего.

— Теперь поговорим, Урф, признаю, свидетели при таком раскладе были бы лишними. У тебя будет еще что добавить?

— Да, будет, — и Урфин Джюс выложил небольшую гнутую пластину из дюраля с ровным отверстием. А когда Сильвер взял ее в руки, пояснил: — Это часть обшивки от моего сбитого беспилотника и выходное отверстие, оставленное подобным Стечкиным с двух километров.

— Честно, если бы не было этого артефакта, — Сильвер кивнул на стол, — я бы ни за что не поверил.

— Еще добавлю, у него содержимое моих двух сейфов. Только жемчужин больше пятидесяти, — и Урфин Джюс рассказал все, ну почти все, кое-что утаил.

Сильвер долго хранил молчание, потягивая бурбон. Урфин Джюс уже стал закипать от нетерпения. Сильвер плеснул ему бурбону в стакан и сказал:

— Мы сегодня же сможем разрешить эту твою проблему, только у меня четыре условия.

— Говори, — выпалил Джюс.

— Первое: ты не покушаешься на жизнь моего работника Темнилу. Второе: артефактное оружие, если оно есть, делим пятьдесят на пятьдесят. Третье: ты оставляешь жизнь этому уникаму, если конечно это его рук дело. — Урфин Джюс, будто с каждым словом Сильвира, багровел. — И четвертое, Белоснежку придется взорвать.

— Нееет! — заорал, взбешенный Урфин Джюс.

Сильвер давно знал Джюса, сидел, спокойно ждал, потягивая виски, тут главное не улыбаться, а то этот нервный чего доброго за свои любимые даги схватится, тогда, пиши пропало. Когда накал чуть спал, Сильвер ввернул:

— Могу объяснить, — и еще подлил бурбона в стакан Джюса. Пока тот судорожно

глотал отличное пойло, обстоятельно все объяснил.

— Урф, ты пострадал, сильно пострадал, сколько лет потребуется, что бы вернуть прежний уровень? А ведь может и не получится. А вот если мы возьмем живым этого Змея, я лично прослежу, чтоб к тебе вернулось все сторицей, в кандалы его и пусть работает. Ты представляешь, сколько может стоить подобное оружие? — Урфин Джюс мотнул головой. — Вот и я нет, но думаю очень много. А возможно и другие применения этому дару найдутся, да я даже не сомневаюсь в этом. А как тебе шанс стать богаче Креза, или по-твоему лучше пулю в лоб и все?

Джюс задумался, шумно задышал, раздувая ноздри. Сильвер про себя выдохнул: “Кажется, кризис прошел, а этого Змея по-любому, во чтобы это не встало, нужно прибираться к рукам”.

— Что, Джюс, согласен все спокойно обсудить?

— Да, — ответил Урф, в красных пятнах от прошедшего возбуждения.

— Тогда я, не зависимо от наших с тобой переговоров, приму превентивные действия. Урф, ты знаешь где сейчас находится Белоснежка? — Джюс с сожалением качнул головой и от досады ударил по столу рукой.

— Нет, но думаю где-то между Черной Лахтой и Сосновым бором.

— Понял. — Сильвер нажал кнопку селектора. — Карась, срочно выйти на связь. И это прогромыхало по всем цехам и мастерским Сильвера.

Тут же из динамика раздалось:

— Шеф, слушаю.

— Карась, беги на склад приборов, хватай Carl Zeiss 20x60, спросишь у Хомяка, может, что мощней из оптики подберет, и дуй на Бегунью, там как раз двигун с короткой ногой стоит. Пойдешь на пределе вдоль северного побережья по мелководью. Главное, чтоб тебя на южном видно не было, не рисуйся, на камни не наскочи. Дойдешь до поселка Озерки зашкерься,^[1] не стой на виду, там от берега до берега всегото миль шестнадцать будет.

— Яхту Урфин Джюса помнишь?

— Да, шеф, конечно помню.

— Найди ее, Карась, осмотри акваторию от Черной Лахты до Копорской губы. Доклад каждые тридцать минут. Все, дуй, голову только свою буйную не сломай

— Есть, капитан, — отрапортовал Карась.

— Урф, а теперь давай по пунктам.

— Давай уж, Сильвер, а случаем не знаешь, у Роберта Луиса Стивенсона в «Острове Сокровищ», Сильвер тоже еврейской крови был? — и заржал.

Заработала рация, через натужный рев двигателя и шум воды раздалось:

— Сильвер, я на курсе.

Хозяин морских мастерских Кронштадта в ответ прокричал:

— Семь футов под килем! — рация отключилась. — Завертелось, — сказал Сильвер. — Продолжим?

— Пожалуй, — и они еще выпили. — Хороший у тебя Виски и пьется здесь хорошо, — отметил Джюс.

— Тогда, первое, Урф: жизнь моего мастера, кстати, он нам сильно пригодится, когда объект будет у нас в руках. Согласен по этому пункту?

— Да, согласен, не трону я его, пусть живет под твою ответственность.

— Хорошо, переходим ко второму: все артефакты и оружие пополам.

— Возражений нет, согласен, — сказал Урфин Джюс. И Сильвер продолжил:

— Третьим пунктом у нас Змей, надеюсь, мы договорились, заметь, я о жемчуге молчу и к другим ценностям твоих сейфов руки не тяну, понимаю. Ну, Джюс, договорились?

— Да, — выдавил из себя бывший владелец форта Красная Горка, и далось ему это не без труда.

— И, наконец, четвертое: о яхте, как бы не болело сердце морехода. Позволь, объясню, почему взрывать придется. Причин к этому масса, назову лишь основные на мой взгляд: сколько на яхте стрелков мы не знаем, сколько перешло к Змею твоих рабов, тоже не знаем, но что-то подсказывает мне, что большинство. Сколько этих военных артефактов у них на руках, опять не знаем. Можем лишь предполагать, если это дар, явно больше одного. Памятуя твой беспилотник, подходить к ним ближе, чем на пару миль чревата, а абордаж считаю и вовсе делом провальным. Нас расстреляют еще на подходе.

Да, мы поступим по-варварски, зато эффективно. План прост, как вобла, ждем, когда Змей пойдет забирать ценную закладку на побережье, а он пойдет, и пойдет малой группой, всех на такие мероприятия не приглашают.

А это значит все, что взято с Красной Горкой, будет в трюме, плюс, возможно, артефакты, ведь все ценное невозможно таскать с собой. Позволяем его группе отойти, взять ценности, и подойти обратно к побережью, тут вступают в игру мои катера. Две самонаводящиеся ракеты и на воде лишь обломки, еще пару тройку ударов по побережью, что бы зайцы подорвались и побежали, вполне возможно, что груз бросят тут же, для острастки долбанем еще пару залпов.

Мои Толстяки подходят и начинают работу.

На одном из Толстяков хорошее водолазное оборудование. Три дня работы и трюм Белоснежки наш, как я понимаю, там большее из твоей собственности. Может из людей кто-то выживет, подберем, с ними поступай, как знаешь.

Урфин Джюс внимательно слушая, кивнул головой:

— Что думать, прирежу всех свиней не благодарных.

— Теперь самое основное, наземная операция. Знаешь, Урф, это хорошо, что у тебя там есть пятерка наблюдателей. Хотя беглецам все равно деться некуда. Север моими судами перекрыт, надо, еще подгоню на запад, в Ад он уходить не станет, не дурак.

На восток, Ораниенбаум, твои парни перекроют, остается юг, а туда далеко, ближайший стаб Луга. Можем конечно и сами побегать. Объединим наших лучших спецов и тряхнем стариной. Вот только не натасканы наши люди объекты живыми брать, труп этого парня, означает полный провал. Поэтому, предлагаю привлечь Церберов.

Урфин Джюс удивился.

— У тебя что, есть выход на них? — Сильвер ухмыльнулся

— Больше, они мне должны.

Урфин Джюс с недоверием посмотрел на Сильвера:

— Шутник.

— Ни сколько, их посудину завтра сдаем, хороший морской катер получился, быстрый черт. Церберы довольны. В общем, я договарюсь. Работаем? — и Сильвер протянул руку.

— Работаем, — сказал Урфин Джюс и пожал протянутую руку.

— Гони своих, перекрывай подступы к Ораниенбауму и настропали там, чтоб не стреляли по нашим целям на поражение. Жду тебя здесь через час, будем отсюда руководить операцией.

Заработала рация.

— Сильвер, я на месте, яхту вижу. Стояла у Серой Лошади за каменными грядами, сейчас снялась, идет на запад, вдоль побережья, наблюдаю.

— Понял тебя, Карась, молодцом, и свяжись с нашими в Приморске, пусть три толстяка в полной боевой дуют к тебе. И еще, Карась, если оптика позволяет, отдались от объекта. Наблюдай. Обо всем происходящем, даже незначительном, на Яхте докладывай немедленно. Остальным готовиться к стрельбам.

— Есть, капитан.

Сильвер сам сопровождал Урфин Джюса до выхода. Отдав все нужные распоряжения, Сильвер отправился в цех, где завтра должны сдавать катер для Церберов.

Результат от вылазки к развалинам форта Красная Горка превзошел все ожидания. Можно сказать, задача выполнена на отлично. Из сжатого, почти сухого рапорта Ласки и спокойного поведения всех пятерых, Змей сразу понял, девушки и вправду хорошие воины.

— Молодцы, хвалю, завтрак и отбой.

— Капитан, можно оставить винтовки при себе? — спросила Ласка.

— Винтовки — ваше личное оружие, можете сдать в оружейку, можете, если есть желание, спать с ним, это ваше право, — девушки заулыбались и пошли завтракать, о чем-то там своим переговариваясь.

Пленные, совсем еще мальчишки лет по двадцать, стояли понуро у борта в полной растерянности. Их допросили для проформы, нового они ни чего не сказали.

— Паромщик, отведи эти недоразумения на камбуз, пусть их покормят и определи их под замок, пусть подумают за жизнь свою непутевую, и мы тоже подумаем, что с ними дальше делать, — паромщик кивнул и чуть ли не за шкирку увел парней.

Время до Копорской губы пролетело незаметно быстро.

— Капитан, мы в точке, — доложил Паромщик.

Через несколько минут все, кто должны были идти собрались на палубе, кроме Тигры с Теню.

— Глыба, не видел где Тигра и Тень? — спросил Змей. Глыба пожал плечами. Вмешался Паромщик.

— Капитан, Тигра и Тень уже в нужном катере, спят они там.

— Вот же, все знают, все чувствуют.

Тревожить их никто не стал, к разведчикам всегда особое отношение, а к таким и подавно. Змей сам, на своих ногах, подошел к братьям близнецам.

— Парни, вы все обдумали, идете? — Недосол и Пересол кивнули, и в унисон рявкнули:

— Да, капитан.

Эти двое, несмотря на свой кукольный, истинно поварской вид, оказались не из робкого десятка, сами вызвались, и Змею нравилось, что их совсем не смущает роль Мулов в предстоящем, они просто и искренне хотели помочь.

— Тогда в катер, парни.

Сверху по трапу спускалась шумная компания, раздраженно бурчащий Док и все те же девушки в полном составе. Док шел за этими неугомонными и причитал, как «наседка»:

— Так не нельзя, распорядок должен быть, вы гробите свой организм.

Змей сразу понял зачем они здесь.

— Нет, Ласка, вы все молодцы, но час сна это мало, Вам нужно отдыхать.

— Вот и я говорю, — вмешался док.

— Все, — жестко как отрезал Змей. — Хочу всех видеть только через шесть часов. Док, проследи за этим.

— Капитан, хоть винтовку возьмите, — сказала Ласка, протягивая переделанный «Выхлоп».

Девушки понурились ушли.

Шли на самом малом, дабы шумом не привлекать к себе излишнего внимания, двигатель работал ровно и тихо. Вошли в устье реки Коваши. Река сразу сильно уходила вправо. Змей до максимума поднял винт, и они пошли вверх против течения, по левому берегу пошли лодочные гаражи, рядом на прогалине добротные вешала для сушки снастей, на них болталось несколько сетей. На первом же повороте ткнулись в заросший правый берег, осмотрелись.

— Выходим, — скомандовал Змей.

— Тень, Тигра, вперед, — разведка вмиг исчезла.

Катер вытащили и тщательно замаскировали. Змей привычно забрался на понягу и закрепил себя.

— Так, Недосол, Пересол, идем осторожно, ступать за нами след в след, старайтесь, не шумите, смотрите под ноги, не наступайте на сучки. Обратите внимание на Глыбу, пробуйте перенять стиль ходьбы, движения должны быть чуть плавней, чем обычно — это менее заметно в лесу.

Прошли метров восемьсот, сосняк чуть поредел, пошли прогалины с белым песком, поступила команда для Глыбы.

— Присесь! — Глыба встал на колено. Змей перпендикулярно их движению указал рукой: — Там тир, метров пятьсот-шестьсот, проверил Оком. В Мишени было чисто. Двигаемся до схрона, нам еще метров семьсот, может чуть больше, — указав направление чуть правей чем раннее двигались.

Прошли метров сто, как поступило тревожное сообщение от Тигры: “Четыре темных силуэта, на белом фоне”.

— Замереть, — указал Змей, и определил где враг. Замедлились, шли тихо медленно пригнувшись в указанном направлении, не доходя Тигры метров пять, Глыба привычно встал на колено. Змей расстегнул понягу, перекинул «Выхлоп» за спину и пополз к Тигре, «и какого рожна эти твари здесь в лесу делают». Стало понятно, когда выполз на позицию, рядом щерилась Тигра. Оказалось, упыри загнали Лосиху, и рвали труп как дикие звери все в крови и кишках. Через прицел рассмотрел тварей, на троих еще были какие-то остатки одежды, ноги мощные в жгутах мышц, еще один, видать вожак лакавший кровь был куда массивнее, волосы уже почти все выпали, челюсть — мастиф позавидует.

Выстрел. Главарь, как лакал, так повалился в выеденное нутро, остальные, даже не обратили внимания, жрали и жрали. Последний все-таки что-то почувствовал, прекратил работать челюстями и стал озиаться, недолго, бронебойная пуля калибра 12,7 пробила череп на вылет.

Больше проблем не было, до места дошли без приключений. Выкопали быстро. Взбодрились, выпили все компанией по глотку живчика, нагрузились и пошли в обратный путь.

Уже вечерело, когда Змей завел двигатель. Прошли гаражи, вошли в самое широкое русло Коваша справа красивый Приморский парк, белый песок и величественные сосны, слева открыточный вид Финского залива, огромное багровое солнце медленно тонет в

западных водах.

Они уже видели яхту, как что-то дважды ухнуло на том едва видимом берегу.

— Держись, — заорал Змей. Взревел двигатель на полных оборотах, капитан до предела вывернул руль. Катер завалился на левый борт, едва не перевернувшись, вывалив огромную волну брызг, развернувшись на месте. И они понеслись обратно.

Взрыв, один, второй, яхту словно подкинуло, скрывая от глаз дымом и огнем, во все стороны летели обломки.

— Полундра! — заорал Змей. Теперь били по ним, два взрыва чуть ниже по течению оглушили, вздыбили большие столбы воды, отрезвляюще обдав брызгами, еще два удара чуть выше, грохот, огонь, в небо летит земля, деревья, куски гаражей, начинается Пожарище.

[1] Местный морской термин: спрятаться за мелкий островок, за острый береговой выступ.

Глава пятнадцатая Черная Смерть

Как только ушли из зоны видимости, обстрел прекратился, уткнулись в правый берег. Левый был охвачен огнем. В душе было так же, все выжжено и сейчас эту пустоту заполняла ярость. Ласка, девчата, Док, Паромщик — лица доверившихся ему вставали пред глазами.

На Змея было страшно смотреть, спичку поднеси — взорвется, хмурый, глаза прищурены, в них нехороший блеск, над скулами желваки ходят, не говорит, а бросается словами:

— Всем слушать, берете самое ценное, что сможете унести и отходите к тиру, там чисто, занимаете оборону, — и Змей протянул Глыбе винтовку Ласки. — Если не вернусь к утру, уходите на Юг, это направление они вряд ли перекроют, все. Возражения не принимаются. Тигра и Тень не подведите меня, следуйте за Глыбой.

— Вперед, — хрипло рявкнул Змей. Народ зашевелился оживая. — Глыба, ты понял меня? — Глыба набычился и сказал:

— Глыба понял. Глыба будет ждать. Змея не будет. Глыба утром уйдет, — громыхал гигант, едва не рыдая. Змей ударил его в плечо.

— Твоего друга не просто убить, верь, — сказал Оружейник, слегка разрядив ситуацию. Взял четыре лимонки, упаковал в целлофановые пакеты, рассовал по нагрудным карманам, снял ботинки и сиганул в воду, течение подхватило и понесло. Нырнул, вынырнув уже у другого берега, течением снесло туда, куда рассчитывал.

Под прикрытием дыма от горящих гаражей выполз на берег, как раз где сушились сети на вешалках. Рядом, у самой кромки воды, обнаружил сучковатого болвана, местная супербомба от жадности. Рыбколхозы частенько ставят хищнические заколы в местах захода рыбы, собирая почти всю, не давая ей отнереститься. Местным, конечно, это не нравятся и они запускают таких вот болванов, которые разогнавшись по течению, сносят все на своем пути: заколы, сети, мережи, разрывая, уничтожая дорогостоящие орудия лова. Тут же, для облегчения сталкивания в воду этого народного орудия борьбы, был устроен простейший слип — сбитые доски, под наклоном, уходящие в воду.

— Отлично, повезло, — прошипел Змей. Подполз к сетям, попробовал на прочность, — еще крепкие, подойдут, — сдернул.

В ближайшем гараже нашел то, что нужно, десятилитровую пластиковую канистру с Нигролом, какой же лодочный гараж без трансмиссионного масла, тут же вылил на себя все до капли.

— Кажется, здесь все, — обронил Змей и пополз к своему будущему средству передвижения. Накинул на торец бревна сети, закрепив за сучки, одно мелкоячеистое крыло, видимо бывшее когда-то частью бредя, кинул на середину и так же тщательно закрепил.

Стремительно темнело.

По воде плыли результаты ракетных ударов: пенопласт, деревянные куски сараев, ветки и различный техногенный мусор. Все было готово, да и время самое то, пора отправляться в плавание.

Змей достал из ножен «Аристократ», — извини старый друг, не хотел, но и тебе придется меняться, таков уж этот мир.

Положил на бревно нож, отрешился от всего, расфокусировал глаза и уже привычно скользнул в состояние Оружейки, взял нож тонкими призрачными руками, он уже видел

каким он будет: крепким, упругим с клеймом «Злого Клоуна» на пяте клинка и очень острой кромкой резанья.

— Будешь теперь «Темный Аристократ», — полюбовался клинком Змей, привычно разместив его не предплечье. Осмотрел себя, нож на месте, черный свет в кобуре за спиной, там же фляга с живчиком, кажется, можно выдвигаться.

— Умоетесь кровью нелюди, — угрожающе сказал Змей, и не без труда столкнув в воду массивное бревно, скользнул в течение сразу за ним, догнал, перевернул как следует и поднырнул под сеть, вцепившись в сучки, присоединился к плывущему по реке хламу.

Какое-то время Змей объезжал непослушного речного зверя, несущегося к устью. Получалось не очень, болван прибывало то к одному, то к другому берегу, сучки касались песка, и скорость сразу падала.

Пришлось перебраться еще немного дальше к задней части болвана, послушность заметно возросла. Теперь он уверенно держался на середине течения, мысленно готовясь к быстрым решениям и действиям, когда его вынесет на поворот. На выходе, воды реки бьются в рукотворную дамбу, поворачивая на девяносто градусов, предстояло вписаться.

Пользуясь набранной скоростью и массой, плавсредству удалось срезать угол и почти без снижения скорости войти в Финский залив.

Теперь, на фоне багрового заката, он отлично видел три судна, уже включивших судовые огни.

От пришедших посудин отделились две резинки под моторами, и пошли к берегу, в скорости пройдя совсем рядом с ним. “За добычей пошли суки”, - подумал Змей, посмотрев в след, резинки входили в устье Коваша, в то, что это план, и он последовательно осуществлялся, Змей уже не сомневался.

Воды реки тащили его еще приличное время, теперь и он служил небольшим водяным парусом.

Обратным курсом прошли всё те же две груженные резинки, и если бы не более светлый горизонт, он вряд ли бы увидел их. Наконец, под действием обычного невского течения, его стало сносить с курса.

Не беда, он был уже совсем рядом, одно судно явно было водолазным. Работа кипела, на корме рабочие, при помощи поворотной кран-балки, спускали приборы подводного освещения. В воде работали два аквалангиста, они были хорошо освещены.

— Что ж, речной друг, спасибо за помощь, — тихо сказал Змей и оттолкнулся от бревна, нырнул и поплыл, удерживая себя в темном секторе, в полной уверенности, что его вряд ли кто сможет увидеть. Вынырнул у правого борта, здесь было тихо и темно. Проплыл вдоль, судно было и вправду водолазным, метров тридцати пяти, с транцевой низкой кормой. Наблюдения за надстройкой Змея радовали. “Ба, да это еще те мореходы, вахтенного и того нет”.

Рабочие на корме, привычно поругиваясь, прямо сейчас при помощи поворотной кран-балки спускали в воду, немного переделанную водолазную беседку, видимо, для подъема грузов. Один аквалангист исследовал акваторию разброса обломков. Змей видел его фонарь, глубина на глаз была метров двадцать-двадцать пять, видимость хорошей не назовешь, яхта лежала на боку, разломившись надвое. Второй аквалангист принимал водолазную беседку, спускаемую на тросе.

— Майна, — закричал крановщик, и беседка пошла вниз, в глубину. Лучшего момента может и не представится, беседка ушла под воду не белее как на четыре метра.

Змей напал со спины, вонзив нож в незащищенную шею, утянув аквалангиста сразу на другую сторону судна, в темноту. Быстро сняв с покойника акваланг, ласты, маску, пояс и утяжелитель, отправил убитого по течению. Второго аквалангиста он просто ждал в темном секторе, тот плыл с фонарем к трапу, не доплыл, удар ножом в почку, и вырванный загубник шансов на глубине не оставляет. Змей подобрал с нулевой плавучестью фонарь, и поплыл к водолазному трапу. Подошедшему посветил в лицо, тот хоть и выругался, но руку протянул, Змей схватился, подтянулся и ударил под левый сосок, парень обмяк, навалился на трап.

— Эй, — закричал Змей. — Помогай, видишь вдвоем не вытянуть. Подбежал второй рабочий перегнулся, Змей подтянувшись за поручень и всадил нож по самую рукоять в яремную ямку, лезвие пробило горло насквозь, с легкостью перерубив шейные позвонки.

— За Ласку, суки, — жалости для тварей у него не было.

Прислушался, кроме шума работы двигателя и генераторной установки — ничего. Переполз на корму, разоблачился, скинул трупы за борт.

— Плывите на запад, черти, говорят там Ад.

Подполз к рубке, там, тихо переговариваясь, неспешно потягивая алкоголь:

— Колючий, как думаешь, долго здесь провозимся?

— Не знаю, завтрашний день покажет, глубина маленькая, думаю, дня за два управимся. Кран-балку починили, что нам теперь, поднимай и поднимай. Правда, водолазов у нас две смены. Надо бы завтра у Сильвера еще двоих выпросить, пусть в три смены пашут, глядишь, и пораньше вернемся.

— Может у этих попросить, пусть помогут, что за зря тут болтаются.

— Эти? Да ты что, они стул лишний раз не передвинут, воины ёшкин кот, тяжелей автомата в руках ничего не держали.

— Ладно, Колючий, давай еще по одной, — капитан водолазного судна был не против.

За звуком столкнувшихся стаканов с янтарной жидкостью, они слышали, кто-то, видимо из рабочих, громко ругался матом, иногда переходя на обычный русский:

— Сука ты сухопутная, и как ты умудрился сломать кран-балку, ведь только починили недавно! — капитан с боцманом вскочили и ринулись из рубки. Капитан судна не успел понять, почему упал его боцман, как и для него свет потух.

— За Дока, твари, — процедил сквозь зубы Змей, вытирая об убитых клинок.

Открутил крышку фляги, глотнул живчика — хорошо, тепло стало. Осмотрелся, два судна, стоявшие чуть в отдалении, встали борт в борт, от туда слышалась музыка, похоже, гуляют, сволочи. «Ну да ладно, и до Вас доберемся».

— Ладно, двигаем дальше, где-то должна быть смена. Смену нашел в самых крайних каютах, умерли быстро. Осмотрелся Оком, на судне живых не было, зато живые были в низу, на Яхте. Дыханье сперло, Змей быстро напялил чужой гидрокостюм, поверх накиннул свой комбез, быстро дошел до трапа, надел акваланг и все остальное. И лишь когда взялся за поручни, понял, что на ногах и ничего не болит. “Чудеса, и они мне очень нравятся”, - подумал Змей, привычно прыгнул, сгруппировался и спиной вошел в воду.

По тросу быстро спустился к Яхте, с флагштока забрал стяг братства. Носовая часть была приподнята и перевернута килем вверх. Подплыл к убитому аквалангисту? тот лежал на грунте, снял с него оборудование. Вошел в обломки, над головой шел центральный коридор нижней палубы, вот и вход в трюм, широкий люк с трапом, там же воздушный пузырь.

“Как бы не схлопотать по голове”, - подумал Змей, достал стяг братства, расправил над

собой, оборудование пришлось отпустить, пузыри его дыхательной деятельности быстро подняли полотнище. Он услышал гулкие звуки, значит, заметили, кричат что-то. Подобрал акваланг и стал всплывать.

На него смотрели дула двух винтовок. Змей убрал загубник.

— Рад Вас видеть среди живых, дорогие, — это были Чума и Мамба. Выбрался. Его обнимали и целовали, как родного, не смотря на нигрол. Надо же, почти голые, а Выхлопы свои сохранили.

Девчата ни чего не говорили за остальных, понимали.

— Замерзли?

— Очень, — девушки были в обычных тонких футболках на голое тело, удар застал их в постелях. Змей протянул флягу с живчиком.

— Выпить и растереться, — девчата жеманится не стали, — “Молодцы”, - подумал Змей, пытаясь не смотреть на очень привлекательное зрелище.

Снял с себя акваланг и подтянул второй.

Теперь одевайте это, теплее вряд ли станет, но зато дышать будет чем.

— А как же Вы, капитан? — Чума и Мамба были явно не согласны на такой размен.

— За меня не переживайте, у меня привычка, глубина двадцать метров это детский пляж! Кто-нибудь из Вас плавал с аквалангом? — Мамба с Чумой отрицательно покачали головами. — Вот, заодно и пройдете курс молодого подводника. Очень опасного на такой глубине ничего нет, только свой страх, главное дышать равномерно, и не поддаваться панике, — и Змей объяснил по-быстрому общие принципы плавания с аквалангом.

— Плыдем спокойно, без спешки, первый я, следом Мамба, Чума замыкающая. У меня фонарь, так что будет все видно на выходе освещение, выходим из обломка, всплываем. На поверхности три судна, то, которое над нами, опасности не представляет, с остальными еще придется поработать. Все, двигаемся.

Змей несколько раз шумно провентилировал легкие, глубоко вдохнул и ушел в воду, Мамба с Чумой обнялись и по очереди последовали за капитаном. Все прошло штатно, всплыли. Девчата, убрав загубники, улыбались — как же приятно опять увидеть звездное небо, почувствовать дыхание природы. Змей рукой указал на трап. Девушек сильно удивило, как сноровисто капитан, буквально взлетел по трапу и помог еще им взобраться.

Ощущая на себе удивленные взгляды спасенных, Змей предвосхищая вопросы, сказал:

— Сам, как с полчаса, удивляюсь, похоже, немощь моя вместе с командой этого судна дрейфует трупом на запад.

— Поздравляем, Змей.

— Спасибо, — едва сохраняя здравомыслие, — сказал Змей, зажатый с двух сторон прекрасными Валькириями. Выход нашелся: Сколько у Вас выстрелов осталось? спросил Змей.

— Пять, — сказала Мамба.

— Пять, — ответила Чума.

— Хорошо, марш одеваться, здесь полно водолазного оборудования, скорей всего и гидрокостюмы разных размеров найдутся, подходящую одежду тоже берите, поверх оденете.

— Что, такими не нравимся? — спросила со вызовом Чума.

Змей порадовался. «Похоже отошли и в порядке, раз такие вопросы задают».

— В том то и дело, что очень нравитесь, вот только долги у нас здесь кровные образовались, отдать сторицей требуется. — Мамба с Чумой без дальнейших пререканий

убежали рыскать по судну.

Змей поднялся в рубку, то, что нужно попало на глаза сразу — бинокль. Вышел на палубу и внимательно осмотрел оставшихся два судна.

— Ого, да это новые Катраны — отличные патрульные катера, кажется, проект 20970, да и старые 205 были хоть куда. На левом катере пьянка продолжалась и похоже набирала обороты, — Испохабили, суки, великолепные посудины. Спустился на корму, девушки приоделись, утеплились и теперь самозабвенно чистили оружие.

— Думаю, — обронил Змей, эти Выхлопы в чистке не нуждаются.

— Привычка, — обмолвилась Чума. Змей кивнул.

— Занимайте позиции. Чума ты на верхней палубе, Мамба ты здесь на корме, патроны беречь, выстрел — это крайний случай, помимо, периодически вести наблюдение акватории. Выполнять!

— Есть. — Змей снял со стенда багор, выбил черенок, привязал к кольцу мягкий фал, навязал на нем узлы, обмотал сам железный крюк тряпками, теми, что попались под руки, помахал девушкам рукой и сиганул за борт. Плыл под водой быстро, радость великая нагружать полностью слушающиеся тебя ноги. Вынырнул у кайнего Катрана, на нем никто не горланил песни, не ругался матом и не блевал за борт, обернулся к Водолазнику, послал «Окей» зная, что наблюдают, что волнуются. Еще с воды определил — на судне четыре человека. Поплыл вдоль борта, на корму кинул кошку, лязгнуло не сильно, шум гулянки с соседнего Катрана заглушил бы и не такое. Забрался с кормы, снял ласты и маску, прокрался в надстройку, запах перегара чувствовался даже здесь. Четверых нашел, где и ожидал, в кают-компании в отключке, перебил всех как курят. Достал лимонки, вынул из целлофана. Нарезал полос из «Горки» одно из убитых, связал лимонки по две.

Прокрался на соседнее судно по трапу, он предательски поскрипывал, спешил своих предупредить, зараза. Да ни кто не услышал, не до того было, у правого борта вцепившись намертво в поручни, происходило очное состязание — кто больше нагадит в море, орально. Змей подошел вплотную.

— Братва, плохо Вам?

— Даааа, — не членораздельно зарычали оба.

— Дай помогу, — два быстрых удара и трупы полетели за борт.

Проверил Оком. В кают-компании все сливалось в сплошной красный свет, забились, как кильки в банку. А то, что было ниже, в трюме, заставило учащенно забиться сердце.

“Пленные, точно пленные, позы неестественно скрученные, подсвечивались зеленым. Быстро дошел до кают-компании, от табачного дыма видимости почти никакой. Не раздумывая выдернул две чеки, вбросил, укрылся, гроыхнуло. Почувствовал как поколебалось судно, выждал несколько секунд, вбросил следующую заготовку, гроыхнуло.

— Охренеть, — потряс головой, — даже здесь, в коридоре, оглушило.

Вошел, видимости ноль, начинается пожар, посмотрел Оком, нашел раненых, добил. Метнулся к трюму, от туда уже кричали, обозначая свое местонахождение. Голос узнал сразу — Ласка. “Быстро сообразила, молодец девочка!” — на душе потеплело. В трюме обнаружил связанными Дока, Паромщика и Ласку.

— Привет, горемыки, быстро наверх, на судне пожар, — прокричал Змей, разрезая веревки. — Бежим на соседнее судно, — орал Змей, бегущий последним.

Явного всеобъемлющего пожара пока не было, но его грозный дух уже ощущался.

Перебежав по трапу, Змей услышал работу мощного лодочного двигателя, оглянулся, к

ним на всех порах приближался скоростной катер, уже закладывая вираж ухода.

— Вот же сука, обнаружили — и тут же взрыв, загоревшаяся лодка подлетела, перевернулась в воздухе и врезалась в воду, подняв фонтаны брызг, запылала.

— Молодцы, — восхитился Змей, посмотрев на Водолазника, поднял руку с оттопыренным большим пальцем.

Тут же подсветила себя Чума, жестами показав «Поторопись! Враг!» — указав на восток, фонарик потух. Змей буквально взлетел в рубку, Ласка сильно отстала, удивляясь, настолько стремительно это проделал Капитан, ранее способный разве что на несколько десятков неуверенных шагов.

Змей запустил двигатель, ракетный катер ожил, загорелись десятки огней, подсветка, засветились экраны, включил нужные системы, привел катер в боевую готовность. Радар показал: от Кронштадта в их сторону движется до двух десятков маломерных судов.

— Ласка, за мной, — на корме обнявшись, сидели Док и Паромщик. — Так, парни, Ласка, грузитесь по быстрому на резинку и на всех силах идете к тому судну, там Мамба и Чума, забираете их и в берег, я буду чуть позже. Ясно?

— Так точно, капитан.

Змей побежал обратно в рубку. Еще услышал, как завелся двигатель резинки.

Протестировал вооружение, две установки ЗАК (Зенитный пушечный комплекс) Дуэты исправны, боезапас полный. Два ракетных комплекса Уран-Э исправлены, все шестнадцать ракет Х — 35 готовы к пуску.

— Ошизеть, сила-то какая, — не стандартная комплектация порадовала. Посмотрел на экран радара, до них было шестнадцать миль. “Еще есть время, а вот мили три — предел, мертвая зона для ракетных установок”. Сразу перевел Дуэты в автоматический режим.

Змей посмотрел на Водолаза.

— Вот же муравьи, ни с чем не расстанутся, — с улыбкой проговорил Змей, наблюдая погрузку ценностей.

Пифия встала с постели, умылась, привела себя в порядок перед большим овальным зеркалом, надела брутальные черные с синевой кожаные штаны в обтяжку, высокие сапоги и легкую, тонкую, кожаную косоворотку в тон, на шею алый летний шарф. Осмотрев себя, осталась довольной. Неспешно поднялась на маяк. Она любила бывать здесь, высоко, вид шикарный: Ораниенбаум, Петродворец, Кронштадт как на ладони, и конечно, Финский залив. Пифия заварила себе чаю, налила в фарфоровую белую чашечку на блюде и уселась в глубокое, удобное кресло, всматриваясь в темноту, будто смотря на занавес.

Змей поднял якорь и дал полный задний, а затем полный вперед, двигатели оглушительно взревели, раздался треск, трап разорвало, швартовыми канатами снесло перила и сорвало кнехты. Катран быстро набирал скорость. Капитан заложил вправо, включил громкую связь на полную, громкоговорители на всю Копорскую губу рявкнули:

«Внимание! Всем Злым Клоунам, Всем Злым Клонам! Срочно покинуть акваторию, срочно покинуть акваторию». Тут же, на развороте, раздался сдвоенный треск Дуэтов. По нему падали из ракет, не долетело даже осколка. Встав на боевой курс, обозначил цели, нет-нет да и потрескивали ободряюще Дуэты — четыре шестиствольных пушки та еще защита.

— Жрите макароны по-флотски в Аду, черти, за наших! — и нажал пуск.

Четырнадцать крылатых ракет почти залпом стартовали, судно зашкивало, из рубки просматривался сплошной огненный вал рвущийся куда-то вперед.

— Вот это сила, силища, — заорал Змей, как безумный. В момент, квадрат, где только

что находились враги, превратился в филиал пекла. Змей подошел поближе, развернулся бортом, переключил Дуэты на ручное управление и добавил до полной выработки боеприпаса к окончательной радости старухи с косой.

В Ораниенбауме и Кронштадте было тревожно, мало кто спал, канонада не давала, были подняты по тревоге все, кто мог держать оружие, многие залезли на крыши, дабы получше увидеть пожарище.

Она встала, подошла к стеклу, прислонилась, восхищенно созерцая на западе огненную феерию, будто солнце сегодня решило встать на западе, а не на востоке.

— Вот ты уже близко. Жду не дождусь, — пошептала Пифия с мыса Бакенов.

Удовлетворенный проделанной работой Змей по дуге уходил обратно, в транспортно-пусковых контейнерах оставалось еще две ракеты, обозначив целью Водолазника, дал залп. Взрывы осветили всю Копорскую дугу. Встал на курс — в борт уже дымившего ракетного катера, по всему, огонь до арсенала еще не добрался.

— Поможем ненасытному, — сказал Змей, дав полный вперед. Двигатель ревел, как зверь, судно набирало сумасшедшую скорость, узлов пятьдесят — пятьдесят пять будет, — определил Змей. Когда до столкновения оставалось секунд шесть — семь, Змей покинул рубку, с разбега прыгнув за борт, уходя под водой все дальше и дальше на пределе своих возможностей. Ожидаемый взрыв осветил, Змей даже дно увидел. Рядом в воду входили обломки, без проблем уйти не удалось, что-то пропоролло плечо, он уходил все дальше от разрывов, рвались арсеналы обоих ракетных катеров.

— Ушел, — понял Змей, выгребая кролем, когда рядом перестали ложиться куски металла, он услышал работу двигателя. К нему шла резинка, на ней Паромщик и Док.

Змей перевалился за борт, Паромщик развернулся и припустил к берегу.

— Капитан, ты человек или демон? — Змей улыбнулся, он устал, очень устал, даже разговаривать было лень. — Все же человек, — удивленно сделал вывод Док, осматривая рану в плече капитана.

На крыше тира стоял Глыба, на плече которого примостилась Тигра, Тень стоял столбиком, ухватившись за волосы, рядом стояли Пересол и Недосол, все вздрагивали при каждом взрыве.

Глыба, как молитву, повторял и повторял:

— Змей выживет. Змей выживет. Змей обещал.

Глава шестнадцатая Кровавый туман

— Чего же так хреново? Во рту будто мартовские кошки нагадили. — Сильвер не глядя, на ощупь, в чередке пустых бутылок нашел недобитую. Приложился, не на шутку напуганная жизнь вроде вернулась обратно, в тело.

Сильвер едва разлепил глаза: “Сколько же мы ночью выпили, — он тряхнул головой, — в той жизни точно бы лежали уже с биркой на ноге. Зря тряс, стало только хуже”.

Урф лежал недалече всхрапывая.

“Вот же втравил, гад подколодный. Может прибить его сейчас и все, и концы и воду с железной балкой на шее. Нет, не сейчас, вдвоем, как ни крути, легче. Завязли мы оба, как мухи в меде, захотелось сладкого и сразу, вот Вам по морде и сладкое, вот Вам и сразу, вот Вам и доходное”.

Мутило страшно, Сильвер знал одно дельное средство, переданное по наследству его предшественником, царство ему небесное. Сильвер встал и покачиваясь вышел из Эллинга, прошел немного по навалу прибрежных камней, вошел прямо в одежде в прохладную до дрожи воду, дошел до Похмельного камня и уселся на специально выбитую ступень, будто в кресло погрузившись по шею, прилив колыхал руки и ноги.

— Ух, хорошо, мысли сразу просветлели, мутило отошло, нет оно просто утопло. Пробрало, как говорится, до мозга костей. На южной стороне глаз зацепился за маяк на мысе бакенном.

— Пифия, — выдохнул Сильвер, губы посинели, его трясло.

— Все из-за тебя, все из-за тебя, душа моя. Жди-жди все равно ты будешь моей, или сдохнешь, другого не дано.

Под прилив и эту стылую, свежую водицу с Балтики, вспомнилось: сколько он унижался, сколько задабривал, сколько ставил условий, сколько пугал, сколько пытался похитить ее, все тщетно.

Обладание ею, давно стала его навязчивой идеей. И у него оставалось всего два варианта, на которые он ставил все, это разбогатеть, как Крез и разорить ее, или убить, имея огромные деньги и на Пифию найдется клинок.

Разбогатеть — в очередной раз сорвалось.

— Нет, еще не все потеряно, — подбодрил себя Сильвер. — Что случилось, да расходы, да потери. Чего не бывает в жизни, получается, с этим Змеем в лоб нельзя. Значит, пробуем по-другому.

А мы не будем ему мешать, пусть идет свободно в Рамбов, это уже не наше дело, Церберы дали слово, пусть теперь у них голова болит за этого Змея «ни дна ему, ни крышишки».

— Пожалуй, хватит. Спасибо, Похмельный камень, — и встав, Сильвер побрел к берегу, выйдя из воды, оглянулся, погрозив далекому маяку.

Весь остаток этой ночи Пифия так и просидела в задумчивости, в своем удобном кресле на Маяке, наблюдая бегство ночи и рождение зари.

Предрассветный туман, клубясь мороком-пеленой, затопил все вокруг, устояли под натиском этой серой реки лишь купола Соборов Архангела Михаила в Ораниенбауме и Морского Никольского в Кронштадте. Первые лучи будто ударили в эти золотые колокола, и

от них свет, золотыми брызгами, разлетелся во все стороны — родился новый день.

— Вот и утро, — сказала Пифия, грациозно потягиваясь и улыбаясь. — Хорошо-то как, сегодня многое нужно успеть. Но сначала вздремнуть пару часов не помешает.

Пифия направилась в спальню, по пути из вазочки зачем-то прихватив с собой большой оранжевый апельсин, на мгновение подумав где ты сейчас Змей...

Вошли в Коваш, река куталась в туман.

- “Светает” — сказал Змей. — Тихий ход.

Без приключений дошли до места. Паромщик сбавил газ, в воде стояли люди, его люди. Подошли на самом малом. — Ставь на нейтраль, не глуши, — движка почти не было слышно, он лишь побулькивал слегка.

Лодку обступили, каждый хотел выразить Змею свою радость от встречи. Ласка на всех шикала:

— Тише вы, тише, кругом твари, — укрывшиеся, то ли в реке, то ли в тумане, тихо радовались, что живы, что вместе обнимались, подбадривая друг друга.

— Твердыня! — обрадовался Змей. — Как ты? — Твердыня пожал плечами.

— Выбросило взрывом, очухался в воде, долго нырял и плыл и так до берега, ночью шел по воде, вдоль береговой линии, любовался вашей работой.

— Ты молодец, парень живучий, и вправду твердыня, — сказал Змей. Ни кого из наших не видел?

— Нет, капитан, — тихо сказал Твердыня, опустив голову. Змей кивнул, понимая, обратился к Ласке:

— Ласка, почему в воде? Твари?

— Да, капитан, решили не рисковать, после такого шума из Соснового Бора все монстры на побережье двинули, хорошо, нас река от большинства зараженных отсекает. Капитан, а где моя винтовка?

— Кто о чем, а вшивый о бане, у Глыбы винтовка, а он, поверь, не из растерях.

— Ну, хватит ноги мочить, грузимся. Паромщик, нам еще два поворота вверх по течению, а там и до Тира рукой подать, метров двести-триста всего будет.

Прошли по реке максимально тихо, только в одном месте, у гаражей, увидели трех бегунов, они заинтересовано включились в погоню за ними, по берегу, подпрыгивая от нетерпения, с вожделием посматривая на тех, кто в лодке. Проходя очередные лодочные гаражи, к бегунам присоединился Лотерейщик и возглавил преследование.

— Да у нас тут целый эскорт образовался. Чума, Мамба, уберите этих фанатов, слишком много шума создают. Бестики как бежали, так и легли друг за другом.

Выше по течению туман уплотнился, скрыв берега, создавая пугающую иллюзию, что они находятся в каком-то безбрежном, таинственном океане, на этой уютной перегруженной лодчонке. Хотя, паромщик уверенно вел моторку, ориентируясь, не иначе, как, используя свой дар.

За вторым поворотом реки Змей указал направление. Паромщик убрал газ, и они плавн уткнулись носом катера в заросший берег меж двух огромных валунов. Змей показал паромщику большой палец, прошептал:

— Выше всяких похвал, рулевой. — Змей призвал всех к внимательности и соблюдению тишины, прошептал:

— Тир недалеко, если бы не туман, он был бы у нас в прямой видимости, а тварей и вправду много, по тихому готовим оружие к бою. Нужно спешить, при достаточной

видимости нам здесь не пройти — все поляжем.

Змей тряхнул флягой. — Каждому по глотку, — и пустил флягу по кругу.

— Идем колонной по одному, первый я, за мной Док и Паромщик за ними Мамба, Твердыня, Ласка, замыкающая Чума. Пять шагов, интервал протяженностью пять ударов сердца, если выстрел, интервал десять ударов сердца. Поклажу придется оставить в лодке, берем только боеприпасы и личное оружие. По светлomu дай бог вернемся сюда. Стрелковым работает только Мамба, Чума и я. Остальные, держите себя в узде, шум — смерть наша, если набегут нам не выдержать навала, слишком их много вокруг. Трофеи собираем, если позволит обстановка.

— Ласка, — и Змей протянул ей свой нож, — доверяю тебе Аристократа, этот бравый парень со мной уже как лет двадцать, так что береги. — Ласка кивнула, любуясь ножом.

— Ваше оружие, капитан, как всегда бесподобно, не опозорю.

Выстроились в колонну по одному.

— Попрыгали, — все хорошо ни у кого ничего не брэнчало. — Вперед, — сказал Змей, и они пошли в след за своим командиром.

Пять шагов отдых, пять шагов отдых, реальной видимости метров на десять. Они петляли, иногда под девяносто градусов уходили с предыдущего курса, страшно подумать, что бы они в этом туманном болоте смогли бы сделать, не будь с ними капитана, пожалуй, лишь Паромщик еще как-то здесь ориентировался. Показалось, что они вот так, зигзагами, на цыпочках и дойдут до места.

Вышли на ровную, бетонную площадку, прошли немного. Змей резко остановился, обозначив «Замри», повел головой вправо, своим видом всех озадачив, оказывается он вел их, не отрывая глаз.

Все услышали урчание, и звуки, будто кто-то шумно принохивается. Тишину разорвал топот, словно лошади в галопе несутся. Змей вскинул пистолет, три тихих хлопка слившиеся в очередь. Из мглы выпали три отвратительные туши, следом выстрелила Чума, тварь упала буквально, у ее ног, одновременно Мамба пальнула навскидку, пугалище рухнуло поодаль. Все тревожно замерли.

— Топтуны, — с опасением прошептала Ласка. — Вместе, и сразу пять штук. Змей, рядом кто-то очень серьезный.

— Трое, ходят по кругу, — так же тихо ответил Змей. Один большой и два помельче. Остальные твари будто исчезли, нет их рядом.

Ласка кивнула головой:

— Низшие уходят, когда высший охотится.

— Вот же невезуха, мы от тира в метрах ста. Всем приготовиться. Они остановились, явно нас чувят, — и Змей указал направление, медленно смещаясь в центр, Мамба с Чумой встали с флангов, остальные члены группы перешли за их спины.

Момент нападения он упустил, Змей даже не представлял, что эти твари будут столь стремительны, двоих прислужников он отслеживал, а вот сильнейшая, она будто испарилась, лишь повинувшись какому-то наитию, он зарядил очередь над головой, успев крикнуть:

— В рассыпную!

Попал. Он это чувствовал, очередь из Черного света будто половину силы из него выжгла. Огромная Тварь, с хорошего быка, еще в воздухе оглушающее заревев, рухнула там, где он только что стоял, зацепив и его, вспоров бетон когтями.

Из ее широченной груди пульсируя брызгала кровь. Время будто остановилось. В голове

медленно, очень медленно отдавались удары сердца. В этом тягучем, замедлившемся мире, раненая Тварь быстро вскочила, и если бы не Ласка — быть ему порезанным на куски.

Ласка, лентой проскользнула меж махающих лап разъярённой твари, в прыжке всадила монстру в шею Аристократ.

Чудовище на обратном движении откинуло ее, будто ужалившую осу. Этой паузы Змею, Чуме и Мамбе хватило, что бы наштамповать бронированную башку твари стальными зарядами. Страшное, пугающее зрелище, когда от головы Чудовища отлетают целые куски черепа и мозгов, а оно еще живет, уже не видит, уже не слышит, а беснуется, режет бетон как картон, пытаясь разорвать, уничтожить все вокруг, и достать хоть кого-нибудь из обидчиков.

Здесь, в этом кровавом месиве и разлетающихся кусков бетона, они потеряли Паромщика, тварь снесла ему голову, и почувствовав, что зацепила кого-то из иммунных, изрубил его в нет, перемешав с бетоном, даже хоронить нечего. Вот тут ее и положил Змей, в упор выстрелив в спортивный мешок, сам упал рядом на колени, истекая кровью.

Змей посмотрел на себя, через всю грудь, как перевязь, от ключицы до тазовой кости шли четыре глубоких разреза. “Как только живот не вскрыла, чувствую себя, как будто умер, встать не могу” — подумал отрешенно Змей.

Подбежал Док, уложил на спину.

— Что у тебя? Ух ты, — выдохнул Док, увидев раны. Ничего ничего, похоже, регенерация у тебя, Кэп, отменная, вон уже кровь не сочится. — Док снял фляжку с живчиком, дал сделать небольшой глоток, остатки вылил на раны. Змей скривился от боли, но голоса не подал, живчик помог, вернув крохи сил, он хотя бы мог говорить. Тут подошел Твердыня, неся на плече Ласку, положив ее рядом. Змей разлепил губы.

— Твердыня, соболезную, Паромщик был хорошим другом, простите, не уберег. — Твердыня кивнул.

— Не стоит, капитан, это Стикс, а не Подмосковье.

— Что с ней? — промямлил Змей, во рту, будто камни мешали языком ворочать, полное бессилие.

— Жива, — прохрипел Твердыня, — Элитник ударил ее сильно, но ран на теле нет, дышит.

Док вынул из носка маленький, плоский, стеклянный флакончик.

— Это лайт-спек с моей наработкой, очень сильное средство, извини Змей, без спроса взял твой янтарь. Бес Алхимический попугал, никогда не держал в руках янтарный монолит, вот и не удержался. Там, еще на Яхте выгнал. Всего-то кроху отломил.

— Отставить, — едва слышно прошептал Змей. У нас нет, твое мое. Делай что нужно Док.

Айболит раскрыл рот Ласке и вкапал три капли из крохотного пузырька. Ласка глубоко вдохнула, ее выгнуло несколько раз, будто током приложило, она закашлялась, лицо жутко покраснело, девушка резко села, не понимая глядя на всех. Когда, наконец, воспоминания настигли ее, Ласка в мгновение ока метнулась к Элитнику, выдернув из шеи Монстра нож, вернулась. Упала на колени рядом со Змеем, нагнулась, не обращая на его раны ни какого внимания, и пользуясь его незащищенностью, поцеловала. С сожалением оторвавшись, горько вздохнула, сказав:

— Спасибо, капитан, от всех нас спасибо, если бы не ваше оружие, Оружейник, всех бы нас схарчили здесь.

Мамба с Чумой не согласились со своей подругой, и грубо отеснили Ласку с

Айболитом от тела Капитана.

— Извини, Док, — сказала Чума, — отдохни минуту, подумай над будущими экспериментами, а ты, Ласка, за нас наши благодарности не раздавай, дай и нам сами насладиться этим, пока Кэп беспомощный, а то в обычном состоянии он как полоз, его голыми руками не возьмешь. И опять же надо как-то боевой дух поднимать.

Каждая из девушек приложилась, наградив Змея долгим поцелуем. Пока подруги занимались, как думала Ласка, этим заслуженным делом, она выпотрошила Элитника, Руберов и Топтунов.

— Хорош, хорош, боевой дух поднимать — закипел Док, когда девушки решили повторить с благодарностью, Айболит с Твердыней не без труда оттащили ненасытных от Змея.

— Ну вот, а то эта Ваша благодарность к главе клана, как то начинает напоминать начало фильма для взрослых с элементами ужаса, давя улыбки сказал Док. Тут подросла Ласка.

— Народ, — заявила она. — Представляете, сто семьдесят восемь споранов, шестьдесят три гороха, жменя узелкового янтаря и четыре жемчужины: две красных, две черных и еще одна черная расколота, думаю, выстрелом Змея. Подпорченная жемчужина, наверное, Доку пойдет на опыты.

Док тут же предельно заинтересовано переключился, напрочь позабыв о Змее, закивал головой, как болванчик, мол подойдет, конечно подойдет, очень даже подойдет.

— Я тут думал растолочь жемчужину и... Его никто не слушал и даже, похоже, не видел, кто же слушает этих странных ученых, да еще в таких обстоятельствах.

— Представляете, — продолжала шёпотом тараторить Ласка, — Стечкин Змея это вообще что-то запредельное, оружие бога какое-то, все попадания в элитника сквозные, представляете, он бестию в тонну весом в решето превратил и это из пистолета.

Все посмотрели на беспомощного Змея. Злое выражение лица ему ни сколько не помогло, он так и лежал, как бревно.

— Может он и правду из этих, — и Чума ткнула в небо, — из небожителей.

Надо было что-то делать, Змей даже не понял как, но видимо от поцелуев силы поднабрался, удалось, пнул ногой Айболита, мол, тут один из небожителей погибает, а они лясы точат. К сожалению, пинок не удалось повторить.

Док очнулся от грез будущих экспериментов, засуетился, проверил пульс, посмотрел зрачки, зачем-то осмотрел ротовую полость и по капле влил в Змея эту эссенцию.

Оружейнику за свою долгую и непростую жизнь всякие жидкости приходилось пробовать, но столь ярких, острых, и таких шизанутых никогда, будто в рот попало три до невозможности сладких капли магмы, жидкий, сладкий огонь будто разом вскипятит всю жидкость в его теле. И он унесся куда-то в темноту, а потом свет маяка и он рванул к нему. И стал узнавать местность — это же Ораниенбаум, вот Транзитка, вот Угольная стенка, где еще мальчишкой он ловил здоровенных лещей, а вот и Рыбный порт и небольшой бетонный мыс бакенный с новым Мощным Маяком и красивым домом на самом краю, где одно из окон светилось более ярко, чем сам Маяк и он проник туда, как мотылек летящий на яркий свет.

Он увидел удивительно красивую девушку, лежащую на огромном ложе почти обнажённой, если за «почти» считать тонкий, прозрачный пеньюар. Красавица манила его руками, рядом на белоснежной посетели лежал большой оранжевый апельсин.

— Иди домой, Змей. Преград нет. Иди домой.

Похоже, его трясло сильнее, чем давеча Ласку, потому что держали его все разом. А вот за пах то зачем держать, ну девки бедовые, отплачу.

Микстура Дока кажется начала действовать и в положительную сторону, его отпустило, а от крайнего изнеможения, боли, неуверенности и желаний поест, поспать в миг только пепел остался.

Змея передернуло несколько раз, вспомнился вкус этой огненной микстуры попавший в рот, он приподнялся, посмотрел на грудь, ужасных глубоких разрезов не было, только одежда в клочки и покрытые корочкой раны в сантиметр шириной в прорехах, встал на ноги.

Девушки, как будто ничего и не было, рыскали взглядами по туману, держа наизготовку оружие. Змей покачал головой.

— Капитан, как Вам зелье, правда бомба? — спросил Док.

— Это точно! Атомная! А эта бомба, наверное, и от косоглазия лечит?

— Моя эксклюзивная разработка — Лайт-спек Айболита, конечно лечит. А причем тут косоглазие, Кэп, — удивился Док.

— Просто, Док, если ты еще меня в темную используешь, у тебя навсегда разовьется косоглазие — это я обещаю, и вся надежда будет только на твое эксклюзивное зелье.

— Простите меня, капитан, это все от излишнего рвения. И за янтарь и за использование в эксперименте, — пристал, как репей, со своими извинениями Айболит.

“Вот же душный какой, и точно его нужно в башню. А то погибну в рассвете сил в каком-нибудь очередном его эксперименте”.

— Даже не думай, Док, считай, что это было мной одобрено, но лучше впредь всегда ставь меня в известность, ученому, тем более алхимику, грех отказывать. — Док с благодарностью глянул на капитана и в нем горел фанатичный огонь первооткрывателя.

— Понял, капитан.

Змей обратил свой взор на девушек.

— А Вам, красавицы мои, при случае, я сполна той же монетой отплачу. Перезарядить оружие.

— Все пугаете, Кэп, уж и оплатили бы, и вправду, чего все откладывать да откладывать.

Он подошел к сражённому элитнику, хотелось посмотреть на чудовище, сам только внешний вид сраженной Монстры впечатлял. “И как им только удалось выжить в этом противостоянии — удивительно. Этаким бронированный бычище, вместо копыт лапы с когтями-кинжалами, рвущими бетон, как бумагу. Как выжить людям рядом с такими монстрами?” — ответа на свой же вопрос у Змея не было. Он нагнулся и вырезал Аристократом когти твари, пришлось потрудиться, попотеть, сталь Аристократа с трудом пилила кость Элитника.

Ласка с Доком присели рядом. Девушка просто с интересом, док с пониманием, душа новатора чувствует брата по крови.

— Кэп, зачем Вам это? — спросила Ласка.

— Думаю, хорошее оружие получится из этого материала.

— Тихо, — пресек ее Змей и осмотрел Оком окружающее пространство. — Твари возвращаются, уходим. Стройся в том же порядке.

И они пошли, за считанные минуты дойдя до тира.

Рассвет наступал стремительно, с первыми лучами солнца и туман поредел, истончился

и пропал. Змей про себя выругался, им оставалось лишь обогнуть Тир, а там спасительная люлька. Путь преграждала, почти в прямой видимости целая армия тварей — “И откуда столько?” — удивился Змей.

— Орда, с запада новая саранча, — на ухо прошептав, просветила Ласка. — Да, попали мы, Кэп, как кура во щи, попали.

«Замереть», «Присесть» — жестом скомандовал Змей. Сверху упал маленький камушек, Змей глянул, увидев улыбающегося Глыбу, к ним на веревке спускался мешок, там оказался Выхлоп Ласки и штук десять магазинов к нему, его перевязь с ПП 2000 с пятью набитыми магазинами, и полная фляжка с живчиком. Живчик тут же пустили по кругу. Стало веселей.

— Ласка, — тихо позвал Змей, передавая ей Выхлоп. Девушка вцепилась в него словно клещ, благодарно послав поцелуй Глыбе, хорошо остальные не додумалась это повторить, Глыба бы точно упал с парашюта. Разобрали магазины.

— Твердыня, приготовься, сейчас обяжем тебя, Глыба поднимет, там безопасно, — Твердыня видимо хотел как-то возразить. Змей отрицательно покачал головой, — без обид, Твердыня, ты самый неподготовленный из нас, я не имею права рисковать, и нам легче будет, поверь.

Твердыня все понял, не стал возражать. Из мешка быстро сделали сиденье, обвязали Твердыню веревкой. Змей подал сигнал Глыбе, и Фортификатора потащило вверх. Повезло, твари не заметили.

— Следом пойдешь ты, Док, алхимики самые ценные специалисты, мы не имеем права рисковать ученым, — против подобных высказываний у Дока не нашлось аргумента. С его подъёмом тоже прошло все гладко.

— Нужно поговорить, — тихо сказал Змей. Сбились в кучу, голова к голове. — Подъёма здесь больше не будет, вопросы.

— Почему, Кэп? Ведь повезло, получилось, — спросила Мамба.

— Повезло, — согласился Змей, — заодно и слабое звено убрали. А вот каждый последующий подъем сильно сокращает шансы оставшихся на выживание. Теперь по предстоящему бою. Нам и на пять метров не сдвинуться, засекут. Значит, начинаем первыми, в скрытом режиме, сколько сможем положить, столько и положим. У меня ПП 2000 он намного шумней Ваших Выхлопов. Поэтому тихо сидим на месте, я заряжаю магазины, Вы стреляете. Патронов у нас завались, не жалеем. Начинаем отстрел с дальних, так они сразу не сообразят что происходит, опять же голод, своих жрать начнут, запах крови будет подальше от нас — еще один плюс. И еще, там у Глыбы наверху должно быть несколько крупнокалиберных Кордов, так что если что, он поддержит. Начали!

Первые твари упали, они стреляли и стреляли — это напоминало конвейер, Змей едва успевал снаряжать магазины. Среди тварей начались драки за падших, поднялся истошный визг и вой, а твари падали и падали, в орде воцарился хаос, их всех накрыло пищевое безумие, зараженные уже рвали друг друга не разбираясь.

— Отдыхаем, — сказал Змей. — Они пока сами с собой справляются.

— Кэп, давай по живчику, а? Думала, что происходящее там, в кровавом тумане, будет самыми страшным из моих воспоминаний, сильно ошибалась, — сказала Чума. Змей отстегнул флягу, все выпили по глотку. Змей посмотрел на поле боя, где резвилась сама смерть, хаос только нарастал. Твари сбились в плотную мешанину и рвали друга на куски.

— За мной! — скомандовал Змей и пополз щурясь от боли, стрелки устремились за ним. За углом поднялись на ноги и поспешили к спускающейся люльке, где находился Глыба

со своим Печенегом наизготовку и какой-то двухметровой трубой за спиной, на плече Тигра, рядом Тень. Змей получил такой заряд радости и обожания, исходивший от хвостатых друзей, который едва не сбил его с ног. Парочка быстро перебралась к Оружейнику, радостно попискивая, Тигра, как большая собака, прижималась к ноге, иногда покусывали его руку. “Вот это зубы” — подивился Змей.

А вот неугомонный Тигра носился, как торпеда, по плечам, голове, иногда хватаясь за нос заглядывал в глаза. Удалось, наконец, обняться с Глыбой и выжить. Правду говорил Док, что его скелет перестраивается, ничего не трещало, ничего не ломалось под этим прессом.

— Змей пришел. Спасибо Змей. Глыба ждал.

Воодушевленные люди от радости потеряли бдительность, хорошо, Тигра предупредила, а так бы позволили подбежать вплотную.

Со стороны карьера подтянулись старые знакомые — Чайки Ливера.

— Вот же, какими шустрými тварями карьерные стали, еще и вас тут не хватало, выкормыши Потрошителей. Глыба уже стрелял, снося передние ряды, как косой.

Они едва успевали отстреливаться, в основном это были бегуны, но их было слишком много. Заработали два крупнокалиберных пулемета с тира, сразу сильно порядив задние ряды. Удивил Глыба, когда кончились патроны, он схватился за трубу из-за спины и стал охаживать ею тварей, да с такой силой и быстротой, что твари летели от его ударов ломаными куклами, сплошной вой трубы и треск костей. Все аж перестали стрелять, боясь попасть в Глыбу, а он один со своей трубой теснил тварей все дальше и дальше от люльки. Змею подумалось: “Этому богатырю, да меч кладенец бы”.

— Недосол, Пересол, поднимайте! Глыба, назад! — заорал Змей.

— Глыба, назад, быстрее, назад, — заорали все в люльке, когда она дернулась и поползла вверх.

Глыба не заставил себя ждать, бегать он умел. Гигант Лосем-великаном ломанулся назад, подпрыгнул, вцепился в борт так и доехал до самого верха с улыбкой от уха до уха.

Глава семнадцатая Десять друзей Али Бабы

На плоской крыше тира было тепло, светло и безопасно, наконец, постоянное напряжение, преследовавшее их все последнее время, спало.

Сели кружком, солнце припекало, кто-то сидел, кто-то лежал. Говорить совершенно не хотелось, только не Ласке. "Вот же неугомонная".

— Что будем делать Капитан? На крыше этого здания хоть и безопасно, но долго ли сможем просидеть здесь, припасов у нас мало, а воды и вовсе нет. Пока будем ждать ухода Орды ослабеет, бывает, они неделями стоят на одном месте, пока под чистую все не выжрут в округе.

Змей приподнялся на локтях, встал, осмотрелся, казалось бы, устроенный ими Армагеддон для тварей, не принес желаемого результата, вокруг тира скопилось столько зараженных — смотреть страшно, нескончаемая темная рать урчала покачивалась, огрызалась друг на друга щелкая челюстями, с вожделием посматривая, как насыщаются сильнейшие. "И сколько самые-самые из них будут дожирать павших — бес их знает. Одно радует, в ближайшее время подойти к тире кому-нибудь из недругов, невыполнимая задача, впрочем, как и им бежать отсюда, нет ни какой возможности".

— Понял тебя Ласка, не думай об этом, все у нас будет и вода и еда, и много еще чего, — уверенно сказал Змей, что-то там решив для себя. — Глыба, у нас есть Алый грох? — Глыба из стойки смиренно:

— Глыба запасливый. У Глыбы есть, — гигант принес Змею приличную Флягу. Змей открутил крышку.

— Друзья, помянем наших, — все встали. — Покойтесь с миром, — и хлебнул, передав флягу по кругу. Люди пили за своих друзей, товарищей, кто молча, кто-то говорил хорошие слова об ушедших. Постаяли еще немного в скорбной тишине. Змей погладил Тень, сидевшую у него на плече.

— Ты, парень, как обычно встаешь на охрану периметра, докладывай если что, — Тень пискнул, перепрыгнул на парапет и привычно понесся по краю, выписывая кульбиты, поглядывая вниз.

— Тигра. "Какая же она, красавица" — с гордостью подумал Змей. — Поможешь Глыбе расчистить лаз к нашему дому.

Тигра радостно присвистнув, подпрыгнула. "То-то же, домой — это домой, всегда волнительно возвращаться" — и он почувствовал восторг, идущий от Тигры, пришёл и образ широкого прохода в размер широкоплечей фигуры человека стоящего рядом.

— Умничка ты моя, правильно все поняла. Глыба, Пересол, Недосол следуйте за Тигрой, она покажет, где нужно поработать. Там внизу обвал от взрыва, требуется раскопать лаз, ведущий в нижнюю часть здания и расширить его, чтобы все прошли.

На удивленные, непонимающие лица друзей он ответил:

— У каждого порядочного братства есть свои секреты, свои тайные места. Чем мы хуже, вот и мы идем домой, в нашу тайную крепость. И прошу любопытных умерить свой пыл, скоро сами все увидите. Отбой.

К нему подошел Док. На взгляд Змея поднял руки.

— Нет-нет, Кэп, я не с расспросами, я на раны посмотреть, на вашем комбезе опять проступила кровь, — Док посмотрел, — ничего-ничего все нормально, все подсохло,

старайтесь не делать резких движений Кэп.

— Док, что это может быть? Я про тот приступ бессилия, из-за которого пришлось пробовать Ваше варево, простите, зелье, — поправился Змей. Док на это махнул рукой.

— А когда Вы, Кэп, впервые почувствовали этот симптом?

Змей задумался:

— Знаете, Док, когда я стрелял в Элитника, мне показалось, что из меня будто половину силы в раз вырвали.

Док заинтересовано потер ладонь о ладонь.

— Капитан, возьмите в руку свой пистолет.

Змей вынул из кобуры Черный Свет. Док закрыл глаза и осторожно двумя руками прикоснулся к кисти Змея.

— Интересно, интересно. Кэп, произведите выстрел, — Змей нажал на курок. — Оооу, интересно, интересно. А можете выстрелить по заведомо не пробиваемому, — Змей выстрелил в парапет, в глазах закружили мурашки. И отсюда было видно, пробил насквозь.

Док открыл глаза:

— Иттить твою налево, — таким удивленным Змей его еще не видел.

— Не томи, Док, говори.

— Конечно, конечно, Кэп, а можно в руках подержать Ваш ээээ... артефакт? — нашелся Док и выставил ладони. Змей пожал плечами.

— Почему нет? — Айболит восторженно держал на руках пистолет, как какое-то сокровище, вроде бриллианта с куриное яйцо.

— Не расчесывай мне нервы, Док, говори же.

— Даже не знаю, Кэп, как начать, в общем, это не совсем оружие в обычном понимании, это симбионт и оно больше живое, чем нет. А выстрел это скорее выполнение Вашего приказа, а не нажатие курка. Удивительно получается, если выпущенному заряду трудно преодолеть препятствие оно «подпитывается» энергией напрямую от носителя, то есть от Вас, до конца борясь за исполнения Ваших же желание. И еще, Кэп. Возможно то, что Вы используете, взаимодействуя с этим чудом, всего лишь малая толика реальных возможностей. И будьте осторожны, капитан, с применением этого артефакта, необдуманность и неподготовленность может привести к плачевным последствиям и даже к смерти.

— Теперь понятно, почему у меня круги перед глазами после выстрела в парапет. Думать или что-то делать, совершенно не хотелось. А вот спать хотелось нещадно. Спасибо, Док.

Змей проснулся, по солнцу определив, было уже далеко за полдень, не нужно было куда-то бежать, плыть, стрелять, валяйся себе, жмурься от солнца — курорт.

Со спины раздался разочарованный голос Ласки:

— Капитан, там ничего нет, кроме двух бутылок рома.

— Ха, две бутылки Бакарди, это уже что-то.

Змей перевернулся. Команда стояла в полном составе, кроме Тигры и Тени, которые носились на парапете друг за другом играя в салочки.

— Неужели, завал разобрали, — удивился Змей, он рассчитывал, что на это примерно сутки потребуются.

— Твердыня помог, да он, в большинстве своем, все и сделал, на то он и фортификатор.

Змей посмотрел на Глыбу. «Алеша Попович» показал большой палец.

— «Во» фортификатор.

— Ясно, — сказал Змей, хотя для него ничего не было ясно. — Тигра, Тень снимаем охрану периметра, идем домой.

— Извините, капитан, какой домой, лучше здесь, чем там, внизу дышать нечем и воняет, — возмутилась Ласка.

— Отставить разговорчики, — рыкнул Змей. Я говорю, тайная секретная крепость. Ласка вздохнула, мол, капитан дурит, пускай дурит дальше на то он и командир. Спустились вниз, Змей в очередной раз порадовался: “Как же теперь это просто” — вспоминая, как он раньше преодолевал эти препятствия.

Дальше, не он, а его удивили, Змей увидел настоящий арочный проход, а сверху, большой, мощный козырек с огромным навалом строительного мусора, кусков железобетона и кирпича. Прошли, удивительное шагало рядом. В коридоре было светло, на стенках светилось несколько отпечатков рук. Змей посмотрел на Твердыню. Тот, понимая немой вопрос, ответил:

— Это одна из граней моего Дара, капитан.

Руки у Твердыни достаточно ярко засветились, и под плотной рабочей курткой было видно, что руки фортификатора светятся по локоть. Твердыня подошел к стене и приложил к ней пятерню, постоял немного и отдернул, а светящийся отпечаток остался.

— Тудыттую, вот это в рот компот. И долго этот светильник будет работать?

— Столько, сколько будет стоять это здание.

— Впечатляет, и как я понимаю, Твердыня, этот навал мусора сверху арки это не с проста, и что-то значит?

— Верно, это дверь.

Змей с интересом дотронулся до светящегося отпечатка, камень и камень.

— И ее можно закрыть и отрыть?

— Безусловно, Капитан, хотите проверить?

Змей кивнул.

— Кто ж откажется, — сказал Змей, — продолжая с интересом водить пальцами по светящему отпечатку, просвечивающему его руку.

— Капитан, вставьте в эти отверстия пальцы, надо дать Вам допуск к системе.

Чего проще, Змей поступил, как ему предложили.

— Все здесь? — громко спросил Твердыня.

— Все, все, — подтвердил народ, заинтересовано посматривая друг на друга, даже Тень на плече Змея замер.

Твердыня обхватил руки Змея, отверстия и пальцы Оружейника ярко вспыхнули. Кирпичи, бетонные глыбы без шума, без пыли скатились, заполнили все пространство и одним движением как бы уплотнились. Змей не выдержал, вставил пальцы обратно, все повторилось, только наоборот. Глыба прошел под арочный проход, заглянул, развел руками и рассмеялся, показав большие пальцы.

— Твердыня, «Во» Фортификатор.

— Давай назад, Глыба, — крикнул Змей.

Великан подошел и похлопал по плечу Твердыню, — высшая форма признательности Глыбы. "Не сломал бы чего", — обеспокоился Оружейник.

— Поразительно, — тихо сказал Змей.

— Это благодаря Вам, Капитан, и Тигре, та красная жемчужина, что мне досталась так повлияла на мой Дар.

— Твердыня, ты один такой или еще есть фортификаторы? — задал вопрос Змей, с интересом разглядывая свои пальцы, медленно затухающие.

— Наверное есть, капитан, в Стиксе все возможно, но я не слышал.

Змей посмотрел на ошарашеную Ласку и на всех остальных. “Получается, никто не слышал”.

— Я и не думала, что это настолько серьезно, дар Фортификатора, — сказала Ласка. Хорошо, Урфин Джюс не разобрался.

— Да уж, это точно, — сказал Змей. — Я рад, что ты с нами, Твердыня, — и уже привычно закрыл проход, прокомментировав: — Технологии Мастера Твердыни Братства Злых Клоунов.

Все поздравили Твердыню, мастеру было приятно. Ласка метнулась к Твердыне, показала на винтовке клеймо.

— Если можно, Твердыня, поставь такое же рядом с отверстиями управления, будет красиво и солидно.

Твердыня безмолвно согласился. Подошел, возложил руки, вспышка, клеймо вышло с ладонь величиной, с оплавленными краями смотрелось, как сказала Ласка: «Обалденно».

Змей, не без толики переживаний за свою ладонь, пожал Твердыни руку и направился в заветную комнату.

Там все было, как раньше без изменений: Милые железные шкафчики, времен «Империи зла», обшарпанные стены, чугунные батареи незабываемого цвета, сдвоенная спортивная скамейка. Подошел к батарее, повернул заглушку.

— Сим-Сим, откройся.

С открытием прохода к лифту открылись и рты неверующих. Самый современный грузовой лифт фирмы «Отис» сверкающий огнями и рифлёной нержавеющей, раскрыл свои двери.

— Заходи братва не тушуйся, домой едем.

Братва загрузилась с недоумением и каким-то, даже страхом посматривая на Змея.

— Спакуха, доставлю Вас без шума и пыли, наверное, в самое защищенное место в Стиксе. Уверен в этом.

— Вы, как всегда, Капитан, так загадочны и полны сюрпризов, — все же вставила Ласка.

Змей зашел и нажал кнопку. Лифт плавно заскользил вниз и чем больше он набирал скорость, уносясь все глубже и глубже, тем больше вытягивались лица его друзей.

— Сколько туда? — спросил Твердыня, указывая вниз.

— Триста метров.

— Ужас какой, никогда не приходилось так глубоко забираться, — значимо добавила Чума.

— Боязно как-то или только я одна такая трусиха, — присоединилась к подруге Мамба.

Тут вписался Глыба:

— Глыбе тоже как-то неприятно в мошонке.

Наконец, лифт остановился, вышли, тут и Твердыня похоже впечатлился, увидев дверь сейфа гигантских размеров. Как то трогательно дотрагиваясь до внушительной конструкции. Змей с удовольствием наслаждался видом обескураженных соклановцев.

— Я не могу определить, сколько здесь железобетона, — тихо то ли спросил, то ли констатировал Твердыня, прикасаясь к стенам.

— И я не знаю, — сказал Змей. — Военная тайна Союза Советский Социалистически Республик и в этом мире вряд ли найдется тот, кто знает это. Но я думаю очень много, один очень высокопоставленный офицер, которому я доверял больше чем себе, заверял, что при прямом попадании в этот объект самой мощной ядерной боеголовки предполагаемого противника, здесь даже стакан с водой на полу не вздрогнет.

Змей набрал код, и дверь по сантиметрам стала плавно открываться.

Первыми не выдержали Тигра с Тенью, радостными молниями прошмыгнув в бункер.

— Здравствуй, дом, милый дом, здравствуй, — и Змей вошел. Ни каких изменений, все работало.

За ним несмелые шаги сделали его друзья и растерянно осматривали удивленными глазами огромное пространство бункера. Все как в сказке «Али-Баба и сорок разбойников»: пещера была огромна и скрывала многие сокровища.

Ласка и вовсе закрыла глаза ладонями и радостно взвизгнула.

— Располагайтесь, осматривайтесь, почувствуйте себя как дома, теперь это и есть наш общий дом. Только вот ту дверь со знаком Радиация не пытайтесь открыть, там какой-то передовой реактор. Янтарного тумана не стоит опасаться, невероятно полезная субстанция, как я понимаю, это сродни белого жемчуга, только в другой форме, пусть Айболит разбирается, он у нас в таких делах дока.

Мы с Тигрой жили рядом с реактором, вон наш матрас у двери лежит. Тут все есть: кухня, баня, сауна и даже бассейн, — выдал почти скороговоркой Змей и рванул, только пятки засверкали, на бегу крикнув: — Я в душ, как говорится, кто первый встал, того и тапки, — и засмеялся. Наверное, никогда он так быстро не раздевался.

“О, какое это блаженство” — горячий душ, буквально смывающий грязь, пот и усталость, ласковые струи воды омывали его тело, хотелось вечность стоять под этой благодатью. К струям воды, без лишних слов присовокупились нежные руки.

— Змей, — томно прошептала на ухо Ласка.

Решили сутки отдыха. Все разбрелись, благо было куда, кто-то смотрел фильмы в мизерном кинотеатре, кто-то оккупировал бассейн, кто-то сауну. Его самого только к вечеру выловили Пересол и Недосол.

— Капитан, как Вы приказывали мы приготовили праздничный ужин. Все готово, но никто не хочет идти, у всех неотложные дела.

— Понял. Сейчас все будут.

В кают кампании было шумно, народ еще не отошел от первых впечатлений, живо обсуждая, что здесь да как. Они сидели за большим столом, повара с большой буквы расстарались, стол ломился от снеди, и чего только здесь не было. Это шумное действо все больше и больше напоминало настоящий пир.

А состоялось это не сразу, Змею пришлось буквально силком стаскивать в кают-компанию своих соклановцев, не всех конечно, Тигра с Тенью ошивались на камбузе изначально, лучшие всегда тяготеют к кухне.

Айболита, чуть ли не за шкуру пришлось выковыривать из облюбованного им места, не хотел экспериментатор уходить из золотого тумана, что-то там уже химичил, создав себе лабораторию в помещении не совсем понятной для Змея направленности, но главное в зоне распространения золотого тумана.

Оружейник вошел уже в вотчину Алхимика, и едва ли не выматерился. Пришлось успокоиться, присесть и присмотреться, найти в этом техно-сплетении Дока было не просто.

Ранее здесь была только усиленная линия технического тока, водопровод, канализация и непонятно для чего, паровая установка, с компрессором. Что здесь к чему наворочено, Змей не знал. Но раньше здесь было хотя бы просторно.

Теперь же не протиснутся, похоже Айболит развернулся не на шутку, перетаскав сюда половину оборудования из штатной лаборатории и медицинского блока.

Тут уже во всю бурлило, шумели приборы, работала вытяжка, что-то взбалтывалось, что-то смешивалось, куда-то перетекая эта необъяснимая движуха вызывала подсознательно не шуточные опасения. Сам Док напоминал суперпаука в трехмерной паутине, был похоже полностью отключен от внешнего мира и поглощен процессом, что-то там подкручивал, что-то поджигал, что-то сосредоточено взвешивал и рассматривал под микроскопом.

— Жесть, это не взорвется в ближайшие пару часов? — прокричал Змей, перекрывая шум приборов.

— Нет, что вы, Капитан, это подготовительные работы, пока все совершенно безопасно.

— Вот этот филиал Тартара ты называешь подготовительными работами? Завязывай, Док, пьянка у нас, так что отложи пока свою взрывоопасную деятельность.

Еще десять минут препирательств, запугиваний и угроз, типа отключения электричества, принудил вошедшего в раж Дока согласиться и понуро побрести в кают-компанию.

Девушек он ожидаемо нашел в Арсенале. Валькирии тоже не обрадовались перспективе все бросить и следовать в кают-компанию, они ведь пока еще не все оружие в руках подержали, еще не все ящики открыли. Пришлось прикрикнуть по-армейски.

А вот Твердыня занимался делом, похоже, обследовал стены, с ним проблем не возникло.

— Мастер, собираемся в кают-компанию, — крикнул Змей.

Твердыня обернулся, кивнул и сразу отправился куда сказано. Хороший мужик не многословный, дельный, а еще и уникам, повезло с ним Братству.

Глыба здесь же на деревянной платформе занимался со своей облюбованной трубой и выходило у него, любо-дорого посмотреть, настоящий Марио. Змей предположил, что Алеша Попович в той жизни имел не дюжие познания в Кэндо. Змей немного полюбовался на выверенные движения друга, только сейчас заметив на нем добротный рюкзак фирмы “Соломон”. «И зачем только он с ним таскается, да и шут с ним, может у него черепашки ниндзя в кумирах, те тоже все с рюкзаками все носились»

— Глыба, как ты смотришь, если я тебе сделаю хороший двуручник?

— Мне меч! Оооо, — затащил расплывшийся в улыбке Глыба.

— Ладно, договорились, пойдём в кают-компанию, у нас сегодня праздничный ужин.

Гуляли долго, и как принято в России до самозабвения, со всем положенным, дикими плясками, какими-то безумными конкурсами и прочим и прочим. Все были рады, что после всех ужасов здесь было светло, тепло, весело и главное, безопасно.

Когда выпито было уже допьяна, а съедено досыта, спеты нужные песни, и сказаны все тосты, Змей неуверенно поднялся:

— Завязываем, Братва. Всем отбой, — и отрубился тут же.

Проснулся он без болей и головокружений, всё-таки золотой туман это что-то запредельное. Тело, да, а вот память все же подчинялась еще тем законам, вот только сейчас с запозданием его настигла, пришлось покраснеть.

“Вот, что Ром шутник делает, отрубаетесь нормальным мужиком, просыпаетесь

Султаном. И поздновато задним умом за мораль думать. Да и ладно” — оправдывал себя Змей, любуясь волнительной красотой девушек. “И зачем мучиться угрызениями совести в таком-то опасном мире, когда смерть ходит попятам. И как приятно засыпать в таком окружении” — и Змей заснул, не решившись будить нагих граций.

— Хорошо вчера попиروвали, — спросил Змей у вновь собравшихся за большим столом.

— А то, оторвались по полной, помню как началось не помню как закончилось, за всех ответил Док.

— Погуляли, теперь требуется поработать. Нам нужно готовится к худшему, там на поверхности много, кто нас жаждет увидеть. Надеюсь ни кто не сомневается, что в покое нас не оставят, куда бы мы не бежали.

Поэтому, Твердыня, Док, Близнецы, через не могу придется заниматься стрелковым оружием. Стрелки, — и Змей обратил свой взор на девушек. Поработаете инструкторами и помните, эти парни возможно будут прикрывать Ваши спины. Нам всем нужно максимально усиливаться. Как жаль что все что так нужно там на двадцатиметровой глубине в обломках или еще хуже унесено течением.

— Ласка, что там у нас с элитника вышло, там в поле как то было не до этого.

— Я трофеи Глыбе сдала, так сказать в копилку клана- отчиталась Ласка. Глыба, у нас ходячий калькулятор, тот еще счетовод, лучше у него узнать. Змей удивился, но виду не подал, понимая, что-то упустил.

— Глыба, говорят ты у нас за казначея? Глыба значимо кивнул.

— Змей говорил присмотри. Глыба старался.

И тут, после этих слов, Змей отчетливо вспомнил, посвящение в Братство, и как он устал тогда, смертельно устал, впервые отстояв столько времени на ногах. Когда всем было роздано обещанное и они остались с Глыбой одни, он тогда попросил Глыбу:

Глыба отнеси меня пожалуйста в каюту и присмотри за этими биогенными бесценностями.

Надежда хулиганка, тут же колотушкой дефибриллятором реанимировала впавшего было в кому внутреннего хомяка-завхоза, тот ожил и сразу развил бурную деятельность. «Наши тысячи споранов, янтарь от скреббера, наши жемчуга, наш сахарок».

— Глыба, сколько у нас в наличии ценностей Спросил Змей скрестив на удачу пальцы за спиной.

Глыба быстро снял рюкзак который все последнее время постоянно носил с собой. Змей все хотел спросить зачем он всюду с ним таскается, но как-то не задалось. А оказалось вон оно как.

Гигант выложил памятный Скифский кубок, следом драгоценную табакерку.

— Двадцать восемь, жемчуг. Девять красные, девятнадцать черные. Выложил пластиковый контейнер. — Тысяча двести тридцать три грамма монолита. Нижняя губа гиганта подрагивала и Змей понял его друг подумал, что ему не доверяют, от осознания этого Оружейника будто под дых ударили.

— Все, все друг, все, это не ревизия, складывай все обратно. Ты Глыба даже не знаешь какой ты молодец. Я то думал, что мы все там в водах Финского залива безвозвратно потеряли с людьми нашими. А ты, большая умничка сохранил. И теперь нам есть чем усиливаться.

А в виде премии нашему Казначею и Воину мы сейчас же с ним отправляемся ковать

Меч. Глыба заулыбался в пол лица и засуетился, быстро складывая добро, будто боясь что Змей передумает сейчас же идти в кузню.

— Так народ, Всем на стрельбы. Как только Ласка скажет: «На сегодня хватит, можете заниматься своими делами». Разойдись. — Док, а ты задержись на минутку, Ласка я отпущу его буквально через минуту. Ласка обернулась, улыбнулась прикусив губу и так на него посмотрела, заставив сердце сбиться с обычного ритма, развернулась и пошла колыхая непревзойдённой красотой.

Змей шумно выдохнул.

Глава восемнадцатая Охота на Демона

— Как там говорил Док: «Необдуманность и неподготовленность может привести к плачевным последствиям и даже к смерти». Так что мы с тобой, Глыба, будем делать все поэтапно. За расколотую жемчужину обидно, Док уже запустил ее в свой какой-то новый эксперимент, так что этот ингредиент для нас потерян. Хотя можем рискнуть и целой, ради такого-то дела.

Глыба был согласен, тряс головой, лицо гиганта было напряжено, он даже не улыбался, все-таки изготовление меча — дело серьезное, почти мистическое.

Что-то не получалось, уже пол дня провозились меняя ингредиенты и все равно ранее задуманное, как-то идеально не сваривалось вместе.

На столе, в кузне, лежали три когтя от элитника, несколько толстых прутков разных нелегированных углеродистых сталей, и пару прутков с пружинной и инструментальной. Не получалось даже первый шаг сделать, и все тут.

Перебрались со всем скарбом в самую большую концентрацию Золотого тумана у двери к Реактору.

Змей с закрытыми глазами и отрешенным видом перебирал ингредиенты, иногда подолгу зависая. Не то, не то, как будто оркестр был и он даже играл, но в нем не было ни дирижера, ни первой скрипки. И только к вечеру, когда совсем выбились из сил, он понял, что надо. Змей посмотрел на хмурого Глыбу, хлопнул его по плечу и обрадовал:

— Не печалься, друг мой, я понял чего нам недостает для твоего меча, завтра с утра идем на охоту, не больше не меньше, нам нужна самая сильная тварь в этой Орде. Как тебе такая разновидность активного отдыха?

Глыба вскочил довольный и радостный, ответив в свойственной ему манере:

— Глыба рад охота. Большая охота.

— Тогда пошли других обрадуем. Ласка еще не закончила, вот же маньячка, людям ведь и отдыхать нужно.

В шгольне слышалась постоянная стрельба из автоматического оружия с небольшими перерывами, видимо для перезарядки. Змей подошел к селектору, нажал кнопку.

— Ласка, завязывай, готовимся к завтрашней охоте, заодно и экстремальная практика для обучающихся.

Подъехала стрелковая платформа. Девушки наводили порядок, Недосол и Пересол нагружались оружием. Обвешались, направились в Оружейнику еле волоча ноги. Все были возбуждены новостью, разве что Док не разделял всеобщей заинтересованности.

— Капитан, что там за охота? — спросила Чума. — Хотя бы в двух словах, ну пожалуйста, Кэп.

— Тут такое дело, позарез нужны кое-какие органы и кровь элитника.

Док услышав такое, заякорился на месте, это был уже совсем другой человек. Змей задавил улыбку, он уже хорошо, изучил этого человека.

— Капитан, а как же моя лаборатория?

— Док, забереешь большую часть, если выгорит.

Айбалит, аж засветился и развил бурную деятельность, присоединившись к Недосолу с Пересолом.

— Мы в Оружейку автоматы чистить.

— Дело, — сказал Змей. — Так, давайте, приводите себя и оружие в порядок, через два часа жду всех на ужин. Нужно пораньше сегодня отбиться, завтра тяжелый день.

— Змей, мы погреться в сауну, может с нами? — сказала Ласка, улыбаясь самой нежной своей улыбкой.

Змей с немалой толикой сожаления сказал:

— Нужно один КСВК «Корд» под себя сделать, думаю завтра очень пригодится.

— Ой, капитан, можно и нам с Вами? Как же мы это можем пропустить? Тридцать минут водных процедур и мы в Оружейке!

— Тридцать минут и не минутой больше, одна нога здесь, другая там, не успеете, ждать не буду. Время пошло.

Девушек как сдуло.

В оружейке было шумно и приятно пахло оружейным маслом, после стрельб народ чистил оружие, слушая байки дока.

— О, капитан, решили проверить нашу работу? — воскликнул Док.

— Нет, нужно подготовить для себя винтовку на завтра, хочу попробовать наработанное сегодня с Глыбой. Да и Вам помочь нужно, Ваши инструкторы заняты неотложным — водными процедурами.

Змей подошел к столу, где Близнецы и Твердыня с Доком пытались чистить свои автоматы. Змей со знанием дела быстро показал им, как правильно разбирать и собирать оружие, как за ним ухаживать, и вкратце объяснил для чего это вообще нужно.

— Занимайтесь, и не лейте масло понапрасну, здесь не работает, что кашу маслом не испортить. Глыба, помощи усвоить.

Гигант со свойственным ему рвением взялся за дело.

Оружейник нашел нужный ему ящик, донес до свободного стола, открыл. Новорожденный, как всегда пах незабываемо. Убрал промасленный пергамент, достал Винтовку, прицел, магазин снарядил пятью бронебойными. Собрал, подержал в руках — винтовка ему понравилась. Решил сначала пристрелять. Тележка послушно встала на пятистах метрах. Змей посмотрел в оптику на мишень, подсвечена, идеальные условия для выстрела, настроил прицел по наитию, как чуйка подсказала. Подложил мешок с песком для упора. Прицелился, выстрел, Корд ощутимо вжарил в плечо. Змей улыбнулся, силен «бестия». Посмотрел, восьмерка ниже центра. Отличный показатель для холодного выстрела. Еще трех выстрелов хватило, что бы идеально отстроить винтовку.

Тут и девушки подтянулись. Прошли вместе в Оружейку.

— Что ж, — обмолвился Змей, положив на стол для разборки оружия винтовку. — Всем ты хорош, Корд, вот только громкий очень. Постараемся все лучше усилить, а недостатки придушить.

— Глыба, действуем, как сегодня отработывали, старайся убирать быстрее ненужное, следи за моими действиями.

Гигант кивнул, сам хмурый, сосредоточенный, серая глыба, а не человек.

— Глыба будет стараться, — заверил Гигант, потрясая стены басом.

Змей снял фляжку с пояса, открутил крышку, сделал большой глоток, представив себе весь процесс в целом.

— Приступим, — и, закрыв глаза, вошел в состояние Оружейка.

В этом призрачном мире он чувствовал себя все уверенней, было заметно — его

возможности возросли, теперь он увидел, как его вторые прозрачные руки как бы отделяются от его плотских рук, сжимающих край стола. Он попробовал, и на половину призраком вышел из своего тела, нагнулся. Дальше не смог, необъяснимый дискомфорт и животный страх остановили. “А если?... Змей, не поддавайся искушению, работай, работай” — заякорила спасительная мысль.

Призрачные руки подняли оружие. Притихшие наблюдатели увидели, как Змей будто застыл, как статуя, вцепившись в стол.

Винтовка сама собой поднялась над столом и вмиг разобралась, детали разлетелись, повисли в воздухе, кружась, и медленно опустились обратно на стол. Глыба выложил коготь элитника прямо на детали и быстро отдернул руку. Змей видел, что от когтя исходило темное свечение — это дополнение подходит, контуры всех деталей не нарушались. От следующего когтя, как понял Оружейник, подходила только половина, ненужную часть отделил, отложил на край стола. Глыба тут же убрал. Остальные восемь не подошли. Еще подошел небольшой кусок, грамм пятьдесят, янтарного массива от скреббера и девять горошин с фиолетовым отливом, того же происхождения. Следом Глыба одну за другой стал выкладывать жемчужины. Змей смотрел и ждал, при каждом выкладывании контуры деталей винтовки искажались и ему приходилось убирать ненужное на край стола, а силы убывали и убывали.

И вот удача, Глыба выложил одну из красных жемчужин, линии свечения деталей даже не дрогнули, а стали еще четче и как будто связались одним цветом, темно-бордового оттенка. Похоже, в Оружейной даже дышать перестали. Детали будущей винтовки опять взлетели в воздух и распались на мельчайшие искорки, рой огненных мошек за удар сердца собрались в одно целое в невероятную по красоте винтовку. Создание медленно опустилось на стол. “Едва выдержал” — понял Змей. Его лихорадило, одежда промокла от пота.

Сил не было, но он не смог отказать себе в удовольствии взять «Хищника» в руки, осмотрел, всем своим естеством почувствовал смертоносную силу Винтовки, и ее какую-то дикую злость и жажду крови.

Хищник был невероятен: теплый, словно живой, конструкция изменилась и, похоже, стала неразборной, затворной ручки нет, дульный тормоз стал длиннее, а ствол намного короче, толщиной сровнявшись с дульным тормозом, весть в каких-то темно-бордовых потеках. Змей отстегнул магазин, если теперь его можно так назвать, патроны и вовсе удивили: гильза блестящего, бордового цвета, а вместо пули, будто клыки вставлены.

— Ну не знаю, но выглядит зловеще, — сказал Змей. — Ласка, опробуйте, пока я в себя прихожу. Я в душ, не хочу на ужине нормальным людям своим амбре аппетит портить.

— И все же, наш лидер, — сказала Ласка. — Самый невероятный человек из тех, что я встречала, — все присутствующие с этим согласились, обступив винтовку, если можно так сказать о необъяснимом, лежащем на столе.

— Поэтому мы и следуем за ним, — высказался Твердыня.

— Наш Кэп настоящий Артефактор, вы понимаете это, я счастлив, что нахожусь рядом с ним, — потирая руки, сказал Док. Видимо представив на мгновение возможные совместные проекты.

Долго задерживаться в душе не смог, хотелось самому опробовать «Хищника». На стрелковой платформе собрались все, даже Тигра с Тенью позабросили и кухню, и свои подвижные игры.

— Капитан, Ваш Хищник очень красив, невероятно удобен и легок, хотя по виду не

скажешь, но есть одно но.

— И какое же? — удивился Змей.

— Это невероятное произведение искусства, не стреляет, — с легким укором сказала Ласка. — И еще, оно не разборное.

— Да, не разборная, — подтвердил Змей.

— А как же? — недоуменно спросила, самая быстрая на язык.

— Как я понимаю, остаточные пороховые газы, нагар, отдача и даже звук выстрела — это пища для Хищника. А то, что не стреляет, характер у нее такой, из чужих рук не хочет кормиться. Ты уж извини меня, девочка.

Ласка забеспокоилась, подумав, а не бредит ли ее любимый, вот девочкой обозвал, тут же вспомнила, что совсем недавно она уже попадала в схожую ситуацию, и что вышло, Змей оказался на все сто прав, а она выглядела как школьница.

Змей взял в руки Хищника.

— Что ж, зверь мой, будем дружить. Я не буду стрелять по мишени, не хочу попросту тебя беспокоить. Завтра в реальном бою проверю.

Закинул его за плечо, почему он так сделал, он не знал, вышло как-то по наитию. Винтовка не упала, она держалась за спиной, плотно прилегая к одежде, и совершенно ему не мешала. Это и его самого удивило, а на вопросы друзей он лишь пожал плечами и многозначно сказал:

— Артефакт, я и сам многого не знаю. Пошли ужинать, а, есть хочется нещадно.

С готовкой проблем не было, того, что было приготовлено для пира, еще на неделю должно хватить.

Слюной зайдешься, как аппетитно пахло выставленными на стол пирогами. “Что за люди эти Пересол и Недосол, везде успевают, а готовят — пальчики проглотишь” — подумал Змей. Пироги под крепкий чай пошли на Ура.

— Вот теперь и поговорить можно, — сказал насытившийся Змей. — Ласка, как думаешь, та тварь, что мы добыли, самая сильная была в Орде?

— Думаю нет, скорей всего нет, слишком большая Орда, скорей всего мы зацепили лишь край ее, но после той бойни, что мы устроили Орда должна была сместиться, ведь здесь у тира больше всего пищи. И, скорей всего, по логике, главная тварь тоже должна быть рядом.

— Вот и я так думаю, на это вся надежда. Все, дамы и господа, отдыхаем, завтра у нас Большая Охота на невероятно сильного Зверя.

Разбудил его бодрящий запах кофе и хлеба. Змей проснулся, уколола мысль: «А откуда запах кофе». Открыл глаза, девчата уже были одеты и с оружием, а Ласка держала небольшой поднос с большой кружку кофе и свежей выпечкой.

— Капитан, завтрак в постель и на охоту. Докладываю, народ собрался, только Вас с Хищником ждем.

— Чего сразу-то не разбудили?

— Бережем, — ответила Чума.

— Как же я так, на охоту и опоздал, раньше такого со мной никогда не было, — больше для себя, сказал Змей.

— Притомились Вы давеча, — сказала, невинно улыбаясь, Мамба.

Перед выходом из бункера, как принято, присели на дорожку. Все пожелали Змею «Ни пуха, ни пера», получив традиционный ответ «К Черту», нагрузились по полной и вышли из

бункера.

Проход Твердыни работал, как хорошие швейцарские часы.

Пред выходом на крышу, Змей остановил всех.

— Работаем, наблюдаем, все по возможности скрытно. Если нужный нам бос рядом и обладает разумом, как утверждает Док: “Все высшие, так или иначе, разумны”. Заметив нас, может повести себя, как нам не надо. Наша задача побольней приложить его и пусть сам к нам бежит, если он когти отбросит даже в ста метрах от Тира, мы его оттуда вряд ли достанем. Так что, в голову бьем под самыми стенами.

— Близнецы, Вы к лебедке, по-тихому замените люльку на петлю, как и договаривались. Тигра, Тень, ваша задача — следить, что за нашими спинами творится, всякое может быть.

Змей приоткрыл дверь, Тигра с Тенью проскочили. Змей отсчитал до десяти, кивнул, «если Тигра не отсигналила, значит на крыше все спокойно».

— Давай, Ласка, по-тихому разведай, что там да как и есть ли объект.

Ласка вернулась быстро с натянутой улыбкой, и тревогой в глазах.

— Там он, здоровенный, раза в два больше давешнего, рогатый, примерно в тысячи метрах на восток. Видимость отличная, вокруг него пустота, метров триста в диаметре, лишь несколько элитников помельче в прислуживании, и целая гора черепов, он жрет их, как маленькие тянучки. Может ну его, отойдем, не будем будить лихо, пока оно тихо?

— Посмотрим, кто не рискует, не пьет шампанского. А оно нам «во» как нужно, — проведя пальцем по горлу, ответил Змей.

Пригнувшись, выбрались на крышу. На крыше огневые точки остались на месте, он занял одну из лежанок, осмотрелся. Все как говорила Ласка, в тысяче метрах от них на восток сидело что-то среднее между гориллой и носорогом, рог был один, смотрелся внушительно. Рядом с чудовищем была сложена огромная куча голов, три элитника буквально ползком постоянно докладывали к этой куче, а Монстр иногда одаривал своих приближенных, нет-нет да бросаясь в них чей-нибудь головой. Твари дрались за головы, а Монстра, видимо, забавляли эти свары, он задира морду и ревел, щелкая страшной челюстью.

“Да, этот Единорог пузатый из преисподней все пять тысяч весит, а то и больше” — подумал Змей.

— Твердыня, — позвал Капитан.

Твердыня подобрался к Оружейнику, согнувшись.

— Извини, Мастер, не удастся тебе пострелять, иди вниз, открой проход и жди, вдруг придется отступить по срочному.

Твердыня ушел, сохранив впечатления на всю оставшуюся жизнь.

— Братва, нужно поговорить, — тихо сказал Змей и покинул лежанку. — План такой, тварь большая, и явно очень опасная, но попробовать стоит, когда еще такое представится. Считаю не правильным упускать такой шанс, заодно и себя, и оружие в бою проверим, против такого-то противника. На всякий случай Твердыня проход держит открытым. Если я крикну «Полундра», без разговоров, всем сматываться. Понятно?

Народ внял и хоть сейчас был готов выполнить.

— Боязно, но мы с тобой, капитан, — за всех ответила Ласка.

— Змей Смелый, — добавил Глыба.

— Теперь по тактике братва, я постараюсь выбить ему глаза, это его не убьет, даже если

ранения будут сквозные. Памятуя бой с тем элитником, такие твари очень живучи. Ласка, Чума, Мамба, бьете по суставам передних лап, сначала целим в левую, она у него основанная, нужно лишить его подвижности и возможности подобраться к нам. Глыба, Док и Близнецы в твоём подчинении, стреляешь в миньонов, они обязательно потянутся за своим хозяином. И посматривай за спину, тут целая Орда, могут что-нибудь удумать, там Тигра, если дам команду, сразу переводи огонь на ту сторону.

— Понял, командир.

— Тогда начинаем, стреляю первым.

Змей привычно заполз на лежанку. “Правильно Ласка говорила, условия идеальные, влажности нет, ветра почти нет, солнце за спиной”. Потянулся за винтовкой, дотронуться не успел, а Хищник уже в руках. “Приятно. Это второе изделие, от которого только радость, и столько всего нераскрытого впереди, все-таки как же приятно быть создателем”.

Посмотрел в оптику и будто очутился рядом с целью, по рылу твари двигался красный крест в круге. Целеуказатель, отлично, получше лазерных прицелов будет. Змей навел на глаз, вернее щель меж двух толстых пластин. Выдохнул, задержал дыхание и меж ударов сердца нажал на шершавый курок, ничего не произошло, на месте глазной щели остался покрашенный красный кружок, рядом, от ударов сердца, дергался целеуказатель, навел на другую щель, нажал, получил то же самое, красная метка осталась на глазной щели. Монстр шевелился, хрустел очередной головой, а метки не сдвигались. Змей навел на носовую впадину, нажал на курок, про себя приказав: «Огонь». Винтовка завибрировала, похоже на вибрацию айфона, а от морды Монстра в разные стороны полетели кровавые ошметки, похоже тварюга в раз лишилась и зрения и обоняния.

Валькирии разом вскрикнули, увидев этот фейерверк из костей, мозгов и крови, окутавший Горило-Носорога. Тварь сотрясла пространство таким визгом и ревом, даже здесь, в отдалении километра, это шумовое оружие монстра придавило и заложило уши. Монстра откинуло, его даже перевернуло через голову. Да это не винтовка — это Гаубица.

— Стрелять, Мать Вашу, — заорал Змей.

Девушки тут же начали отстрел. Чудовище рвануло к тиру, больше напоминая скоростной Локомотив при наборе скорости. “Вот же тварюга, четко определила откуда идет угроза”. Змей поймал в прицел правую лапу, два раза быстро нажал на курок, и выплеснул из себя приказ: «Огонь». Мгновенный отзыв вибрацией и правая лапа монстра отплывает напрочь. Тварь оступилась на кровавой культе, и как бульдозер зарылась рылом в землю.

— Братва, бьем по миньонам.

Три твари бежали клином и были совсем рядом. Змей забил в магазин пять патронов, понимая, что не успевает, прыгнул на парашют, еще в воздухе доставая Черный свет. Одну, у самой стены, добились стрелки. Две другие по-кошачьи прыгнули на стену и начали стремительно подниматься.

Две очереди в головы каждой, их сбросило со стены. Тут их и добились всем скопом. Ласка подбежал к сидящему Змею, помогла сделать пару глотков живчика.

— Ты как?

— Вроде очухался.

— Змей, давай не хандри, без твоей Пушки, похоже, ни как. Там главный на подходе, ковыляет медленно, но как танк — не остановить, он уже почти под стенами.

— Стреляйте в голову.

Ласка умчалась крича: «Стреляем в башку»

Живчик придал сил, вот же живая вода. Кряхтя, встал, и ужаснулся, лапа Большого боса уже зацепилась за парапет.

— Полундра, — во всю силу своих легких заорал Змей.

Его бойцы грамотно отступили, стреляя на бегу. Вот и Тигра с Тенью пробежали, в дверях, ведущих вниз, остановились, там же стоял и Глыба.

— Давай вниз, парень, — закричал Змей.

Глыба покачал головой и вскинул свой Печенег, мол, будет здесь до конца.

Чудовище уже перевалилось через парапет, частично обрушив его.

Змей вскинул винтовку, отметил пять точек, подгадав, что бы заряды прошли не только голову, но и все туловище.

— Лопай, Тварь! Хищник, Огонь!

В таком ажиотажи Змей даже вибрации не ощутил. А Монстра будто вспучило, громада пару раз дернулась и издохла. Конечно, когда тебе пять крупнокалиберных железок вгрызутся в голову, а выйдут, пардон, из задницы, и Демон из Пекла издохнет. Змей посмотрел и скривился, тем более, задницу у твари и в самом деле удалось отстрелить. Тигра с Тенью уже прыгали во всю на монстре, соревнуясь, кто кого выше подпрыгнет.

Змей подошел к двери и проорал:

— Эй, бойцы, отбой! Трофеи наши все, шевелись обратно.

Когда добежали до Твердыни, поняли, что Змея, Глыбы и его питомцев нет. И сразу все ринулись назад, и Твердыня тоже. Почти на выходе услышали крик Змея:

— Эй бойцы, отбой! Трофеи наши все, шевелись обратно.

Девушки буквально повисли на шее Капитана. А Ласка, чмокнув в щеку, с укором сказал:

— Капитан, больше не делайте так, всем приказали отходить, а сами остались.

— Ласка, настоящий боевой офицер именно так и должен поступать, прикрывая отход своих. И хватит лясы точить, пока Орда в замешательстве поднимаем Элитников. Давай, давай, братва, пошевеливайся! Время — жемчуг!

Глыба быстро скинул петлю, зацепил за лапу твари, рывком затянул и дал команду Пересолу, натужно ревя заработал подъёмник. “Вот, — подумал Змей, — мы бы просто не подняли большого этим приспособлением”.

Всех трех элитников подняли быстро, правда, последнего пришлось затаскивать, помогая баграми, но справились.

Змей выдохнул, все получилось, он присел перевести дух. Подбежал Док.

— Капитан, тварюгу не вскрыть, одолжите, пожалуйста, Ваш Аристократ.

— Конечно, Док, — и Оружейник протянул ему свой нож. “Надо бы сделать всем ножи ведь хотел же — забыл”.

— Змей, — подбежала Ласка, едва ли не подпрыгивая, — у Главного десять красных жемчужин и почти сто горошин, а споранов сотни три и еще янтарь узелковый, много, я о такой добычи с одной твари даже в байках не слышала.

— Ласка, скажи Доку, пусть всю требуху у тварей забирает, и когти, клыки с рогом не забудьте.

Ласка кивнула.

— Док не смог, силы не хватило, а вот Глыба это уже сделал. Ваш нож просто — чудо какое-то. Да и вы сами чудесный, повезло нам, — и побежала назад, там же было столько

много интересной работы. К вечеру туши разделав, покидали вниз.

Грязные, усталые, все в крови, но безбрежно довольные они побрели домой, где всегда тихо, есть горячая вода, еда и золотой туман.

Глава девятнадцатая Орк

Добыча была солидной. Двадцать четыре жемчужины, из которых восемнадцать красные. И еще много чего полезного.

Все это не давало спать, гнало с кровати. “Нужно использовать все, по полной” — решил Змей, осторожно вставая с постели. Одевался по дороге, идя на запах. На камбузе, не смотря на раннее утро, было весело и оживленно. Близнецы выпекали что-то сладкое, а вот хлеб был уже готов, высокий, румяный, с аппетитной корочкой, а пах как — закачаешься, дразнится «всему голова». Хотелось отхватить еще пышущую жаром печи горбушку, намазать маслом, и, эх...

Тигра с Тенью уже были здесь. “Все же, какие талантливые воспитанники”.

— Привет, парни, спозаранку, а уже в деле.

Близнецы, гремя противнями, сутились у зева большой духовки, вытаскивая оттуда очередную вкуснятину. Ни на секунду не останавливаясь, Пересол поприветствовал:

— Доброе утро, Капитан, наша бабушка, когда под утро подходила к печи, говаривала: «Хороший хлеб солнцу вставать помогает». Вот и мы чтим традиции.

— Доброго утра Вам, Кэп, присаживайтесь, позавтракайте, — добавил Недосол.

— Хорошая у Вас была бабушка, правильные слова знала.

Подскочили Тигра с Тенью, Змей погладил своих любимцев. Им Пересол выложил большую тарелку отваренных креветок и попкорна, треск зазвучал на весь камбуз.

— Любят они тварей морских, — сказал Пересол

Змею досталась большая кружка кофе, свежий хлеб, масло, сыр и два пирожка с вишней.

— Приятного аппетита, Кэп. Приятного аппетита, Тигра, Тень.

— Как же хорошо, — сказал Змей, вставая со стула, — Спасибо. Можно еще парочку с вишней с собой?

— Капитан, Вам все можно.

Пересол быстро завернул в плотный пергамент три пирожка и подал Змею.

Вышел из камбуза, оставив там счастливых воспитанников и не менее счастливых Поваров, в одном из карманов лежал сверток, слегка обжигающий грудь, но зато пахло непередаваемо вкусно. Не выдержал, прямо на ходу достал, развернул, откусил.

— Умм, — оставшиеся завернул и положил на место.

Пока шел до двери в Реакторную, наслаждался вкусом и искусством Близнецов, думал, правильны ли намеренья. Когда дошел, еще больше укрепился в выбранном пути. Запор бронированной двери даже не сопротивлялся, как говорится, почти сам открылся.

— Ого, — вырвалось у Змея, когда он прошел видимый через стекло коридор и повернул направо.

Радоваться было чему, огромное помещение и концентрация золотого туман здесь была колоссальна, и вот что интересно, ранее он ошибался, думая, что это эффект от работы реактора, оказалось нет, у установки регенерации воздуха плотность тумана была значительно выше. Там же нашлось множество подсобных помещений, лучшее без застенчивости захапал себе. Фактически это было три помещения. Одно большое, квадратное с очень высокими потолками и вытяжкой, дальше, через небольшой коридор уютное прямоугольное помещение, отделаное деревом и, что немаловажно, в следующем помещении через стеклянную дверь находилась туалетная комната с душевой кабиной,

раковиной и унитазом. Тут тебе и испытательный полигон, и хорошая спальня с удобствами выйдет, он быстро очистил склад, как он понял, это было что-то вроде каптёрки, здесь находилось почти все от трусов до парок. Нашел грузовую тележку, и вывез эту массу одежды и обуви, в какую-то подсобку на само выходе из Реакторной, «врядли здесь кто-нибудь поселится». По ходу этой канители, подобрал себе рабочий комбез и обувь, и тут же переоделся. “Ну вот, хоть стал похож на человека и командира”. Взял так же пару белых комплектов с шапочками Атомщиков, понравилось, качественный хлопок, отличный крой, подойдет для будущей мастерской. Нашел и комплект для Глыбы, для кого его шили, Змей не знал, но хотел бы увидеть и сравнить его с другом.

Оказывается, пока он «развлекался» в Реакторной его обыскали и нигде не могли найти и сейчас сидели, обсуждали, что толкнуло Капитана выйти из бункера рано поутру.

— Так, команда, слушай меня, — прервал множественные вопросы Змей. — С сегодняшнего дня прием Алого Гроха обязателен Всем без исключений, утром и вечером, Недосол, Пересол, контроль за Вами. Док, за тобой обеспечение и дозировка для каждого. Глыба, с сегодняшнего дня выдавай Доку все, что он будет запрашивать. Прямо сейчас все переезжают со своих обжитых мест в Реакторную, я там был, концентрация золотого тумана в разы больше. Одно из помещений я очистил, оно мое, не трогать. Кстати, там одежды полно, советую всем прибарахлиться. Прошу всех по максимуму использовать свои таланты, как, решать Вам. Буквально завтра-послезавтра будем пробовать усилиться жемчугом, может кому-нибудь и повезет.

До обеда переехали и обустроились, довольными остались все. Собрались в кают-компанию, беседовали, делились впечатлениями. К Змею подсел Твердыня.

— Кэп, Вы не против, если я создам жилую зону в реакторной, более выгодную для всех, материала полно. Змей понял, о чем говорит Твердыня, здесь был здоровенный склад то ли остатков, то ли невостребованных строительных материалов.

— Конечно, Мастер, было бы здорово.

Твердыня протянул Змею листок с рисунком.

— Что это? — спросил Змей.

— Взял на себя смелость спроектировать Вашу мастерскую. Змей присмотрелся, он даже не мог мечтать о таком.

— Великолепно, — только и смог произнести Змей.

— Значит утверждаете?

— Да, буду обязан. Когда начнете, Мастер?

— Сейчас.

— Хорошо. Змею понравилось, как это человек принимает решения.

Отобедали, как и положено на флоте: первое, второе, третье и компот.

— Эх, и разбаловали Вы нас, — обратился Змей к Поварам.

Близнецы лишь улыбались.

“Надо их как-то премировать, обязательно подумаю над этим” — решил Змей.

— Глыба, есть желание сходить на крышу? Нужно обстановку разведать и тварей проредить, а то мы тут в комфортной, но западне.

— Глыба готов.

Тигра с Тенью тут как тут, Тень на плече, Тигра в колено дышит.

— Ласка, Чума, Мамба, берете по ящичку лимонок, Глыба два ящичка, один для меня.

На поверхности все было ожидаемо, уже на втором этаже они услышали ужасающий ор

тварей, хоть уши затыкай. У самых стен шла нескончаемая битва за мясо элитников.

— План таков, у каждого из нас по двадцать Ф 1, - сказал Змей. — Бросаем пять штук, ждем тридцать минут, бросаем и так пока не закончатся гранаты.

Распределились по периметру, Змей отдал команду. Череда взрывов и свист осколков перекрыли все, через несколько минут набежали новые и все повторилось.

Перед уходом посмотрели на дела рук своих.

— Сколько споранов пропадает, целое состояние, — с сожалением сказала Ласка, глядя на вал мертвечины окружающий Тир.

Шли домой в приподнятом настроении, появилась перспектива в ближайшее время выйти.

— Капитан, будем каждый день ходить? — спросила Мамба.

— Да, — ответил Змей, — пока не проредим настолько, что сможем выйти.

“Все же Твердыня невероятный человек”. Змей стоял в своем новом обиталище. Вроде ничего существенного, на входе стояла широкая плита, работающая ширмой, скрывая пространство мастерской от любопытных взглядов и делая его более уютным. Изменился пол, он стал идеально ровным, серым, не скользким, по центру большой, массивный железный стол в форме широкого креста, а над всем рабочим пространством нависал огромный купол вытяжки, на краях которого крепились фонари, светившие в центр.

— Чудесно!

Змей подошел к столу, взялся за него и, через несколько секунд, по нему побежала широкая, радужная полоса. Отстранился, упадка сил даже не почувствовал, подумав: “Возможно эффект от золотого тумана”. Погладил по черной матовой поверхности: “Красотища”. Взглянул на купол, через несколько ударов сердца и его структура изменились, лампы вытянулись, стали более похожи на прожекторы. Отошел к самой двери, рабочее место смотрелось тяжелым, темным ядром всего пространства. Змей и сам не ожидал, что получится так притягательно.

Оружейник заулыбался:

— И вправду, какая-то влекущая к себе черная дыра. Руки зачесались, как захотелось поработать. Как говорится, на ловца и зверь бежит.

За входной дверью раздался бас друга:

— Капитан.

— Заходи, Глыба.

Гигант вошел нагруженный, как верблюд в торговом караване, и застыл, оглядываясь, туда ли он попал.

— Что же ты, выкладывай все на стол.

Глыба все аккуратно выложил, любуясь столом. Змей удивленно уставился на огромное сердце твари, оно нет-нет да сокращалось. “Вот же, разум отказывается верить в подобное, но глаза же видят”.

— Это большого?

Глыба кивнул. Рог и эти семьдесят сантиметров скрученной мощи даже здесь, на темном столе, вызвали опасение и уважение.

— Так, Глыба, пошли переодеваться, — увидев вытянувшееся лицо Глыбы, Змей рассмеялся. — Глыба, для каждой ответственно точной работы должна быть своя одежда, положено так, понимаешь.

— У Глыбы нет нужного, — будто мехи в кузне задействовал, вздохнул Гигант.

— Зато у меня для тебя есть, — подбодрил его Змей.

Змей и Глыба смотрелись феерично во всем белом у темного ядра мастерской. В святая святых просочилась Ласка и остолбенела. “Нужно попросить Твердыню сделать мощную дверь с внутренним запором” — подумал Змей.

— Капитан, можно нам поприсутствовать? — тонким, детским голосом попросила Ласка, глаза были как у маленькой девочки, впервые попавшей в «Детский Мир» на Лубянке.

Змей кивнул, и рукой указал в угол, там стоял длинный, кожаный диван, туда и прошмыгнула вся компания с Тигрой и Тенью во главе. “Точно, дверь делаем, нет, две, для уверенности».

— Что ж, второй подход, — тихо сказал Змей. Глыба кивнул. — Работать будем в несколько этапов, так будет правильно. Сердце выкладывай последним. Да поможет нам Золотой!

Оружейник уже по привычке к плотному Золотому туману на новом месте, когда знаешь, что это на пользу, можно и потерпеть. Сейчас же он возлагал большие надежды на действие этой таинственной субстанции.

Змей посмотрел на Глыбу, стоящего напротив, слегка кивнул, мол «готов». Этот мир почти перестал существовать для Оружейника.

Начали с тех же ингредиентов, что отработывали ранее, быстро определившись с рогом, он подошел сразу, еще отобрался два когтя от главного босса, восемьдесят граммов янтарного массива, и удивительно, небольшой слиток серебра.

Змей смотрел на увеличивающуюся кучу и с легким беспокойством думал: “Не громоздкий ли меч получится”. Наконец, вышли на финишную прямую, как ни странно, подошло пятьдесят пять споранов от скреббера, сотня гороха того же носителя и две красных жемчужины. Аура всех материалов держалась в красно-зеленом диапазоне. Сердце Демона изменило все, материалы вспыхнули и засияли, пульсируя в такт сокращения сердца фиолетовым.

— Наконец, — обрадовался Оружейник, смахнув воображаемый пот со лба.

Зрители на диване даже пошевелиться боялись, Док и вовсе наклонился вперед, буквально пожирал глазами, наблюдая за действием, разворачивающимся на темном столе. Так же и Твердыня был напряжен, как гончая, увидевшая зайца.

И вот хаос, несуразная куча выбранных материалов поднялась в воздух и начала медленно кружиться, все убыстряясь и убыстряясь, Глыба едва успел уклониться, и уже на коленях, убрал все лишнее со стола и отполз. Шумно включилась вентиляция, ветер уже во всю свистел, трепал волосы собравшихся, а Змей стальным обелиском стоял совсем рядом с торнадо, будто приваренный к кресту. Когда присутствующим пришлось цепляться за Глыбу и испытать реальный страх за свою жизнь, все смялось в большой, блестящий, нежно-фиалкового цвета шар, в размер баскетбольного мяча, и он с грохотом рухнул на центр стола, пыла жаром. Вентиляция выла, работая на пределе.

— Первый этап, — сказал Оружейник и отстранился от стола.

Глыба помог Змею дойти до кожаного дивана. Он очнулся через час. На вопрошающие, обеспокоенные взоры собравшихся вокруг дивана, сказал:

— Все нормально, чувствую себя хорошо.

Глыба протянул флягу. Змей взбодрился, посмотрел на стол. Фиолетовый шар через ровные отрезки времени продолжал пульсировать.

— Остыл? — спросил Оружейник, посмотрев на Глыбу.

— Глыба подходил. Шар теплый.

— Хорошо, продолжаем. Поехали! — и Оружейник взял в призрачные руки шар и стал сжимать, как снежки лепят, дожав до размера грейпфрута, из-за уплотнения шар стал тёмно-фиолетовым и очень нагрелся. Жар, исходящий от него, похоже, подпалил его брови. И он, как-то невзначай, по наитию, как будто держал в руках горячий пончик, обжигающий руки, подул на него, желая остудить.

Каково же было удивление сидевших на диване и увлеченно смотревших металлургический триллер, когда на их глазах здоровенный шарикоподшипник фиолетового цвета подскочил в воздух и начал, как будто это шар из теста, разминаться, лепиться, сжиматься. Опять заработала на полную вытяжка. Температура в помещении стала быстро расти, и вдруг, со стороны Оружейника, вырвалась белая струя холода, остудив не только уменьшившийся шар, но и в самой мастерской стало морозно, а черный стол покрылся изморозью. Док вскочил, замахал руками и как настоящий фанат, стал скандировать: «Змей! Змей! Змей!». Его поймали и водрузили обратно на диван, заткнув рот ладошкой Глыбы, чтобы не мешал.

— Второй этап, — сказал Оружейник и отошел от своего крестообразного верстака.

Его уже привычно уложили на диванчик. Оружейник очнулся сказав:

— Удивительно, но чувствую себя, будто только что с курорта вернулся. Глыба, как там шар, оттаял?

— Глыба подходил. Шар теплый.

“Постоянство, хорошее качество”, - подумал Оружейник.

Сбил шар в четкий куб, колько раз он его надрубал, изгибал и снова превращал в ровный кубик, он сбился со счета. Когда цвет кубика стал почти черный, он остановился. О форме меча он давно решил, это будет «Чинкведиа» с очень широким, треугольным клинком, ее еще называют — Божественная пятерня. Очень древняя форма, один недостаток, клинок всегда получался чрезмерно тяжелым, даже в кинжале. Тем более, он хотел немного видоизменить традиционную форму, так называемую, сильную часть клинка сделать еще более широкой, почти в ширину изогнутой полумесяцем гарды, а вот слабую часть выполнить в форме обычного двуручного клинка, только вместо дола пустить ребро жесткости усиления, как у классической «Чинкведиа» через весь клинок до эфеса. Теперь он уже полностью представлял себе его, до мельчайших подробностей, от навершия, в форме головы Орка в оскале, до, почти прозрачной режущей кромки и клейма клинообразной формы, в виде оперения стрелы с рожей смеющегося злого клоуна.

Металл потек, постепенно приобретая ту форму, которую он так желал, Оружейник осмотрел, едва сам не задохнувшись от охватившего его восторга.

— Здравствуй, Орк!

И клинок, с темно-фиолетовым отливом, очнулся, поприветствовал своего создателя Рыком. Это слегка даже как-то озадачило Оружейника, будто свой пес зарычал на хозяина.

Змей подошел и протянул меч, столбом стоящему, Глыбе. И только когда Глыба принял драгоценность в руки, Оружейник вдруг обнаружил, что он вышел из своего тела и присутствует около Глыбы призраком, да и сам гигант и остальные выглядели как-то непривычно, полупрозрачно, будто из стекла сделаны. Он впервые обратил внимание на живых, находясь в этом состоянии. И посмотреть было на что, он видел контуры органов, и в этом он не нашел ничего занимательного. А вот на пылающие субстанции в области

солнечного сплетения у всех присутствующих, не обратить внимание было невозможно. Небольшие, ослепительные, парные звезды бушевали, кружась друг подле друга протуберанцами, в пределах телесных оболочек, и у всех они были разными, сногшибательное зрелище, глаз не оторвать. И тут же осознал: “Это же душа и дар, и у каждого они разные”. Все это промелькнуло, как мгновение, он ощутил пронизывающий холод и ринулся к своим парным звездам, греться в их лучах.

Змей отошел от стола, он был доволен, открывающиеся возможности будоражили.

— Глыба, как тебе?

Глыба кивнул, говорить он не мог так и держал в двух руках, любовался.

— Имя мечу Орк, и знай, у него строптивый характер, не давай ему слабину.

Все это время Ласка просила Глыбу дать ей подержать это чудо, почти в ее рост. Гигант смилостивился.

— Ух ты, — в захлеб восхитилась Ласка, — да он весит на уровне обычного полторного меча, ну может чуть больше, максимум два килограмма, а по виду все двадцать, — сделав нижнюю блокировку, еще больше восхитилась, — тут нижней частью клинка можно как щитом пользоваться.

Чума, вмешалась:

— Ласка, смотри, наверхие, как живое.

Девушка аж охнула, обратив внимание на голову орка. Пока Ласка с Чумой восхищались, а Док с Твердыней стояли в очереди, пользуясь моментом, умней и прагматичней всех поступила Мамба.

Мамба подошла к Змею, взяла за руку, ласково посмотрела ему в глаза.

— Змей, прошу, сделай мне меч, винтовки твои — чудо, но в ближнем бою сделанный тобою меч может жизнь спасти.

А что он мог сказать, пришлось соглашаться, и с остальными повисшими на его шее. К вечеру этого дня Твердыня смастерил, по просьбе Оружейника, дверь, открыть которую мог только Змей.

Натаскав в мастерскую материалов и провизии, Змей с Глыбой ушли в отрыв на трое суток, не заметив как Тигра с Тенью под шумок проскачили и со всей тщательностью спрятались. Капитан, призвав каждого усиленно заниматься своим даром, а Ласке дополнительно раз в сутки навеваться на крышу и прорезать Орду. Тень с Тигрой не попались на глаза, «где-то бегают, подумал Змей, ладно увидися через три дня».

— Глыба начинаем.

И они с погрузились в работу, душа трепетала от предвкушения. “Становлюсь зависимым, я теперь, пожалуй, уже не смогу без этого”.

Целый день готовили исходный металл для будущих клинков. Отдыхали тоже с пользой, буквально светящийся от счастья Глыба кружился со своим мечом, нарабатывая навыки для замкнутых пространств.

И Змей не тратил время зря, он все больше и больше проводил времени в состоянии Оружейка, хотя понимал, что это самоназвание совершенно неправильное, скорей всего он попросту наловчился выходить в Астрал и оттуда мог воздействовать на предметы.

Даже на отдыхе он постоянно экспериментировал, просто изучая окружающее, или пытаясь создавать что-то полезное. Постепенно придя к мысли, что нужно пробовать малые формы, понимая — за этим будущее, и его сила и сила клана, возможно, могут сильно возрасти, если удастся создать что-нибудь стоящее. Его просто трясло. “Как хочется все

бросить и дерзать на новом поприще. Становлюсь похожим на Дока” — с усмешкой подумал про себя Змей.

Исходный металл для мечей и ножей они сделали и даже чуть больше, все шло с опережением плана. И друзья решили до отбоя заняться каждый своим. Глыба с Орком кружились в вальсе, а Змей сидел на диване, вертя в руках небольшой шарик полученного металла, забавлялся, то скатывая его в шар, то вытягивая в проволоку.

Тут он и увидел «лазутчиков», преспокойно сидевших на диване рядышком. Змей на это только улыбнулся, этих двоих не проведешь, если надо в щель пролезут, как ни крути, настоящая разведка.

Тигра зевнув, как-то нерешительно подошла, будто боясь, что ее будут ругать.

Змей вернулся в тело, погладил Тигру, и она улеглась рядом, следом прискакал Тень и улегся привычно на плечо. «Вот же хитрюга». Он посидел немного расслаблено, ему всегда было хорошо, когда Тигра и Тень рядом. Долго не выдержал, переместился в Астрал и начал нарабатывать навыки утончения проволоки, попутно разглядывая Тигру. Все так же, как у людей, две звезды жгутами протуберанцев заполняли все тело, и тут он случайно выронил проволоку, упавшую прямо на Тигру. Оружейник сразу заметив изменение: сильно усилился и изменился цвет отдельных протуберанцев.

Змея аж подкинуло, и он заспешил к своему крестообразному верстаку, взял излишек металла, разделил на три части и решил обогатить их.

С одним слитком он соотнес янтарь, спораны от скреббера и кусок печени Элитника. С другим коготь, клыки и сердце одного их трех элитников. С последним, скрипя сердцем, две красных жемчужины. Поработав увлеченно с металлами, у него получилось: один слиток с ярко-зеленоватым отливом, второй с блестяще черным, последний вышел кораллового цвета.

От каждого слитка отделил по небольшому равному куску раскатал и протянул через прозрачные пальцы, как через «Фильеру».

Вышел, посмотрел на метровые, тонкие проволочены на столе, попробовал согнуть, не смог. Попробовал обрубить Аристократом, потерпел фиаско, правда, и нож не пострадал. Руки чесались. Тигра с Тенью внимательно наблюдали, чувствительные создания знали, их касается. Змей быстро снял мерки с лап Тени и Тигры. Сделал образцы из жести, получились браслеты. Примерили, хорошо подошли. По ним подобрал подходящий пруток чуть большего диаметра, ужал до нужного размера, закалил насколько смог металл, лекала получился не хуже, чем на Аристократе.

Пришлось вспомнить свое детдомовское прошлое, было время, все поголовно увлекались плетениями, девчонки плели свои фенечки, а ребята плели свое, — brutальное. Когда-то и у него неплохо получалось. А тут и того проще, браслет. Сплел, обжал на лекале, точно подгоняя браслет, не забыл поставить маленькое клеймо клана. Тоже самое сделал и для Тени. Подопечные восприняли новшества с большим энтузиазмом и радостью, будто понимая ценность приобретения. Тень и вовсе подбегал каждую минуту, поднимал лапу и свистел, хвастался. Когда Змей посмотрел на то, что же произошло с внутренним миром своих подопечных, увиденное сильно потрясло Оружейника, буквально все стало мощней, две кружащиеся субстанции буквально ослепляли, на всех лапах появились какие-то темные вихри, от источников яркого свечения нет-нет да проскакивали неново-зеленые, красные и черные жгуты.

“Да тут жизнь нужно потратить, что бы разобраться что происходит. Слава богам этого мира, все кажется в пользу, иначе Тигра с Тенью так не радовались бы, уж более

чувствительных созданий здесь не встретишь”.

Ну, как и положено, чтоб понять что-то, нужно пробовать на себе.

По проторённой дороге сделал все быстрее и качественней, а плетение позаковыристей.

Сделал надрез на запястье, засек время, в Золотом тумане заживало на глазах. Надел браслет, сделал схожий надрез, зажило, секундомер не успел в руки взять.

" Отлично. По одному признаку можно судить и об остальном. Зеленая составляющая — это, скорей всего, здоровье, черная — боевые возможности, красная — общее усиление дара. Пока будем придерживаться этой теории, дальше время покажет”.

Глава двадцатая Хорошо идти по свету с винтовкой за плечом

«Бывает такое, и вроде все хорошо, все получается, а нет, будто что-то царапает изнутри, и имя этому зверю — сомнение. Сколько им загублено великого и сколько создано, только владетель душ знает».

Вечером привычно собрались в кают-компанию, сегодня, как и прошедшие два дня, поработали на славу. Твердыня закончил жилую зону, выстроив ее прямо рядом с регенератором, где воздух с самой плотной концентрацией Золотого тумана. Небольшие, компактные жилища ультра современно вида, будто соты, уходили в вышину, благо в Реакторной до свода было прилично. Док хвастался новым зельем на основе крови Элитников, утверждая, что оно сильно убыстряет и увеличивает выносливость, предлагая всем попробовать. Желающих рискнуть пока не было.

Девушки, недавно вернувшиеся с крыши, шумно обсуждали стояние Орды, заверяя, что уже вполне и по силам пробиться. А Близнецы потчевали чаем с чабрецом, выставив на столы несколько видов печенья.

— Как думаете, когда Змей появится? — невзначай вставила Чума. Этот вопрос буквально висел в воздухе.

— Скучно без них, — сказала Мамба.

— Очень, — согласилась Ласка. — С Тенью и Тигрой всегда было весело время проводить.

Все заулыбались.

— Глыба говорит всем здравствуйте, — подражая голосу гиганта, прогрохотал Твердыня.

Собравшиеся на печенье с чаем дружно засмеялись, уж очень похоже спародировал Твердыня.

— Смотрю у Вас тут весело, — сказал Оружейник, входя в кают-компанию.

За ним вошел сияющий и важный Глыба с объемной, кожаной котомкой за плечами.

— Глыба говорит всем здравствуйте, — громыхнул Гигант.

И все дружно в ответ рассмеялись. Тигра и Тень проворно прошмыгнули в кают-компанию прямо к столу, призывно пискнув, мол, а здесь кормят.

Змею было приятно как их встретили, да и он сам успел соскучиться. После бурных приветствий и обнимашек первая не выдержала Мамба:

— Капитан, у Вас получилось?

Неожиданно вмешался Пересол, громко и убедительно заявив:

— Так нельзя. Закон. Сначала накорми, напои и только потом расспрашивай.

— Снова Бабушка? — спросил Змей. Пересол с Недосолом кивнули. — Как же повезло Вам, парни, всем бы таких бабушек.

Пока они с Глыбой насыщались, а Тень с Тигрой трескали свой любимый попкорн остальные уже во всю обсуждали невиданные до сель новшества, переливающиеся браслеты на лапах Тигры, темные, едва видимые на лапках Тени и brutальные наручи на руках Глыбы и Капитана.

— Спасибо, — сказал Змей, — как всегда бесподобно, — поблагодарил он Близнецов. — Наконец, и у меня есть чем Вас порадовать. Глыба, доставай то, что делали для камбуза.

Гигант достал из объемной, кожаной котомки две старорусские тяпки, предтече современных ножей-топоров для рубки мяса, и торжественно вручил Близнацам. Они буквально светились от счастья, им, что в том, что в этом мире никто никогда ничего не дарил, кроме бабушки конечно, а тут сразу такую драгоценность двойного назначения вручили. Для каждого в объемной котомке Глыбы нашелся неповторимый кинжал или нож, сделанный специально под него. Все, как дети, с горящими глазами и интересом разглядывали свои сокровища.

— А как же мечи? — вспомнила Мамба и наигранно, капризно поджала губки. — Не хватило времени, материала?

Змей и Глыба заговорщицки переглянулись. Как говорят у нас, совместим приятное с полезным.

— Ты, Мамба, первая просила, тебе первой и получать. Сядь, пожалуйста, напротив меня, и протяни руки.

“Опять Змей что-то придумал” — подумала Ласка, и не только она одна. Док, как более опытный естествоиспытатель, быстрее всех сориентировался, пересел к девушке поближе. Гигант, с видом самого загадочного фокусника, вывалил на стол целую связку сверкающей красоты, а рядом аккуратно выложил драгоценную табакерку с жемчужинами, откинул крышку, тут же появился Скифский Кубок.

— Алый Грох, — гроыхнул гигант, вылив в сосуд целую флягу.

— Тигра, Тень, Ваш выход.

Тень проворно сбежал с плеча по руке Змея и остановился у кучи добра, блестя черными глазками-бусинками, важно поглядывая на всех. Тигра, не менее проворно, запрыгнула на стол и проследовала к рукам девушки.

Было забавно смотреть как эти оба, друг за другом, обнюхивают руки Мамбы, причем Тень, до мельчайших подробностей, копировал Тигру, продолжалась это пантомима пока Тигра рассержено не шикнула на Тень. Тогда стремительная мелочь перешла на другие части тела застывшей Мамбы и, казалось, облазил ее всю, под конец, замутив на голове испытуемой, новую панк прическу.

Мамба едва держалась, из последних сил, как говорится, и народ, конечно, едва сдерживался, чтоб не заржать. Наконец, Тигра определилась, выложив на руку Мамбы красную жемчужину. А Тень, в это время, упираясь пер в ее сторону два браслета связанных черной лентой. Дотащив, встал столбиком и пискнул, мол, готово, смотрите на меня все какой я важный.

— Молодец, — сказал Змей и погладил Тень.

Он взял выбранные Тенью браслеты, посмотрел на девушку напротив, будто мысленно примеряя, подойдет ли, и видимо согласившись с выбором своего маленького помощника надел. Тут же, прямо на глазах всех, они ужались, плотно обхватив запястья.

— Не жмет? — спросил Оружейник.

Мамба покачала головой, ничего не понимая.

— Как себя чувствуешь?

Мамба удивленно:

— Как новенькая, как будто только что из душа и дня тяжкого не было.

Девушка непроизвольно сладко потянулась, тряхнув головой.

— Тогда что ждем, принимай жемчужину она твоя.

Мамба встала, проглотила жемчужину

— За Братство! — и отпила из кубка.

Собравшиеся зааплодировали.

— Присаживайся, — Мамба довольная присела. — Попробуй выпустить лезвие, — сказал ей Змей.

— Что? — спросила ошарашено Мамба.

— Ну, представь себе, будто ты держишь в каждой руке по клинку, или, как кошка выпускаешь когти, что бы ответить обидчику.

Мамба возможно приняла это за розыгрыш, грациозно выгнулась, зашипев по-кошачьи и характерно растопырив пальцы, изобразила парные удары кошачьих лап, очень даже правдоподобно получилось, а вот увидеть на концах своих пальцев изящно изогнутые, будто спрессованные из искрящегося света, двадцатисантиметровые когти она никак не ожидала. Испугавшись увиденного, резко отшатнулась назад, упав в месте со стулом Тигра вмиг оказалась на плече.

— Жива? — спросил Змей. — Не поранилась?

С середины стола шли восемь тонких, сквозных прореза, включая толстенную раму. Мамба сидела на полу, рассматривая свои пальцы, они были, как и раньше: красивыми, тонкими, ухоженными.

Змей встал из-за стола и вышел на центр кают-компания, под удивленные взгляды поклонился и закружился, выполняя замысловатое катэ с парными мечами, не человек, а темный торнадо с мечами-молниями, зрителей впечатлило до рожи в коленях. Змей замер на последнем ударе, клинки развоплотились, истаяв дымкой, он поклонился.

Аплодировал только Глыба, все остальные были немного не в себе.

Взглянув на растерянных друзей, Змей виновато подытожил:

— Придется по привыкнуть, эти клинки намного удобней и эффективней материальных, это могут быть и когти, как доказала нам Мамба, или вот такие гладиусы, как были сейчас у меня, или даже двухручник или боевой топор, все, что Вам захочется. Энергия берется частично из вашего источника, здесь подвох, так что поосторожней, постепенно от применения к применению будет усиливаться и Ваши внутренние силы. Зато в этих артефактах есть и дополнительный бонус, браслеты на порядок усиливают регенерацию, выносливость и силу — это уже проверено. Вполне вероятно и общее усиление дара, или какие-нибудь индивидуальные усиления, браслеты все разные, поэтому прошу, пробуйте, присматривайтесь, о своих наблюдениях и выводах докладывать своевременно, то есть незамедлительно. Док, Вас это касается больше всех.

Остальные браслеты выбранные Тенью подбирали с большей осторожностью, а испытание происходило на просторной платформе, по окончании собрались в кают-компанию. Делились впечатлениями о доставшихся жемчужинах, разглядывали браслеты на запястьях друг у друга, искренне благодарили Змея.

— Друзья, пришло время выходить из яслей, и не спрашивайте почему и откуда, чуйка подсказывает, закончились наши каникулы. Завтра с утра идем в Рамбов.

Этой ночью ни кто не спал, будоражили артефакты на запястьях и мысли о предстоящей дороге в город апельсиновых деревьев, как там все будет, никто не знал.

Раннее утро. Светило даже еще не окрасило в теплые тона восток, роса, поземка предрассветного тумана. Осмотрелись, спустились, природа бодрила, вперед привычно ушли Тень с Тигрой. Шли быстро, Змей, как привязанный, четко шел, повторяя маршрут выбранный Тигрой.

Дважды натыкались на трупы тварей, с почти отрубленными головами, на что Змей только качал головой, Тигра с Тенью уже сами расправлялись с чрезмерно любопытными Бегунами. Перешли Копорское шоссе, углубились в лес, и побежали трусцой напрямки, люди соскучились по движению, бежали в радость. В полдень осторожно прошли по окраине Большой Ижоры не встретив ни иммунных, ни зараженных. А вот когда вышли на железку от Тигры пришел сигнал тревоги.

— К бою! — отдал приказ Змей.

Прошли еще немного, на насыпь железной дороги, примерно в восьмистах метрах, не таясь, вышло пять человек в черно-коричневом камуфляже, как бы преграждая им дорогу.

— Псы Цербера. Змей, это опасно, — тихо сказала Ласка. — Очень быстрые, лучшие наемники.

— Плохие парни? — спросил Змей.

— Очень плохие, — уверенно ответила Ласка.

Из вышедших на насыпь один поднял руку, привлекая внимание, прокричал:

— Привет, Зайцы, замучились Вас ждать. Мы Псы Цербера. Не дергаемся, складываем оружие, поднимаем руки и становимся на колени. Все, отбегались.

Пес перестал кричать, его вызвали по рации, он стал с воодушевлением о чем-то докладывать.

Змей подумал: “Зачем рисковать, ведь мы почти у цели”, отметил прицелом каждого Хищника.

— Псы, как же, знаем, — прокричал в ответ Змей. — Не знаю, кто из нас зайцы, но Вь ляжете здесь, парни, уйдите с дороги.

В ответ получил лишь издевательский смех.

— Змей, а я-то думал, с кем позабавиться сегодня вечером. Эй, красавицы, Вам сегодня повезло.

— Огонь! — приказал Змей, даже не вскидывая Хищника к плечу.

Пятерку Псов одновременно откинуло навзничь. Подошли, забрали все, что смогли, оружие, дорогое снаряжение.

— Сдадим в Ромбове, — сказал Ласка.

Заработала рация.

— За поганый язык твоим Псам пришлось заплатить, — ответил в рацию Змей и раздавил ее каблуком.

К пятиметровой крепостной стене стаба они подошли больше никого не встретив, решив Тигру и Тень пока спрятать в заплечный мешок Глыбы.

Вот и массивные ворота, обитые листовым железом, над ними большая, широкая площадка с несколькими крупнокалиберными пулеметами, по бокам ворот выступающие бетонные башни с бойницами.

— Стоять, — заорали сверху. — Кто такие, назовись!

— Змей! — крикнул Оружейник. — Рамбовский я, с Пьяного угла родом, остальные со мной.

— Откуда с пьяного?

— Рубакина.

— Эй там, внизу, открывай. Змей оказывается наш Рамбовский пацан.

Открылась маленькая дверь.

— Давай, заходи.

Вошли, дверь захлопнулась, опустился толстенный железный засов. Поодаль стояло несколько автоматчиков с интересом рассматривающих их.

К ним подошёл, как понял Змей, главный караула, зарядив:

— Вы находитесь в зоне ответственности стаба Рамбов. Теперь на вас распространяются местный закон. Будьте осторожны и осмотрительны. Стрелять запрещается. Грабить, насиловать, похищать, удерживать, наносить увечья запрещается. Дуэли разрешены только в присутствии секундантов от стаба Рамбов и по кодексу стаба Рамбов. Секундантами могут быть любые полицейские или охотники за головами, проживающие на данной территории. Нарушивший сей кодекс будет преследоваться по всей строгости законов Ораниенбаума. Понятно? — спросил начальник караула.

— Все понятно, старшой.

— Тогда проваливайте! — и тихо добавил, — будь осторожен, Змей, не расслабляйся, многим ты, власть имущим, дорожку перешел.

— Спасибо, не забуду, — так же тихо сказал Змей. — А транспорт до центра у Вас есть? — громко спросил Оружейник.

— Конечно, три споранов, пять минут и в центре.

— Идет. Глыба, расплатись.

Забрались, с улыбками и комментариями, в выдавший виды Пазик, с погрызенными сиденьями, как будто в аттракцион вошли.

— Наконец-то, — улыбнулась Пифия и начала быстро собираться, слегка поправив макияж, и быстро выбежала из усадьбы. — Едем к Крёзу, — сказала она водителю.

У дворца «Катальная горка» всегда было много транспорта. Многие приезжали к Рамбовскому Крезу просить ссуду или расплачиваться. Ее узнали, и без лишних слов проводили, как VIP персону, через служебный проход прямо в смежную комнату рабочего кабинета воротилы.

Здесь было приятно находиться, книжные стеллажи под потолок из красного дерева, арочные окна, по центру цветущая глициния, под ее дивно пахнущими сиреневыми цветами по кругу небольшие, удобные диванчики, маленькие японские столики и подсветка для чтения.

Только Пифия расположилась, в комнату вошел дородный, большой мужчина с живыми, смешливыми глазами и копной рыжих волос. Одет в рубашку безупречной белизны, английский твидовый в коричневую клетку костюм, дополненный изумрудным жилетом. Крез выглядел настоящим денди.

— Почему без охраны? — как-то даже строго, спросила Пифия у вошедшего.

— Ах, бросьте, душа моя, кто же может защитить от Пифии? Надеюсь, ты не пришла убивать друга?

— Ты плохо думаешь обо мне, друг мой. И все равно, Крез, нельзя так относиться к своей безопасности.

— Так осчастливь меня и возглавь мою службу безопасности.

Пифия засмеялась, а на это можно было смотреть вечно.

— Я за этим и пришла, чтоб осчастливить тебя, но только не своей службой.

— Может замуж за меня пойдешь, это мое сто третье предложение, — быстро выговорил Крез.

Пифия с виноватым лицом покачала головой, мол, извини, друг, произнесла:

— У меня есть лучше предложение для тебя, Крез.

— Что может быть лучше в моей жизни, как если ты согласишься на замужество.

— Есть, Крез, есть.

— Так, моя дорогая неприступность, я хорошо знаю кто ты такая. Не темни, ты же знаешь, я щедрый с друзьями, а их у меня раз-два и обчелся, — завелся Крез, понимая, что если Пифия пришла то все очень серьезно.

— Мне нужен Чумной Форт со всем, что там есть.

— Ты считаешь, это нормальная стоимость за твою информацию, которую ты даже не озвучиваешь?

— Поверь, это почти ничто, бесплатно. И ты получишь это уже сегодня, я гарантирую.

— Согласен, — уверенно сказал Крез

И старые друзья скрепили договоренность рукопожатием.

— Тогда мне по срочному нужны все коды к системе обороны и безопасности, документы владения, заверенные администрацией стабов Ораниенбаум и Кронштадт. И еще, дела всех работников, бойцов и обслуживающего персонала. Документы должны быть оформлены на него...

Пифия взяла ручку, написала на листке «Змей» и подала Крезу. Местный олигарх посмотрел, кивнул, сказав лишь:

— Наслышан, подожди немного, — и тут же ушел.

Пазик привез их на привокзальную площадь, жизнь бурлила, даже через край, народу здесь было неприлично много, кто-то подъезжал, кто отъезжал, из военных грузовиков прыгивали вооруженные люди. В сквере группировались целые отряды, глашатаи что-то там кричали, раздавали листовки. Парень, руливший на Пазике, назвавшийся Секой, посоветовал им именно вокзал, теперь здесь был самый приличный кабак, где можно было и комнаты снять и товар, если что, выгодно продать.

Они заняли угловой стол, за ним разместились все. Цены и вправду оказались дешёвыми. Трофеи приняли с воодушевлением, открыв приличный счет, который можно было обналичить в любое время. Заказали грибной суп из настоящих белых, утку по-пекински, настоящее мороженое и кофе. Обслуживающий персонал был приветлив и услужлив. К ним даже вышел хозяин ресторана, поздоровался со Змеем, наговорил всем хороших слов и заявил: “Гости дорогие, ужин за счет заведения, и ночлег в лучших апартаментах”.

К ним постоянно подходили какие-то незнакомые люди, представлялись и жали руку Змею, напрягая девушек. Когда этот навал любезностей схлынул, Змей, наконец, спокойно поел.

— Мы популярны, как я погляжу, получается нас, каким-то образом, все знают, а мы никого, занимательная история.

— Ничего занимательного, это стаб, здесь новости распространяются со скоростью света. И всех подходящих мы знаем, ну почти всех, — поправилась Ласка.

— Ну да ладно с этими слухами, реклама еще никому не мешала, а вот нам нужно поговорить. Вот что я предлагаю, други. Средства у нас есть. Покупаем здание и обосновываемся в этом стабе. Предлагаю жить в одном здании. Но если кто-то захочет жить отдельно, это тоже не сложно организовать.

— Капитан, чем будем заниматься? — обосновано спросил Док.

— Пока предлагаю охотиться на элиту. Да, опасно, но у нас есть чем себя обезопасить. Твердыня с Близнецами займутся обустройством нашего дома. Док будет заниматься

изысканиями, попутно можно открыть лавку и продавать зелья и другие ингредиенты от Элитников. Когда братство окрепнет можно и что-то из оружия или артефактов на рынок выбрасывать, постепенно выстроим крепость и будем себе поживать, добра наживать. Было заметно, всем понравилось предложение Змея, народ заулыбался.

— А что, здорово, — сказала Ласка

Чума произвольно выругалась.

— Капитан, псы Цербера здесь. Вот же не повезло, Жало и Цербер сами пожаловали, — каким-то упадническим голосом сказала Чума.

— Почему не повезло? Это закономерность!

К их столу подошел высокий, стройный мужчина с чертами итальянского мачо, впечатление портили холодные рыбы глаза. За его спиной маячил Кваз, как что-то потусторонне: узкоплечий, сгорбленный, с длинными руками до колен, весь в постоянном бесконтрольном движении, будто с детства больной дцп.

— Ты Змей?

— Кто спрашивает? — спокойно ответил Змей.

Тут подскочило несколько вышибал заведения, с масками страха на лицах.

— Я Цербер, ты убил моих людей.

— Я их предупредил, они не слушали моих слов.

— Все твои спутники умрут завтра, а ты наглец, станешь рабом. Вызываю Вас всех по очереди на дуэль. Змей, я оставляю тебе жизнь, и ты будешь смотреть, как умирают твои люди один за другим, один за другим.

— Ух ты, какой многословный упырь. Ты сам намерен это делать? — спросил Змей.

— Много чести для такого мусора, моим мечом будет Жало, — и показал за спину.

— Я запомнил твои трусливые слова, Псина, и когда-нибудь засуну тебе их в глотку.

Цербер побелел, покраснел, затрясся, но сдержался и буквально выбежал из зала, за ним последовал его Жало.

Подбежал обеспокоенный хозяин заведения.

— Извините, больше такого не повторится. Разрешите вам предложить отдельный зал с полной заменой блюд и напитков, там Вы и поговорить сможете, не опасаясь подслушивания.

Змей согласился, их проводили. Стол ломился от яств и напитков, играла легкая музыка, здесь даже был небольшой танцпол. Вечер был, конечно, омрачен.

— Что приуныли? — спросил Змей, когда расселись.

— Капитан, плохо дело, похоже, нам всем капец, — чуть не плача сказала Ласка.

Змей не успел ответить.

— Не так все плохо, Ласка, — сказала богиня из его снов.

Как она подошла к столу и вообще сюда попала, Змей почему-то не заметил, да и все остальные это как-то упустили.

— Можно присесть к Вашему столу? У меня неотложное дело.

— Никогда не слышал, чтоб кто-нибудь отказывал Пифии, — пробурчал Док.

— Здесь не кабак, а какой-то прорыв Инферно, сказала с долей дерзости и злости, Ласка. — Сначала Цербер со своим темным ассасином, теперь вот Пифия. Тоже наши жизни нужны?

— Ша, успокоиться всем, — цыкнул Змей. — Док, подвинься. Присаживайтесь, угощайтесь. Пифия здесь совсем по другому поводу, она в Братство пришла вступать.

Док выронил вилку из рук, а остальные даже, кажется, и дышать перестали.

— Я не ошибся, Пифия, с мыса Бакенный?

Пифия пожирала глазами Змея и заворуженно улыбалась, как маленькая девочка, которой подарили настоящего медвежонка панду.

— А ты намного опасней, чем я думала, Змей. Нет, ты не ошибся, и вот мой взнос.

И она протянула небольшой тубус.

— Что в тубе?

— Твое право владения на Чумной Форт со всем движимым и недвижимым, и со всем, что там находится, включая иммунных.

— Щедро, — едва ли не присвистнул Змей.

— Это то минимальное, что я могу внести, вступая в Братство. Но мне нужна небольшая встречная услуга.

— Что именно?

— Крезу, подобрать жемчужину или несколько, если получится, этого человека вряд ли кто упрекнет в болтливости. Кстати, и он желает вступить в Братство.

— Ни фигасе, нужный человек, — не сдержался Док.

— Откуда такая информация?

— Зачем таким влиятельным людям понадобилось вступать в наше братство, к нам, гонимым? — спросил Змей. Пифия загадочно улыбнулась, промолчав.

— Пифия, а что с дуэлью? — тихо спросила Ласка.

— Дуэли, как таковой, не будет. Цербер, когда узнает, что я вступаю в Братство, терять своего лучшего бретера, он не станет. А Змею, как главе Братства, нужно лишь официально принять меня и назначить виру, за отказ от дуэли или настоять на дуэли, и тогда я просто убью Жало Кваза.

— Ты так уверена? — спросила Чума.

— Нет. На самом деле у меня были видения, что дуэли не будет.

— А дальше? — спросила Ласка.

— А дальше я не знаю, не люблю за собой подглядывать.

Глава двадцать первая Церберы

— Есть такие, кто против вступления Пифии в Братство Злых Клоунов?

Таких не нашлось. Быстро освободили центр стола.

— Пифия, пересядь напротив меня.

Пифия пересела.

— Тигра, Тень хорош прятаться, выходите, работа есть.

На стол сначала выбрался Тень, а потом и Тигра, вид этих существ, похоже, сильно поколебал Пифию, но виду она не подала, как хороший игрок в покер.

— Пифия, ничего не бойся, придется потерпеть, — сказал Змей. — Вот это Тигра, наш главный специалист по жемчугу. А это Тень, специалист по Артефактам. Причем они же наша основная разведка. Прошу любить и жаловать.

— Специалист по чему? — удивилась Пифия впервые, пожалуй, за последние годы.

— По артефактам, да сейчас сама увидишь. Глыба, табакерку, и наши поделки.

— Глыба сейчас. У Глыбы все готово.

Он снял, наконец, с себя рюкзак и выложил перед Змеем табакерку и здоровенный пук браслетов. Пифия наблюдала во все глаза, а они у нее были бездонные.

— Тигра, Тень, приступайте.

Тигра без раздумий подошла к Пифии, посмотрела ей в глаза и ткнула за большой палец. Пифия даже не дрогнула. Тигра слегка посмаковала кровь Пифии, все так же глядя ей в глаза, а потом еще долго возилась с жемчужинами.

— Подставь ладонь, — подсказал глава братства.

Тигра тут же выложила в раскрытую ладонь Пифии две жемчужины, красную и черную.

— Они твои и подходят тебе, — сказал Змей.

— Сразу две? — даже как-то озадачено спросила Пифия.

— Не бойся, ты видно давно не употребляла жемчуг.

— Можно сказать, один раз употребляла, но очень давно. Многие из старожил, те, кто достиг успеха, даже имея жемчужины, опасаются их употреблять, очень заманчиво, но слишком это опасно.

— Понял тебя. Пока подожди, Тень еще не определился.

Мелочь пока тянула, чего-то суетился, бегал, обнюхивал руки и увлеченно смотрелся в маникюр, пока в каждый палец не посмотрелся, не отстал от этого занятия. И наконец, взгромоздился Пифии на голову. Что-то там повынюхивал, а затем притаранил два иссиня-чёрных браслета с тонким красным плетением посередине. Они оказались чрезмерно большими и, скорей всего, были рассчитаны на мужчину.

Не смотря на это, Змей одел их на руки Пифии. И браслеты, будто живые, тут же ужались, обхватив запястья провидицы.

— Что это? — с искренним удивлением спросила Пифия, пальцами пробуя браслеты.

— Еще ножом рескни, — хихикнула Ласка, — на них даже топор царпины не оставит.

Пифия не поверила, удостоверилась только тогда, когда успешно загубила режущую кромку на одном из своих ножей.

— Что это? — еще раз спросила Пифия, рассматривая в мельчайших подробностях браслеты, заметив клеймо.

— Это и оружие, и усилитель дара, и много еще чего, пока все возможности этих

артефактов не изучены.

— Оружие?

— Да, Пифия, прошу, здесь не пробуй, к этому нужно привыкать постепенно. В ближайшее время все покажу.

— Думала, меня очень трудно уже удивить в этом мире, но после встречи с Вами, теперь только и делаю что удивляюсь.

Глыба поставил золотой кубок и влил в него немного Алого Гроха.

— Глотай свое сокровище и запивай, — сказал Змей.

Пифия без страха проглотила жемчужины, запив их Алым Грохом. Ничего, кроме приятных ощущений, не случилось и провидица с острова Бакенный широко улыбнулась, она уже ничего не боялась.

— Во славу Братства! — сказал Змей, и все повторили, в том числе и Пифия.

На выходе из вокзала провидица тихо спросила.

— Змей Тигра и Тень получается разуны, как мы?

— Да, — просто сказал Змей, — и знаешь, поумней многих будут.

Крез понравился Змею, немногословный, все понимающий и знающий себе цену. Но когда он увидел Тигру с Тенью, как-то потерялся. А когда Тигра ему выбрала две красные жемчужины из его же запасов и вовсе растерялся.

Потом еще браслеты добавили. Финансисты вообще очень материальные люди. Похоже, Креза начинали путать и донимать свойственные его профессии сомнения: “Развели, это все кидалово, вот же Лох”. Змей понял, что нужно вмешаться.

Они сидели втроем вокруг небольшого японского столика под пресловутой голубой глицинией, если не считать Тигру и Тень, сидевших на этом же столике в центре внимания.

— Крез, как у Вас с регенерацией? — спросил Змей.

— О чем Вы? — бросил раздраженный хозяин.

Змей улыбнулся, пожал плечами.

— Ну, обычные порезы за сколько заживают?

— Как у всех, — напрягся Крез, озадаченный вопросом. — Через сутки заживают, на вторые и следа не остается.

— А вот такой порез, сколько будет заживать?

— Какой еще порез, что за разговор? — ответил Крез, и с недовольством посмотрел на Пифию, уже собираясь сказать: “Похоже, у меня на одного друга стало меньше”.

— У Вас на плече глубокий разрез, извините, Крез, за испорченную рубашку.

Финансист посмотрел, сначала он не понял, у него и вправду на плече была глубокая рана, и кровь уже окрасила белоснежную рубашку. Боли он пока не чувствовал, видимо из-за тонкости разреза.

— Как это? — ошарашено, едва не заикаясь, выдавил из себя Крез, смотря, как кровь медленно окрашивает рубашку.

Все дальнейшее он уже воспринимал, как во сне, на грани обморока. Не смотря на свои габариты и внушительный вид, этот человек, оказалось, очень боялся крови. Он даже не почувствовал, как этот ненормальный надел на него браслеты.

— Не переживайте, раны уже нет, — спокойно и уверенно сказал Змей, внося толику порядка в хаос неприятных мыслей одолевающих и Пифию и Креза.

— Как нет? — прошептал воротила.

Тут и Пифия ожила, она попросту содрала рубашку со своего массивного друга. На

плече Креза кровь была, а раны уже не было. Воротила схватился за плечо, ощупал его раз, другой, прохрипев, похоже, потеряв голос:

— Даже шрама нет.

— Крез, эти браслеты не просто красивая вещь, это артефакты созданные мной, они крепче любых материалов из известны, ни алмаз, ни лазер этот металл не возьмет. Они усиливают общее здоровье, одну из граней возможностей этого артефакта вы уже испытали на своей шкуре.

— Эти «безделицы» еще много чего могут, но главное они усиливают дар Стикса или дары, если их несколько. Но и это еще не все, это на сегодняшний день, наверное, самое эффективное оружие для ближнего боя.

И Змей встал, отошел и закружился в катю, демонстрируя то светящиеся ножи, то гладиолусы, то двуручный меч, то длинное копье.

Пифия и Крез сидели, вжавшись в кожаные диванчики и смотрели на танцующего с хищным светом в руках по-разному, девушка с обожанием и восхищением, а владелец заводов, газет пароходов с восхищением и страхом.

Пифия шутливо вдарила локтем своего старого друга.

— Ты плохо думал обо мне, увалень.

— Прости, подруга, так и есть, и ты права, Чумной форт это ничто по сравнению с этим, — и он показал ей свои браслеты.

А когда в его руке засиял солнечным лучом обычный нож для резки бумаги, Крез довольно засмеялся, как обычный дворовой мальчишка, чисто и без фальши. Две жемчужины он проглотил уже без сомнений, запив Алым Грохом, сказав заветные «Во славу Братства», сияя не хуже своих начищенных до зеркального блеска ботинок.

Так Братство Злых Клоунов получило в свои ряды самого состоятельного и влиятельного человека на все обозримые стабы вокруг, и аванс в пятьдесят красных жемчужин для усиления клана неплохо так грел в кармане.

На площади, рядом с фонтаном, где Лев точит когти об апельсиновое дерево, народу собралось, казалось, весь стаб пришел. Народ шумел, колыхался как камыш, приперлось много крикливых лоточников, продавцов пива, мороженого и сигарет, нет-нет да оглушающе рекламирующих свой товар.

Многие смотрели с какой-то беззаветной жалостью на Змея и его людей.

— Хороший парень, жаль.

— Умрут же понапрасну, бежали бы куда глаза глядят.

— Куда от этих демонов Цербера убежишь? Лучше сразу, чем мучиться. — Долетали, брошенные в толпе фразы, до Змея.

Ласка, стоявшая совсем рядом, слегка наклонилась, будто поправляя что-то из экипировки, тихо сказала, так, чтоб только Змей смог услышать:

— Кэп, обрати внимание, на три часа, стоят, ухмыляются двое — это Урфин Джус и Сильвер.

Он уже заметил этих двоих с наглыми рожами, смотревших на него с откровенным злорадством. Змей широко улыбнулся и помахал рукой, как старым друзьям, прокричав:

— Приятно было иметь дело.

Те не ответили и отошли.

Наконец, пришел важный Цербер и его Жало в окружении десятка воинов, вооруженных до зубов, зло зыркая по толпе. “И вправду бешеные псы”. Вокруг них сразу образовалась

пустота.

Подошла четверка представителей закона в черном, с хорошим вооружением.

Старший заговорил в громкоговоритель. Замолкли все. Народ сразу стих. В громкоговоритель прогремело.

«Дуэлянтам, готовиться, начинаем через тридцать минут. Всем имеющим автоматическое оружие поставить на предохранители. Любой выстрел расцениваем как провокацию».

Со спины подошли двое.

— Добрый день, Змей, хотя какой он добрый. Спасибо тебе за Урфин Джюса, потрепал ты эту мразь, сердце радуется.

Змей оглянулся, знакомые лица: “Да это же Молчун и Жнец”.

— Привет, Молчун. Привет, Жнец.

— Мы вроде не знали, — удивился Молчун.

— Верно, только я когда вскрыл сейф в тире, там были записи, видел, как Вы Бедового спасали.

— Молоток ты, Змей, жаль не попить нам вместе пива.

Змей улыбнулся.

— Не хорони меня, друг, раньше времени, и у меня есть козыри.

— Змей, — просипел Жнец. — Противник твой клокстопер, работает в очень низких стойках, излюбленный прием заход за спину и удары в почки и пах. Если сможешь, побегай от него, он мастер пяти секунд. Если пять секунд выстоишь, шансы есть.

— Спасибо Жнец, а вот и мой козырь идет.

Было относительно тихо на площади, а теперь и вовсе все стихло. Вперед вышла Пифия, слегка поклонилась Змею, поприветствовала полицию. Скинула плащ, оставшись в черном кимоно с перекрестием двух клинков за спиной, и с замороженной маской красивой безразличности стала методично разминаться, даже не взглянув на противника.

— Что это? — закричал Цербер. — Это противоречит закону. Змей не имеет права выставлять стороннего бойца.

— Пифия не сторонний боец, она полноправный член Братства Злых Клоунов.

С лица Цербера, будто вся краска сошла, сбледнул псина и тут же подошел к полицейским.

Прошло совсем немного времени, и к Змею подошел, едва сдерживающий улыбку, полицейский.

— Эта Сво..., - полицейский осекся. — В общем, противоположная сторона просит мирного разрешения дуэли и запрашивает цену компенсации.

— Тринадцать красных жемчужин, — сказал Змей и площадь в едином порыве Охнула.

— Согласен, — сказал Цербер, будто легкие выплюнул.

К Змею подошла Пифия, улыбнулась и прошептала на ухо:

— Змей, в скорости эта место будет называться «Площадь тринадцати жемчужин».

Тут и главный полицейский подтянулся, козырнул и обратился к Змею:

— Эти, поджавшие хвосты, спрашивают. — Народ, стоявший рядом, заржал. — Куда компенсацию доставить?

— Чумной Форт, штаб квартира Братства Злых Клоунов.

Народ опять зашумел по всей площади.

— А ты фортовый, и люди твои за тебя клещами держатся, — сказал Молчун. —

Возьмешь в братство?

— А почему бы и нет, — сказал Змей. — Как определитесь, подгребайте к Чумному, там и поговорим.

Чумной форт Змей знал, он даже бывал там несколько раз еще мальчишкой. Как можно пройти этакое притягательное место, Черная громада, настоящая мощная крепость посреди воды с наследством страшных тайн и секретов.

Подошли к Чумному на шикарной моторной яхте Пифии. Крепость неузнаваемо преобразилась, выглядела, как новое строение, вдобавок появилось четыре современных причала и сдвижная стеклянная крыша над фортом.

К управляющему с охраной, встречающих их у причала, добавились Твердыня, Док и Близнецы. Оружейник подметил, парни были довольны, он представился и приказал собрать всех людей во внутреннем дворике. Управляющий, назвавшийся Циферблат, в соответствии своего имени зря время не терял, убежал с охраной исполнять указания нового владельца.

На причале остались только свои.

— Твердыня, как тебе Чумной?

— Выше всяких похвал, поработать, конечно, еще придется, но основные работы выполнены. Я успел только в сокровищнице поработать как следует, Кэп, теперь там надежней некуда, следом решили подвалы воссоздать и укрепить, Доку требуется что-то подальше от глаз, да и Вам, Кэп, тоже самое нужно.

Соответственно, нужно Ваше одобрение и средства.

На двадцать восьмом заводе есть материалы нужные нам, мы подсуетились заранее, они уже дали согласие.

— Так что нужно только ваше одобрямс или не одобрямс, — вставил свое Док.

— Без вопросов. Глыба, выдай нужное Твердыне и иди, принимай Хранилище.

— Глыба все сделает. Глыбе тоже нужно двадцать восьмой завод.

— Вот, как разберетесь здесь с делами, шуруйте всем скопом, и мне спокойней, только осторожней там и бдительней, понял, Глыба?

— Глыба понял, — просиял гигант.

Прошли во дворик, сердце радовалось укрепленным коридорам, приятно осознавать, что за твоей спиной несколько метров крепостной кладки.

Внутренний дворик преобразился разительно, вместо заросшего травой палаца и кусков кирпича здесь был разбит мини парк со скамейками и цветной мостовой, выложенной плиткой. Смотрелось стильно и очень красиво, на проект восстановления Крез не поспешили.

Служащие и охрана стояли двумя шеренгами по отдельности и внимательно, с напряжением, смотрели на нового владельца.

— Меня зовут Змей, Чумной Форт теперь собственность Братства Злых Клоунов. Ваши долги и рабство аннулируются. С этой минуты Вы все свободные люди. Можете хоть сейчас уйти, а можете поступить на службу. Лучшие, доказавшие свою преданность и желание совершенствоваться, со временем смогут вступить в братство. Завтра, с восходом солнца, здесь смогут остаться те, кто решит связать свою судьбу с Братством. Это все, разойдись.

Они не успели и половину Форта обойди, как прозвучал взрыв. Подбежал Циферблат.

— Хазя... тьфу ты. Капитан, на двадцать восьмом Взрыв.

Разбирали завалы полдня. Среди трупов своих не нашли.

Пифия вошла в раскопанный эпицентр взрыва, как лунатик, глаза открыты, но будто не

видит она настоящее, то ли в грядущее, то ли в прошлое смотрит.

— Не подходите к ней, — предупредил Змей, понимая, что происходит.

Через минуту Пифия пришла в себя.

— Это был непроизводительный взрыв, это все подстроено, а наших просто похитили, опоили чем-то, и увезли до взрыва, и это псы Цербера, — уверенно сказала Пифия. — Они будут торговаться, им нужен ты, Змей.

— Они совсем охренели, напали на стаб и думают, что это им сойдет с рук, — заявил один из полицейских наблюдателей.

— Доигрались, суки блохастые, теперь им и в Кронштадт и в Рамбов ход точно закроют, да и до других стабов вести скоро дойдут, — сказал другой служивый.

Засели в вокзале, приходилось ждать хода Церберов. Змей попросил Пифию рассказать все, что знает о Церберах.

— В Питере есть несколько странных мест, сильно отличающихся от основного кластера Санкт-Петербург, они частично стабильны, их мало, но они есть, например, остров Заячий, на котором стоит Петропавловская крепость. По слухам он перегружается раз в десять лет, но правда это или ложь никто не знает. Церберы держат это в секрете. Основной источник их силы и благополучия, кроется там, в Петропавловской Крепости и ее расолажении. Многие стабы давно бы отказались сотрудничать с Псами, но выгода от сотрудничества пересиливает. Как говорится, скрежещут зубами, а руку жмут. Они единственные из больших групп, кто закрепился в Питере, тем более центре. Редкие товары, произведения искусств, качественные биоматериалы регулярно и в больших количествах, и конечно, охота за головами, как не крути, а здесь они тоже лучшие.

Костяк клана это Цербер и его младший брат кваз Жало, оба отличные бойцы, они-то вместе лет двадцать назад и создали Церберов. Потом младший то ли под давлением старшего, то ли сам сглупил, переел жемчуга, ну ты видел последствия, а вот боец из него вышел отменный, нестандартный, непредсказуемый.

Постепенно, к этой шайке, называющий себя кланом, прибились все лихие отморозки со всех ближайших стабов, и самые-самые из них: это безумец Горелый — дар Алхимик, откровенный садист Белый — сильный знахарь, и Крюк, еще один с ненормально психикой, по слухам у него и дар соответствующий — палач.

Договорить они не смогли, к ним подбежал официант.

— Вам передали пакет.

На запечатанном пакете было написано: «Последнему Герою».

Большое подвальное помещение было жутким, что-то среднее между лабораторией пыточной и моргом. По центру стояло четыре железных лежанки с поддонами на высоких ножках, над ними бестеневые хирургические светильники.

На трех лежали Глыба, Твердыня и Док, зафиксированные широкими капроновыми лентами, пленные будто спали и видели кошмарные сны, яблоки под веками беспорядочно бегали, тела периодически подергивались, еще на одной лежанке-столе лежала тварь, распоротая от горла до промежности. Тут еще было двое в медицинских халатах, один сновал между лежавшими без сознания, второй же, видимо только вошел, и спускался по лестнице.

Тот, что спускался по лестнице, являлся полным альбиносом, короткий ежик, презрительная маска на лице, казалось застывшая навсегда, из цветного на нем были только пятна крови на халате и увеличенные черные зрачки, даже тенниски на нем были белые.

— Хэлоу, Горелый, тут говорят к тебе каких то важных новеньких притаранили.

— И тебе по тому же месту, Белый, — ответила, полная противоположность: лысый, кожа черепа коричневая в черных отметинах, будто только что пострадала от порохового ожога, на самом деле это были последствия неудачного эксперимента.

— Да уж, Цербер интересных субчиков нам подогнал. Я еще таких навороченных не встречал. Кто такие, Горелый?

— Люди Змея. Ты, Белый, даже не подходи к ним пока Хозяин отмашку не даст, как сказал Босс: — “Они наша наживка, червячки на рыбку золотую, а они живые нужны”.

— Жаль, — искренне ответил Белый. — А то они мне уже нравятся, в особенности вон тот, большой. И что в них такого, Горелый, как ты говоришь «интересного»?

— Да вот, например, какие-то приبلуды на руках. Представляешь, алмазный резак даже царапины не оставил, я три диска об него загубил, даже не понимаю, как такое может быть. И еще вот, смотри...

Алхимик взял скальпель и хладнокровно стал делать надрез, оголились кости на груди гиганта, который так понравился Белому.

— Ха, как твой кошмарик действует, даже не дергается.

— Не кошмарик, а зелье «Кошмары Горелого», — поправил Горелый и положил скальпель в ванночку.

Рана тут же на глазах затянулась. Белый не удержался, провел рукой, размазав лишь остатки крови, облизал свою руку. Знахарь грязно выругался и приложил свои ладони к груди гиганта, лежавшего беззащитной глыбой на столе.

— Режь снова.

— Ух, — выдохнул Белый, отшатнувшись. — Это и вправду что-то запредельное. Давай кисти отрежем и снимем.

Горелый с сожалением вздохнул.

— Уже предлагал Церберу, заинтересовался сильно, но не разрешил.

В запечатанном пакете оказалась небольшая коробочка с тринадцатью жемчужинами и работающая рация.

Змей нажал на тангетку:

— Я на связи, прием.

— Твои еще пока лежат целые, не кусками. Предлагаю обмен один к трем. Мне нужен ты, Змей. Договариваемся сейчас, времени не дам.

— Условия передачи? — твердо спросил Змей.

— Через час катер подойдет к Угольной стенке. На пирс по трапу сойдут твои люди, а ты зайдешь на катер. Все.

— Все? — спросил Змей.

— А да, ты должен громко дать клятву на привокзальной площади, чтоб все собравшиеся слышали, что ты сдаешься в плен Псам Церберам, и не будешь выказывать сопротивления до хорошенькой удобной камеры. Мы тут подобрали тебе одну знаменитую, там Великий князь Павел Александрович — сын императора Александра II сиживал, тебе будет приятно и, опять же, статусно.

— Получается, выказывать сопротивление до камеры не могу, а потом сколько влезет? — шутливо спросил Змей.

— Можешь, можешь, — ответил Цербер и хрипло заржал. — Делай дело, Змей, а то мои шестерки извилились уже все. Не привыкли они выпускать из лап своих загребущих столь

ценный материал.

— Согласен, — сказал Змей.

— А я и не сомневался, — хлипло хохотнул Цербер. — Как родился с прострелянной ангелом головой, так до сих пор в голове твоей праведный сквозняк и гуляет.

На площади как всегда было полной народу, пришлось совершить условие выставленное Псами. Из толпы неслось: «Не мудри Змей! Пошли их нахрен, Кинь их».

— Времени осталось совсем мало, — сказала Пифия.

Они были в доме провидица. Совсем рядом от угольной стенки. Девушки были буквально в панике.

— Змей, у тебя есть план?

— Есть, — спокойно сказал Змей. — Но очень опасный.

— Мы вступили в Братство, не для того чтоб пирожки печь, — сказала Ласка.

Змей кивнул.

— Пифия, есть подробная карта центра Питера?

— Есть, — ответила прорицательница.

Через минуту карта была на столе. Тень, как всегда расположился по центру, Тигра взгромоздилась на краю.

Думаю первые двое суток меня будут лишь пугать, а в серьез займутся попозже.

— Побег буду пробовать следующей ночью. В два часа. И не сомневайтесь, шансы у нас есть. Так, а теперь план. Вот Заячий остров и Петропаловка. Скорей всего меня поначалу определят в камеру в подвалы, как и обещали. Тень, скрытно следуешь за мной, просто наблюдаешь, без моей команды не вмешиваешься, понял?

Крысенок кивнул.

— Держим связь, изучаешь крепость, врагов, их расположение, не забывай делиться картинками. Тигра, и Вы девушки, возможно еще Глыба, если будет в состоянии. На катере входите в город по Большой Невке, — и Змей указал место на карте, — идете до Авроры, там оставляете катер, пересаживаетесь в резинку с электрическим приводом, следуете почти до конца Петровской набережной. Там до Александровского Парка рукой подать. Встречаемся у Грота. Надеюсь, Тигра проведет Вас до места, — и Змей мысленно передал Тигре примерный маршрут. — Девушки, а вы знаете, где это?

— Знаем, — ответила Ласка. — Недалеко от Горьковской.

— Точно, — подтвердил Змей.

— Но зачем мы там? — спросила Чума.

— А ты что, хотела брать приступом Петропаловку? — Змей убылся, хотя глаза его не располагали к улыбке.

— Единственный выход — это метро, стопроцентное место для отсечения преследования. В городе нам не уйти, они лучше знают обстановку и их много. По воде тоже проблематично, догонят, зажмут катерами и опять же, останется уходить в город. Погоня, как я понял, для Псов это их хлеб, и скорей всего у них самые быстрые катера.

Пифия кивнула.

— Тогда только метро.

— Это будет круто, — сказала Пифия. — Если выйдем из этой передраги живыми, о нас будут легенды слагать.

— Оттуда еще не кто не возвращался, интересно попробовать, — сказала Ласка.

— Страшновато, но я за, — сказала Чума.

— Первопроходцы, если выживают, всегда преференции имеют, двумя руками за, — сказала Мамба.

— Уверен группой мы справимся, — сказал Змей.

На угольной стенке народу столпилось, как на парад гоночных катеров.

Как и договаривались с Цербером, подошел один из их быстроходных катеров. По трапу спустились целехонькие Глыба, Твердыня и Айболит.

Змей успел обняться с ребятами и взошел на катер. Со всех сторон неслись угрозы Церберам и оскорбления. Катер отчалил, толпа вначале затихла, а потом разразилась рукоплесканиями.

Глыба стоял на причале, смотрел на удаляющийся катер и, не стесняясь, плакал, и не только он один.

Несколько слов от Автора:

Дорогой читатель, рядом со мной, на даче, проживает странная зверюга — конь с крыльями, отзывается на кличку Пегас, от сена и яблок отказывается напрочь, подавай ему, понимаешь ли, Лайки да Репосты.

Не сочтите за нахальство, покормите Зверюгу.

Валерий Старский.

Больше книг на сайте - Knigolub.net